

A man in a dark trench coat and hat stands with his back to the camera in a foggy, arched tunnel. To the left, a train is partially visible. The scene is dimly lit, with a light fixture visible at the top center.

Валерий Филатов

Туман искажений

**шпионский
политический роман**

Россия. 1995 год. Страна в жуткой инфляции и под внешним управлением. Первая Чеченская война, Буденновск... Предложение президента Ельцина в 1992 году о полном одностороннем ядерном разоружении России воспринято в администрации президента США с удивлением и настороженностью. Работы над этим соглашением ведутся в строжайшей тайне, и Клинтон планирует его подписать во время своего визита в Россию, на праздновании 50-и летия Победы над фашисткой Германией. Среди российских чекистов ещё остались те, кто понимает, чем закончится для России подписание такого соглашения.

Бывший генерал КГБ Андрей Ткачёв и агент под псевдонимом "Хмель" в тайне от руководства ФСБ и СБП пытаются помешать ЦРУ заключить соглашение.

Ткачёв и Хмель сталкиваются с огромными трудностями, не только со стороны ЦРУ, но и со стороны ближайшего окружения Ельцина, и вынуждены во многом уступать, чтобы добиться главной цели.

Глава 1

Февраль 1995 года.

— Привет от Хмеля...

Андрей Викторович вздрогнул и чуть не выронил мороженое, которое позволял себе раз в неделю и выкраивал на него из нищенского бюджета пару-тройку тысяч.

Ткачёв удержал в руках вафельный стаканчик от падения и искоса взглянул на милovidную даму, присевшую на скамейку рядом с ним.

— Простите, я не расслышал. Вы что-то сказали? — прикинулся дурачком бывший генерал-майор бывшего КГБ СССР.

Женщина улыбнулась, тряхнув длинными умело накрашенными ресницами.

— Я сказала, что вам привет от Хмеля.

Тихо повторила она, потом поднялась и пошла вдоль аллеи. Обернулась, и легким жестом отправила Ткачёву воздушный поцелуй. Андрей Викторович даже забыл про мороженое, таявшее в ладони...

Ткачёв пришёл домой в скверном расположении духа. Долго ковырялся в прихожей с обувью, смахивая куцым веником снег с ботинок. Наконец снял их и направился на кухню, чтобы согреть чайник... Холодное дуло пистолета уперлось ему в затылок.

По спине Андрея Викторовича пробежали противные мурашки.

— Привет, генерал, — услышал он забытый голос с легкой хрипотцой. — Стой и не дёргайся.

Ткачёв усмехнулся. Дёргаться он и не собирался — бесполезно. Да и не зачем...

— И тебе привет, Хмель... Каким ветром?..

— Попутным, — ответил бывший агент Ткачёва. В его голосе звучала злость и обида. — Ты, что творишь, Викторыч?!

Ткачёв возмутился такой постановкой вопроса. Он более десяти лет скрывается под чужой фамилией в захолустном городке, куда его поселил сам же Хмель. Хорошо, хоть пенсию назначили, особо не проверяя, но Андрей Викторович замучился ходить по разным инстанциям и изображать из себя немощного старика.

— Не понял твоих претензий, Хмель. И убери пистолет!

Дуло только твёрже уткнулось в затылок бывшего генерала.

— Викторыч, не строй из себя клоуна. Я бы уже давно тебя пристрелил, но в память о нашей прошлой дружбе я решил прийти к тебе и спросить — какого хрена ты на меня навёл каких-то «быков»?!

Ткачёв выпучил глаза.

— Если хочешь, то стреляй! Я не понимаю, о чём ты говоришь! Я без понятия о том, где ты всё это время ошивался!

Хмель какое-то время молчал, потом резко убрал пистолет и попросил:

— Повернись.

Ткачёв развернулся и вздрогнул. Перед ним стоял его бывший агент, поседевший и заматеревший, как старый свирепый волк. Правую бровь Хмеля рассекал небольшой шрам, плотно сжатые губы, будто обесцвечены, и шелушились мелкими чешуйками. Некогда сильное и гибкое тело обросло узловатыми мышцами, торчащими даже из-под легкой куртки.

— Тебя где носило-то, Хмелюшка?!

— Лучше не спрашивай, Викторыч, — вздохнул агент и убрал пистолет за пояс. — Давай, обнимемся что ли?

Ткачёв знал, что это уловка — Хмелью надо было прощупать генерала на предмет прослушивающего устройства, но, чёрт возьми, он был рад видеть его. Они обнялись, и Хмель неожиданно для Андрея Викторовича улыбнулся.

— Ладно, хватит нежностей, — отстранился Ткачёв. — Рассказывай, что тебя привело ко мне. И с чего ты решил, что я тебя кому-то сдал?

Они уселись за кухонным столом.

— Месяца три назад на меня вышел человек, — начал рассказывать агент. — И упомянул, что от тебя.

— Да иды ты?!

— Да, — Хмель поставил чайник на плиту, зажёл газ. — Я, конечно, ему не поверил, но решил проверить. Человечка пробил, и отправился сюда. Последил за тобой, но никаких контактов не выявил, кроме почтальона, который приносит тебе пенсию. Викторыч, ты так и жил один все эти двенадцать лет?

— А ты думал у меня тут горем? — ухмыльнулся Ткачёв. — Кому нужен старый бедный пенсионер?

— Не прибедняйся, — возразил Хмель. — Я-то видел, как ты на ту девочку в парке заглядывался.

— Уж и посмотреть не могу, — дернул головой Ткачёв. — Хорошая девочка, фигуристая. Ты скажи, что за человек-то к тебе приходил?

Агент нашёл в ящике чай, заварил в кружки, поставил на стол.

— А вот тут, Андрей, загадка. Не смог я выяснить, что это за человек. И след его потерял.

Ткачёв поперхнулся чаем. Либо Хмель потерял навыки, либо человек был большим профессионалом — похлеще, чем Хмель.

— Значит, ты потерял его след, и решил за мной присмотреть? — догадался Андрей Викторович. — А когда посмотрел, то впал в панику.

— Какой ты догадливый, Викторыч! А что мне оставалось делать?

— А чего он хотел от тебя?

Хмель хлебнул чаю и задумался. Потом тихо сказал:

— Денег предложил за сотрудничество.

— Много?

— Нормально.

Ткачёв задумчиво посмотрел в окно. На первый взгляд, ситуация не критична. Ну, предложили Хмелью денег. Скорее всего, за работу киллера. Но зачем говорить, что именно от Ткачёва? Хмель — агент свободный, и работает так, как посчитает нужным. Что-то тут не сходилось...

— Человечка, ты, конечно, не видел. И как же ты его пробивал?

— Он мне телефончик оставил. Я позвонил пару раз, но там женщина приятным голосом что-то по-английски говорит.

— Дай-ка, я на номер взгляну...

Хмель выложил перед Ткачёвым бумажку с записанным семизначным номером.

— Это номер мобильного телефона.

— Какого?!

— Мобильного, Андрей! Ты здесь совсем от жизни отстал... Теперь можно трубку носить с собой и звонить на любой номер. Помнишь, у тебя станция в машине стояла? Вот... Сейчас трубку с антенной носишь в кармане, или на поясе. «Моторолой» называется.

Ткачёв удивленно покачал головой — вот, мол, до чего прогресс дошёл, но счёл нужным спросить:

— Ладно. А почему он не ответил на твои звонки?

— А вот этого я тоже не знаю, но из твоего города звонить не буду. Мало ли...

— Н-да, — многозначительно протянул Ткачёв, допивая чай. — Надо в Москву ехать, и звонить этому человеку. Не просто так он меня упоминал... И ведь как-то нашёл тебя!

Хмель чуть сморщился.

— Я тут подвязался к одним... Наверное, свою морду и засветил. Жить-то как-то надо!

— А подробнее?

Оказывается Хмель «вступил» в некую бандитскую группировку. Не так, чтобы шибко авторитетную, но по мелочи подрабатывал, изображая из себя «тупого бойца». Кому физиономию побить, да для кучи на «стрелке» постоять.

— И как тебя угораздило? — возмутился Андрей Викторович. — Я читал, что для борьбы с такими группировками в милиции целый отдел организовали. И как тебя кличут в этой банде?

— Как, как, — отвернулся агент. — Хмелём и кличут. Погоняло такое.

— Чего? Погоняло?! — рассмеялся Ткачёв. — Вот твоё это «погоняло» и привлекло внимание. Ты, вообще, о чём думал-то?!

— Ни о чём, Андрей. Как мне в «новых» условиях выживать?

Прав был Хмель. В новых реалиях ему было очень трудно. Советскую систему он знал хорошо, а вот новая — российская, была уже тёмным лесом. И в этой системе оставалось главное — Хмель был агентом экстра-класса, но в новой системе места ему не было. Хотя, как знать...

— Ладно, — махнул рукой Ткачёв. — Две головы завсегда лучше. Ты располагайся, а я в магазин схожу. Поедим, и подумаем, как жить дальше. Сдаётся мне, что новые «хозяева» хотят нас найти. Правда, я не понимаю, зачем я им сдался. Ты-то ладно, ещё на что-то годен, а моя личность... Только по помойкам рыться.

Хмель кивнул.

— Викторыч, я прикорну на твоём диване?

Ткачёв согласно махнул рукой и стал собираться в магазин. Украдкой осмотрел содержимое своего кошелька.

— Андрей, возьми в моей куртке деньги, — сказал Хмель. — Не считай свои копейки. Купи нормальной еды. Оружие тоже возьми... Ещё не научился пользоваться?

— Разберусь, — буркнул Ткачёв, но оружие взял. Привычно проверил обойму старенького ПМ, сунул пистолет в карман пальто и вышел из квартиры.

Улица встретила темнотой и легкой метелью. Андрей Викторович постоял у подъезда, отойдя от светящегося над парадным фонаря, внимательно посмотрел по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, шустро пошёл в магазин, похрустывая падающим на асфальт снегом.

Когда он повернул за угол дома, то наткнулся на двух незнакомцев, преградивших ему дорогу.

— Не стоит, Андрей Викторович, — один из них вытянул руку, увидев, что Ткачёв полез в карман. — Нам нужно с вами поговорить. Уделите пять минут... Пожалуйста.

Темнота скрывала лица незнакомцев, и Ткачёв, как не всматривался, разглядеть их не мог. Только силуэты. Голос говорившего, правда, был с властными интонациями — человек явно привык отдавать приказы, а не просить.

— Это вы выходили на Хмеля? — решил спросить Ткачёв.

— Да. Через него мы рассчитывали добраться до вас. Как видите, удачно.

— Говорите, что вам нужно, — Андрей Викторович нервничал. Он, хоть, и жил почти нищенски, но зато спокойно и размеренно. Что-то поменять было очень сложно.

— Мы предлагаем вам вернуться на службу.

— Кто это — мы?

— Одна государственная структура. Вы, хороший аналитик, генерал. И у вас есть хороший агент. Это то, что нужно...

— А подумать?..

— Безусловно, — усмехнулся в темноте незнакомец. — Завтра в два часа две минуты после полудня к вам подойдёт мой человек. В руке у него будет газета «Совершенно секретно»...

Ткачёв хихикнул — название было в тему.

— В случае согласия вы должны быть завтра в Москве у памятника Пушкину. Вторая лавочка слева, если смотреть от кинотеатра, — невозмутимо продолжал незнакомец. — Агента можете с собой не брать. Хмель засветился в милицейских сводках, и неприятности вам ни к чему.

— А если я не соглашусь?

— Будет жаль, — просто и быстро ответил незнакомец и добавил секунду спустя. — Очень жаль.

И они ушли в темноту, оставив Андрея Викторовича смотреть им вслед. Ткачёв немного постоял, пожеывая губы в пустом размышлении, потом всё же дошёл до магазина.

Страна уже начинала оправляться от первых беспокойных лет наступившего капитализма — на полках магазина и в холодильниках лежали всевозможные продукты. Лишь бы деньги были. Андрей Викторович взял у Хмеля достаточно, чтобы купить то, что он уже давно хотел, но по причине нехватки средств купить не мог. Купил даже четвертинку коньяка и лимон.

— Кутить, так кутить — ещё одну ириску, — пробормотал Ткачёв, вспомнив анекдот.

Нагруженный сумкой, он вышел из магазина и подставил лицо под мелкие снежинки, вихрившиеся в воздухе. Снежинки мягко таяли на разгоряченном лице, покрывая «горевшие» поры холодными каплями.

«Одна государственная структура...» — вспомнил Андрей Викторович слова незнакомца. Служить государству, конечно, хорошо, но надо ли? Если раньше государство хоть как-то, но защищало, то теперь каждая, так называемая государственная структура, это вотчина одного человека, преследующего только свой интерес. Это Ткачёв, как аналитик, хорошо понимал. Выходит, что согласившись с неожиданным предложением, Андрей Викторович будет служить интересам какого-то человека. И не факт, что этот человек защищает интересы государства. Да и будет ли оно — государство, в том виде, в котором есть справедливость и порядок. Не верил Андрей Викторович в рынок. Ох, не верил Свободный рынок — это всегда обман. И безудержный хаос.

Но жить-то как то надо! Либо идти против течения, либо плыть по течению. Конечно, можно на всё плюнуть и уехать куда-нибудь. Только будет ли это верным решением? Если до него и здесь добрались, то доберутся везде. Но как его нашли! И зачем?

Полный противоречивых мыслей Ткачёв вернулся домой. Проснувшийся Хмель сразу понял его настроение.

— Нашли? Через меня?! Вот я дурак-то! И что теперь?

— Работу нам предложили. Вот думаю... Зачем мы им вдруг понадобились? Ты, так, вообще, по милицейской базе засветился. Тоже мне... Тайный агент.

— Викторыч, не пыли, — Хмель надкусил колбасу, не разрезая. — То, что было создано годами, никуда не делось. Только перешло на денежные отношения. Я пока был в «бригаде», прощупал бывшие связи. Всё на месте, всё функционирует. Только «лове» тащи...

— Какое «лове»?!

— Деньги, Андрей! — рассмеялся Хмель. — А что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги.

— То есть, ты, предлагаешь продать себя за большие деньги?!

— А почему бы и нет, Андрей. Пока на нас есть спрос. А там видно будет... Я так понимаю, что если эти люди так настойчивы, то мы им нужны.

— Только для чего?

— Так пока не спросим, и не узнаем, — Хмель с хрустом открутил крышку на бутылочке с коньяком. — Где у тебя рюмки?

Ткачёв быстро помыл лимон, разрезал его на дольки, достал рюмки.

— Когда спросим, уже не отвертимся, — он разрезал хлеб и колбасу на разделочной доске.

— Да и ладно, — агент разлил коньяк по рюмкам. — Главное — не обосраться. И вовремя смыться. Викторыч, вот подумай... Мы с тобой старой закалки. Ты, так, вообще, служил и в милиции, и в КГБ. Связи, наверняка, остались, пусть и прошло с десятков лет. Я так тебе скажу... КГБ хоть и нет сейчас, но оно осталось под другим названием. Люди там служили не глупые, и в них есть сейчас нужда. А ты ещё, насколько я помню, и с криминалом контакты имел.

— Но ты-то засветился! — повысил голос Ткачёв, но Хмель только махнул рукой.

— Немного денег, и будут новые документы, и новая внешность.

— И как ты с новой внешностью, да по старым связям?

— А вот этого, Андрей, я тебе сказать не могу. Пусть останется моей тайной. Но скажу, что проблем у меня не будет. Было бы поставлена задача. Если честно, то я «замерз» без дела...

Ткачёв понимал своего бывшего агента. Когда он был нужен «системе», то Хмель отдавал ей себя всего, и не его вина, что та «система» развалилась.

— Как бы нас не убрали после «дела», — пробурчал Андрей Викторович. — Другие времена, Хмель...

Они выпили, закусили лимоном, и Ткачёв тяжело вздохнул. Про другие времена это он зря сказал. Та «система» и хотела его убрать... Хотя, как посмотреть. К нынешней та «система» и стремилась. И совсем неизвестно, как бы было, если сожжённые Ткачёвым документы, попали бы на стол людям, принимающим волевые решения. Чтобы было тогда с этой — нынешней «системой»? Впрочем, история не терпит сослагательного наклонения — есть так, как есть. Кто же знал, что бывший первый секретарь областного парткома,

находившийся в разработке Ткачёва, как «агент влияния» иностранной разведки, будет президентом страны. А может быть, именно поэтому к Ткачёву пришли люди, представившиеся «государственной структурой»?!

— Вот что, Хмель, — решительно сказал Андрей Викторович. — Ты посиди пока у меня. Я завтра поеду в Москву и попробую, не рискуя напрасно, найти нам дело. Еды я купил, так что отдыхай. Если не вернусь до послезавтра, то...

— Андрей, не гуди! — резко прервал его Хмель. — Я им за тебя глотки повыдираю, кем они не были.

Ткачёв улыбнулся.

— Ну, ты разошёлся. Дослушай сначала. Если... я не вернусь, то поезжай в Москву. В ресторане «Пекин» найдёшь Автондила Аккакиевича. Скажешь, что от меня. Автондил мне обязан кое чем, я не раз его предупреждал... Напомни ему про Зареченск — он поймёт. В общем, грубо так напомни. Возьмёшь у него денег, изменишь внешность и поезжай в Зареченск. Понюхаешь там, что к чему и если найдёшь наших старых знакомых...

— Не продолжай, Андрей, — агент ещё раз наполнил рюмки. — Я знаю, как поступить. Давай выпьем за тех, кого с нами нет.

Они поднялись и молча выпили.

— Ты в столице особо не геройствуй, — Хмель разжевал дольку лимона. — Короче, соглашайся на всё, что предложат.

— А ты здесь не геройствуй, — в ответ посоветовал Ткачёв. — Если менты нагрянут, то не отстреливайся. За моей квартирой, наверняка, наблюдают. А ты, во время моей поездки, вроде заложника.

Хмель весело улыбнулся.

— Ты плохо знаешь реалии, Андрей. Толстая пачка денег позволит мне уйти без проблем, — и тихо добавил. — В первый раз, что ли... Ладно, давай по последней, и будем укладываться.

Андрей Викторович долго не мог заснуть, прокручивая в голове различные «сценарии» будущей беседы. Он не верил, что тот человек, который придёт на встречу, сразу откроет все карты. Обязательно будет проверка на профпригодность. А уже потом, постепенно, его будут нагружать работой. И, скорее всего, аналитической. Возможно, они даже думают, что документы по разработке 1982 года у Ткачёва ещё остались. Только зачем они сейчас нужны? Но вопрос об этих документах они зададут — это не ходи к гадалке. Только как они узнали?

Андрей Викторович ещё долго ворочался на старом диване...

Глава 2

Андрей Викторович был у памятника Пушкину ровно в два часа пополудни. Только он успел разглядеть обгаженные голубями и воронами голову и плечи изваяния, как за спиной Ткачёва кто-то тихо сказал:

— Добрый день, товарищ генерал...

Андрей Викторович резко обернулся. Лицо мужчины, державшего в руке газету «Совершенно секретно», показалось знакомым, но Ткачёв никак не мог вспомнить — кто это...

— Не узнаёте, товарищ генерал? — улыбнулся мужчина и представился. — Мы вместе работали в КГБ...

— Гришин?! — попытался вспомнить фамилию Ткачёв.

— Гришаев, — улыбнулся тот. — Евгений Арсеньевич...

— Простите, — смутился Андрей Викторович. — Я теперь вспомнил... Вы были майором, и благодаря вам...

— Не нужно, товарищ генерал, — Гришаев показал ему газету, и Ткачёв увидел надпись шариковой ручкой: «соглашайтесь со всем, что я предложу».

— Бывший генерал, Евгений Арсеньевич, — кивнул Ткачёв.

Гришаев взял его под руку и увлёк по аллее к кинотеатру «Россия». Они пошли не спеша.

— Андрей Викторович, я уполномочен своим руководством предложить вам работу в качестве консультанта-аналитика, — тихо говорил бывший подчинённый. — Работа по вашему профилю, так что, сложностей не должно возникнуть. Будете приезжать к нам два раза в неделю — вторник и четверг, и просматривать документы. Свои соображения записывать в рабочий блокнот, там же оставлять примечания, какие документы или публикации будут нужны, чтобы лучше понять суть вопроса.

— Евгений Арсеньевич, а куда я буду приезжать?

— Я скажу вам адрес, если вы согласитесь. Это квартира, снятая нами для вашей работы. В каждый свой приезд вы будете получать вознаграждение. Если ваша работа будет продуктивна, то и премию.

— Заманчиво, — Ткачёв сделал вид, что удивился. — Я согласен. Сами понимаете, лишняя копейка мне не помешает.

— Хорошо, — Гришаев остановился. — Вот вам пейджер. На него придёт сообщение, на какой адрес вам стоит подъехать, — он протянул Ткачёву газету. — Почитайте по дороге. Там информация для работы, ознакомьтесь внимательно.

Андрей Викторович взял газету. Он понял, что в ней есть что-то именно для него, и Гришаев не хочет, чтобы кто-то узнал об этом. И предполагал, что их разговор прослушивается.

— До свидания, товарищ генерал, — бывший майор развернулся и пошёл в сторону Кузнецкого моста. Ткачёв теребил свёрнутую газету и наблюдал за ним. Через какое-то время Андрей Викторович выждал, когда толпа ринется в подземный переход, и резво нырнул туда же.

Это место было ему хорошо знакомо. Прячась за спинами толпы, Ткачёв совершил несколько манёвров, и выскочил из перехода на Страстной бульвар, что тянулся справа от

кинотеатра от Пушкинской площади. И тут же свернул в малоприметный закоулок. Петля между домами, Ткачёв вышел на Большую Дмитровку и, посмотрев по сторонам, заскочил в кафе напротив.

В зале народу было немного, а за барной стойкой Ткачёву дежурно улыбнулась симпатичная девушка. Он застенчиво подошёл к ней, выложил тысячную купюру.

— Простите, мне нужно в туалет.

Девушка забрала купюру и кивнула на темный проход слева от стойки. Не теряя времени, Андрей Викторович прошёл туда, запер за собой дверь. Быстро пролистал газету и увидел лист бумаги. На нём было написано: «в 17.30 „Букинист“ на Кузнецком мосту. Пароль — мне нужно издание Достоевского 1927 года».

Ткачёв порвал листок и выдрал надпись Гришаева из газеты. Спустил обрывки в унитаз. Потом вышел на улицу, благодарно улыбнувшись девушке за стойкой.

До половины шестого времени было достаточно, и Андрей Викторович решил прогуляться по Москве и съесть гамбургер в «Макдональдсе», благо денег у него хватало. Ко всему прочему, Тверской бульвар был очищен от снега, и погода располагала к прогулке.

Дойдя до памятника Сергею Есенину, Ткачёв решил присесть на лавочку и подумать.

Всё, что сейчас происходило, было, по меньшей мере, странным. Андрей Викторович отвык от всяческих интриг, но та игра, в которую он попал по самые уши, его заинтересовала. Гришаев явно что-то скрывал, и рассказать прямо не рискнул, выбрав конспиративный путь к очной встрече. Скорее всего, на ней Ткачёв и узнает много интересного... и опасного.

Видимо, какая-то «сила», организовав государственную службу, вышла на Ткачёва с Хмелём не просто так. «Наверху» государства проходят какие-то процессы, и понадобился взгляд на них из «прошлого». Только так можно объяснить заинтересованность Ткачёвым и его агентом. Конечно, Хмель, как агент, допустил ряд промахов. Но, оказывается, бывшая «тайная структура» не умерла, а вполне функционирует на коммерческих рельсах. И «новым» хозяевам нужно не допустить, чтобы эта структура выдавала свои секреты направо и налево за деньги. Это может создать для хозяев реальную угрозу. Особенно, если эта структура начнёт работать на криминалитет. В нынешних условиях уничтожения какой-либо государственной идеологии сеть тайных агентов с обеспечением может нанести колоссальный ущерб. А если эта сеть попадёт в руки западных спецслужб?

Ткачёв вздрогнул и вытер выступивший на лбу пот. Какой же он был раньше недалёковидный! Его же сам Андропов предупреждал об этом ещё в восемьдесят втором! Через Хмеля взять под контроль всю эту «тайную» службу и затаиться. Чтобы потом, в нужный момент...

Но Андропов «ушёл», так и не оставив Черненко связи с агентами. А может быть, сам Гришаев по прямому указанию Андропова вывел Ткачёва из-под удара Федорчука? Чтобы сохранить структуру «тайных агентов». И потому бывший майор так конспирируется? В любом случае разговор с Гришаевым многое прояснит...

Андрей Викторович не стал заходить в «Макдональдс» и по Тверской улице спустился к Охотному ряду, разглядывая по пути витрины магазинов. Ткачёв не скрывал своего удивления переменами, что произошли в Москве за последний десяток. Особенно его удивило наличие иностранных машин.

До магазина «Букинист» он добрался до назначенного времени и ещё недолго простоял, разглядывая выставленные на витрине книги. Потом зашёл внутрь. Пожилой продавец

беседовал за прилавком с женщиной в норковой шубе, и лишь мельком взглянул на Ткачёва. Андрей Викторович посмотрел на часы, висевшие на стене, и поморщился — оставалась минута, а женщина никак не желала уходить. Ровно в пять тридцать вечера за прилавок вышел ещё один продавец и склонил голову в вопросительном поклоне.

— Что-то хотели спросить? — услышал Ткачёв.

— Да. Мне нужно издание Достоевского 1927 года...

Продавец любезно улыбнулся.

— Хорошо. Мы не держим такой раритет на витрине. Прошу за мной... Я покажу.

Ткачёв зашёл за прилавок, и потом за продавцом к двери «чёрного» входа.

— Парадное второе, квартира десять, — шепнул продавец, выпуская Андрея Викторовича на улицу.

Ткачёв увидел перед собой слева два подъезда старого дома. Быстро пересёк двор и поднялся на второй этаж. Высокие двери с табличкой под номером десять открыла немолодая, но крайне ухоженная дама в сиреновом платье. Карие глаза женщины с любопытством разглядывали бывшего генерала. Тот немного растерялся.

— Я... я спросил в магазине издание Достоевского.

— Проходите, вас ждут, — нежно улыбнулась женщина и грациозно отошла в сторону, выпуская Ткачёва. — Вторая дверь направо. Ботинки можете не снимать.

— Ещё раз, здравствуйте, Андрей Викторович, — услышал Ткачёв, переступив порог комнаты. Приглядевшись, увидел в полумраке круглый большой стол. За ним сидел Гришаев в добротном костюме и ещё один мужчина — средних лет, с круглым волевым лицом.

— Снимайте пальто, присаживайтесь, — Евгений Арсеньевич указал на стул с высокой спинкой. — Я принесу чай и бутерброды.

— Спасибо, — кивнул Ткачёв и присел.

— Зовите меня Иван Иванович, — сказал мужчина с круглым лицом. — Полковник Гришаев посвятит вас в некоторые тонкости работы, которая вам предложена. Со мной встречаться вы будете только в том случае, если будет острая необходимость.

Андрей Викторович усмехнулся. Ничего не меняется. Он вспомнил, что тоже называл себя так, когда вербовал группу аналитиков по работе над проектом «Горби». Но так и не узнал, кто сдал его группу Свердловским чекистам.

— Хорошо, Иван Иванович.

Дверь открылась, и в комнату зашёл Гришаев. За ним принесла поднос с едой и чаем та женщина, что встречала Ткачёва. Ставя поднос на стол, она мимолётно улыбнулась Андрею Викторовичу. Даже игриво, как ему показалось.

«Иван Иванович» попрощался и ушёл, а Гришаев, проводив его, вернулся за стол.

— Простите, товарищ генерал, за такие меры предосторожности, но ситуация этого требует. Здесь мы можем поговорить спокойно. Вы кушайте, не стесняйтесь, а я вам изложу то, что нам нужно от вас.

Ткачёв уминал бутерброды с вкусной копчёной колбасой, запивал ароматным чаем и слушал.

Нынешний президент России, по мнению многих людей, был политиком неважным, но большую часть «элиты» устраивал. Были и недовольные им. Но особенно надоедал Борис Березовский — человек, полностью подчинивший себе «семью» президента. Он лез туда, куда ему было и не надо, особенно в дела военных. И его деятельность в отношении «Чеченского конфликта» зачастую переходила все допустимые рамки. То документы со

стола президента исчезнут, то боевики узнают о планах Генерального штаба России. Но самое главное было в том, что Березовский каким-то образом влиял на внешнеполитическую ситуацию, и метил на пост Секретаря совета безопасности. У руководства России есть планы по объединению с Белоруссией и Украиной в союзное государство, и эти планы стали известны западным спецслужбам.

— Простите, Евгений Арсеньевич...

— Просто — Евгений, товарищ генерал.

— Хорошо, — улыбнулся довольный едой Ткачёв. — Зачем надо было доводить до отделения республик, если потом снова объединяться?

— Этого мне неизвестно. Кстати, ответ на этот вопрос и будет вашей работой, в том числе. Существует масса противоречий в руководстве страной, а единого курса так и не обозначено. Кто-то ратует за объединение с Европой и США. Кто-то хочет независимости. На данный момент нужно понять, что будет со страной в первом случае, и во втором. Этого хотят не только политики, но и люди, завладевшие огромным состоянием за эти годы. Ещё одна проблема — это разгул криминала. Многие инвестиционные структуры крайне недовольны этим. А денег стране катастрофически не хватает. Как устранить, или приручить преступность — это тоже в плане вашей работы.

— Это понятно, — нахмурился Андрей Викторович. Он ждал подобного. Криминалитет, явно обрастал не только деньгами и, соответственно, влиянием, но и вооружёнными формированиями. Такова цена за переход к капитализму. — Однако, работы много. Я могу и не потянуть.

— Ваше мнение и выводы будут одними из... Какими бы они не будут. Нам нужен сценарий развития событий при определённых воздействиях.

— Кому это — нам?

— Пока не могу сказать, Андрей Викторович, простите. Но скажу так — это государственная структура, и она озабочена бесконтрольностью происходящих процессов. В этой структуре, как вы успели понять, тоже есть различные противоборствующие стороны при своих интересах. Тот, кто во главе структуры, хочет интересы объединить. В противном случае, страна может упасть в пропасть. Да и вы сами всё чувствуете по инфляции.

— Да уж! — вскинулся Ткачёв. — Цены растут, как на дрожжах.

— Вот-вот, — поддакнул Гришаев. — Это тоже неприемлемо в нынешних реалиях.

— Мне, в принципе, всё понятно, — хлопнул ладонями о стол Ткачёв. — Как будет осуществляться непосредственно процесс моей работы?

— У вас есть пейджер. На него будет приходиться адрес, где вы будете работать. Это могут быть разные места, но все в пределах доступности. Для вас разработан позывной — Джоуль...

— Джоуль?! — выпучил глаза Андрей Викторович.

— Да, — сделал невинное выражение лица Гришаев. — Вы приходите на точку, работаете с блокнотом, потом оставляете его на столе и при уходе оставляете сообщение на пейджер — Джоуль работу закончил. Всё. На другой день работы, помимо блокнота и заказанных материалов вам будет оставлен конверт с деньгами. Кстати, вот аванс. Думаю, что вам не помешает, — Евгений достал из кармана пиджака конверт, положил на стол перед Ткачёвым. — Пейджером пользоваться умеете?

— Увы, — развёл руками Ткачёв.

Гришаев объяснил, потом рассказал, как пользоваться блокнотом.

— На первой странице будут написаны вопросы, с которыми нужно работать. Вы заносите в блокнот все мысли, вплоть до бредовых, по их решению. Вопрос может быть и один. Это будет означать важность. Вам всё понятно?

— Да. Как держать с вами связь?

— Никак. Если надо будет, то запросите куратора по пейджеру, и я вас сам найду. Кстати, как поживает ваш агент Хмель?

— А вы откуда про него узнали?!

Гришаев нахмурил тонкие брови.

— Это ещё одна серьёзная проблема. Базу данных по тайным агентам КГБ изъяли из архивов на Лубянке сотрудники ЦРУ. Их туда допустили в рамках «прозрачности» в отношениях с США по прямому указу нынешнего президента. Но один из сотрудников ЦРУ вышел на меня и передал документы, касающиеся вас. В них упомянут позывной «Хмель». Позже, в одной милицейской разработке я нашёл такое же упоминание. Оказалось, что не зря.

— Стервец, — прошипел Ткачёв. — Так проколоться.

— Пусть пока не отвечает, — серьёзно сказал Гришаев. — За ним установлено наблюдение. Не плотное, но рисковать не стоит.

— Хмель — агент своеобразный.

— Потом, Андрей Викторович. О нём пока не беспокойтесь. Пусть какое-то время поживёт у вас. Всем будет спокойнее.

— Ладно, — согласился Ткачёв. — Но если он решит вести свою игру, то я не смогу его остановить.

— Вам это и не нужно, — Евгений поднялся и стал мерить шагами комнату. — Хотя... Было бы неплохо, если бы Хмель сорвался с места. Он бы проверил старые «точки» на предмет их функционирования. Желательно понять, что ЦРУ унесло из архива КГБ. Вы же понимаете, что в нынешние времена за деньги, особенно доллары, можно купить любого человека. Учитывая, что секретные «точки» КГБ имели целевое финансирование, то сейчас его нет. Специально обученные люди могли пойти на любой шаг ради выживания. Пусть ваш агент подготовиться и начнёт работать. Через неделю я с вами встречу, а вы подготовьте необходимые расчёты для его активации. Да! И пусть это останется только между мной и вами.

Ткачёв не стал спрашивать Гришаева о том, что его беспокоило — о прошлом. Всему своё время. К тому же, Андрей Викторович понял, что бывший майор, а теперь полковник Гришаев, не прочь вести некую собственную игру. Какую? А там будет видно. У полковника, видимо, есть ресурс, и он не прочь им воспользоваться.

Для Андрея Викторовича было важно только одно: чтобы его усилия пошли на пользу государству — России. Пусть социализм остался в прошлом, но разорвать Россию на кучу мелких государств позволить никому нельзя. А тем более допустить её разграбления иностранцами. И пусть это звучало довольно пафосно, но Ткачёв думал именно так. А там, кто знает... Социализм может и вернуться.

Правда, Ткачёву верилось в это с трудом. Страна пошла, что называется, вразнос, почувствовав вкус к довольно непонятной свободе и не видя для неё берегов. Андрей Викторович это чувствовал. По разговорам людей, по их отношению друг к другу, по их стремлениям.

Домой Ткачёв ехал в переполненной электричке. В вагоне было душно и холодно.

Мужики резались в карты, и пили водку, а женщины громко и пьяно смеялись. Двери тамбура практически не закрывались, и оттуда в вагон заплывал едкий табачный дым. Андрею Викторовичу было противно. От криков, запахов и мрачных лиц пассажиров.

— Ты чего такой опущенный, Викторыч? — встретил его в квартире Хмель. — Я котлет нажарил с картошкой. Давай к столу, пока не остыло.

— Хреново всё, — ковырял вилкой в тарелке Ткачёв. — Много непонятного...

— Забей, Викторыч, — посоветовал Хмель. — Чтобы понять, надо погрузиться в процесс. Тогда и видно будет — что слишком хреново, а что не очень, а так — хреноватенько. Излагай диспозицию.

Андрей Викторович рассказал Хмелю обо всём, что произошло за день.

— Шустрый какой, этот бывший майор, — покачал головой агент. — Андрей, а давай попробуем! Что мы теряем?

— Да мы-то ничего не потеряем, кроме жизни. Хотелось бы, и след какой-то оставить. Мало ли...

— Чтобы оставить след, надо зайти туда, — Хмель указал пальцем на потолок. — И стать посредником между первым лицом и структурой. Но структуру подготовить к новым реалиям.

— Думаешь, это возможно? — сощурился Ткачёв.

— Думаю, да. Ты сам сказал, что у Гришаева есть ресурс, так воспользуйся им. Подготовь из полковника будущего посредника.

Андрей Викторович забарабанил пальцами по столу. Хмель предложил дело, и Гришаеву оно должно понравиться. Надо только преподнести готовое решение в нужное время, и в нужный момент.

— Хмель, сколько тебе надо денег, чтобы стать незаметным, как прежде?

— Именно сейчас, в ближайшее время?

— Да. Чем скорее, тем лучше.

— Миллиона баксов, думаю, хватит.

Ткачёв от неожиданности чуть не выплюнул не разжеванную котлету.

— А что? — удивился Хмель его реакции. — Сейчас это копейки. Если у полковника действительно есть ресурс, то он не пожалеет. Намекни ему, что есть альтернативный вариант, но уже без него.

— У меня нет такого варианта...

— Есть, Андрей. Ты просто его ещё не осознаёшь, а Гришаев точно осознаёт.

— И как это? Я не знаю того, что у меня есть? А он уже знает?!

— Да. Иначе не предложил бы тебе работу.

Будто подтверждая слова агента, пейджер пропиликал сообщением.

Сообщение гласило, что Ткачёву завтра надо прибыть к девяти утра в Москву на такую-то улицу, номер дома и номер квартиры. Ключ взять в соседней квартире, сказав, что племянница попросила покормить кошку. Племянницу зовут Оля, и она сейчас в командировке по работе.

— Нормально, — усмехнулся агент. — Вот бы взглянуть на эту Олю.

Ткачёв только отмахнулся. Потом достал конверт с авансом и протянул Хмелю.

— Возьми. И давай укладываться — мне вставать слишком рано...

Хмель заглянул в конверт.

— Ты, Андрей, за бабки не думай. Для тебя мне не жалко. Ты лучше спрячь их куда-

нибудь — времена нынче изменчивые.

— А как же ты? — удивился Ткачёв.

— У меня пока есть немного. На еду нам хватит. А ты не затягивай с бизнес-планом для полковника. Серьёзно говорю.

Андрей Викторович себе поражался. Свалившийся на его голову агент, которого он не видел более десяти лет, прижился в его доме за пару дней. И нисколько не мешал. Ткачёв даже подумал — и как он всё это время жил без Хмеля? С ним и квартира стала уютнее...

— Викторыч, завтра поедешь в Москву — мусор захвати...

Древняя пятиэтажка на окраине столицы выглядела настоящей развалюхой. Только что окна были целы. На лестничной площадке пахло мочой и самогоном — «соседка», видимо, увлеклась его приготовлением.

Неряшливая полная женщина в застиранном халате без слов отдала Ткачёву связку ключей. Андрей Викторович покрутил связку в пальцах, открыл дверь и прошёл в чистую трехкомнатную квартиру с решётками на окнах. В гостиной он увидел стол с настольной лампой и большим блокнотом. Стопка газет и папок невысоким сооружением прислонилась к стене.

На кухне стоял чайник, заварка, сахар и большая чашка.

«Однако!» — подумал Ткачёв, заварил чай и сел за стол. Развернув блокнот, прошитый по всем правилам бухгалтерии, и усмехнувшись над оттиском «Совершенно секретно», прочитал задание.

Оно гласило, что Андрею Викторовичу надо было выяснить глубину влияния ОПГ на политическую жизнь страны. Ткачёв нервно захихикал. Его кураторы телевизор не смотрят?! В Государственной Думе каждый второй депутат, если хорошо капнуть, представитель какой-либо ОПГ.

Похихикав, Андрей Викторович задумался. Нужны факты. Неоспоримые аргументы. Вот только для чего? Какой из этих фактов будет иметь толк?

Если раньше вопросы решались из кабинетов партийных работников различного уровня, и борьба за власть среди «кланов» велась за высоту уровня, то что теперь? Каков нынешний структурный подход в противостоянии группировок? За что идёт борьба?!

Ткачёв погрузился в чтение предоставленных ему материалов. И почти сразу понял, что ему не хватает карты России и листа ватмана. И тут же решил, что и карту, и ватман он купит по дороге домой. Вместе с Хмелём ему будет сподручнее соображать, к тому же агент имеет некие навыки участия в ОПГ. Андрей Викторович до сих пор не жаловался на память и смог запомнить все ключевые моменты своей работы.

В блокнот он занёс выявленные им ОПГ по названиям, и очень удивился их обилию. Особенно в столице. В материалах он нашёл упоминания главарей ОПГ и приблизительную численность. А ещё подметил, что слишком много этнических группировок. Это было закономерно — шла военная операция в Чечне.

Ткачёв, читая материалы, приходил в тихий ужас. Чеченские ОПГ «прессовали» столичных предпринимателей, а деньги отправляли на войну против России. То есть, воевали с Россией на её же деньги! И как это происходило, Андрей Викторович не понимал. Вернее понимал, но отказывался воспринимать. А ведь средства были немалые. Да что там — просто огромные. Только доказанных переводов было около четырех миллиардов долларов.

От такой цифры у Ткачёва перехватило дыхание. А ведь кто-то контролировал эти финансовые потоки.

Андрей Викторович какое-то время ходил кругами возле стола и никак не мог вернуться к работе. Если материалы хоть наполовину были правдой, то в стране творилось непонятно что. Ткачёв прошёл на кухню, чтобы попить воды и успокоиться.

— Спокойно, Андрей, спокойно, — шептал он, наливая воду в стакан. — Нельзя так

воспринимать непроверенную информацию.

Ткачёв вернулся в зал и снова принялся за работу. Только читал, отсеивая и откладывая в сторону те материалы, которые считал бесперспективными и требующими дополнительной проверки. Он увлёкся и оторвался от работы, когда за окном совсем стемнело.

Блокнот был исписан наполовину, и, прочитав заметки, Андрей Викторович решил, что на сегодня хватит. Голова слегка кружилась, и хотелось выйти на улицу вдохнуть свежего воздуха. Он выполнил инструкции по окончанию рабочего дня, потом подумал, и написал в блокноте: «Борис Березовский!!!».

Закрыв дверь в квартиру, Ткачёв взглянул на связку с ключами, не понимая, что с ними делать, но тут на пейджер пришло сообщение — «Ключи оставьте. Послезавтра в 9 утра».

— Ладно, — Андрей Викторович сунул связку в карман и вышел на улицу.

Он решил прогуляться до платформы пригородных поездов, благо она была недалеко, и заодно зайти в книжный магазин — купить карту и ватман.

Серый асфальт перрона прятался за шелухой от семечек, окурками и кляксами плевков. Уборщик в оранжевом жилете устало махал метлой, смахивая мусор на рельсы. В темноте показался желтый глаз экспресса. Приближаясь, он становился все ярче и ярче. Наконец, прожектор головного вагона рассек полумрак платформы, разгоняя плотный рой снежинок. На миг показалось, что снегопад — это косяк мелких рыбешек, выхваченный в толще мутной воды светом заходящего солнца.

Поезд лениво остановился и шумно выдохнул воздух, открывая двери. Словно не хотел пускать в свои нагретые внутренности уставших и замерзших людей, столпившихся в ожидании у края платформы. Толпа хлынула внутрь вагонов, громко обстукивая ботинками напольный пластик тамбуров.

Андрей Викторович втиснулся в толпу, и она затащила его внутрь гудящей, влажно-теплой атмосферы. Народ гудел о разном, но больше ругал президента и его правительство — за цены, скачущие вверх каждый месяц, за войну в Чечне, приватизацию и прочие шалости.

Домой Ткачёв заходил усталый от дороги и шума в вагоне электропоезда. Бросил в прихожей тубу с картой и листами ватмана. Хмель не стал его расспрашивать, только усадил за стол ужинать, а сам сел перед телевизором смотреть какой-то фильм.

Андрей Викторович вымыл посуду и, прихватив тубу, зашёл в комнату. Неспешно стал крепить на стене карту и раскладывать на столе ватман.

— Андрей, может, с утра начнём? — Хмель не хотел отрываться от телевизора.

— С утра само собой. Я должен сейчас закрепить свои размышления.

Агент выключил телевизор и внимательно взглянул на Ткачёва. Тот написал на ватмане сверху «Москва», а внизу начертил несколько кружков, вписав в них названия ОПГ.

— Да ладно?! — не поверил Хмель. — Так мало!

— Это самые авторитетные, — объяснил Ткачёв. — Всякую мелочь не рассматриваем. Ты что-то можешь сказать? Детали какие-нибудь...

— В любой уважающей себя ОПГ есть «старшие». Они контролируют все финансовые процессы, и поддерживают связь со «старшими» других ОПГ. Но пересекаются редко, только если надо решить сложный вопрос. Также встречаются с «ворами», «смотрящим» и прочими криминальным людом. Каждая ОПГ делает ежемесячный вклад в «общее движение», попросту — общак. Хотя, общак — дело добровольное, но порой,

принудительное, — Хмель улыбнулся. — По сути, каждый сам по себе. Вся эта «романтика» только для тупой молодёжи. ОПГ — это типа охраны предпринимателя от наезда другой ОПГ. Называется — «крыша». Саму ОПГ чаще крышует высокопоставленный мент. На той территории, где эта ОПГ «стрижёт овец». Менту хорошо платят за решение «вопросов». В общем, кутерьма страшная.

— Хм, — задумался Ткачёв. — Зачем тогда мне в этой кутерьме разбираться? В чём проблема? Пересажать все ОПГ и дело в шляпе...

— Не скажи, Викторыч, — заинтриговано сморщил лицо Хмель. — Это только вершина айсберга. Комай глубже.

Он взял карандаш и на ватмане посередине написал: наркотики, проститутки, мелкие предприниматели.

— Это для мелочи, типа, той группировки, в которой я был. Более серьёзные ОПГ крышуют банки, ибо через них идёт нескончаемый денежный поток. Но это пока.

— А что дальше? — вопросительно посмотрел на агента Ткачёв.

— Деньги — бумага. Для авторитета и влияния, я думаю, начнётся передел производства и добычи сырья. Рубли никому не нужны. Нужны доллары. Значит, выход за бугор. А что иностранцам больше всего надо в России?

— Нефть, газ, золото, металл, дерево...

— Правильно. И как можно дешевле. Поскольку этого добра у нас навалом. Вот туда и пойдут серьёзные ОПГ. А мелочь менты переловят, чтобы под ногами не крутились.

— Так, так, — Ткачёв крутил в пальцах карандаш. — И как бы ты поступил, будь главарём ОПГ?

— Нефть, Андрей. Самый быстрый доход с неё. Сколько сейчас она стоит?

— Не знаю, — растерялся Ткачёв.

— Ну, не важно, — махнул рукой Хмель. — Она будет дорожать — факт. Особенно, если прибрать к рукам добычу. Тут многое взаимосвязано, но это быстрые деньги. И очень большие. А ещё через нефть можно влиять на общую экономику страны. Это же после переработки топливо — бензин, дизель, керосин... Машины на бензине, самолёты на керосине, корабли на солярке.

— Откуда ты это знаешь?!

— Читал, когда делать было нечего. Недаром нефть называют чёрным золотом.

— Ладно. Что ещё? — наклонился над ватманом Андрей Викторович.

— Да много чего. Металл, энергетика, оружие, транспорт... Когда поделят, тогда успокоятся. Крупные банки сядут на государственные потоки и всё закончится. Каждая ОПГ будет при своём гешефте. А самая сильная — заходить туда, где выгодно, но... кто-то один будет решать, — хохотнул Хмель. — Как на аукционе. Кто больше занесёт, того и тапки. И этот один будет крутить ментами, ФСБэшниками, прокуратурой и всякими фискалами. А то, и армией. Все к этому идёт...

— Хрень какая! — Ткачёв швырнул карандаш на стол.

— Тут, Викторыч, — многозначительно сказал Хмель, — неприятность в том, что придут иностранцы. Им пофиг на Россию. Они и СССР разваливали, чтобы издержки свои снизить дармовым сырьём. Народу-то у нас, с гулькин нос, а территория здоровая. И если этот кто-то продаст Россию за доллар, то нам всем придёт...

— Не продолжай, — нахмурился Ткачёв. — Понятно.

Хмель поднял ладони, выражая этим, что замолчал, а Андрей Викторович ушёл на

кухню заваривать чай.

Спустя сутки Ткачёв приехал на рабочую квартиру в Москве и застал там полковника Гришаева.

— Евгений, что-то случилось?

— В общем, нет. Я только хотел уточнить два важных момента. По пейджеру этого не сделать...

— Чаю?

— Благодарю, не нужно. У меня не так много времени.

Андрей Викторович сел на стул.

— Конечно. И какие моменты?

Полковник кругами стал ходить по комнате, напоминая бывшего начальника Ткачёва — генерала Трефилова. Тот тоже в задумчивости ходил взад вперёд.

— Вы говорили с агентом о его хм... активации?

— Да, — Андрей Викторович вынул из кармана заранее подготовленный листок с написанной суммой. Он догадывался, что Гришаеву решение этого вопроса было необходимо. Агентов такого класса и уровня, как Хмель, было немного. Новых, естественно, готовить никто не хотел — было жалко денег, да и подготовка требовала специфических специалистов. А они явно не за дешево хотели продавать свои знания. Тут же был уже готовый агент, причём со своей «базой», временно на него не работающей. А работающей неизвестно на кого.

Цифра на листке Гришаева не удивила.

— В следующий ваш приезд мы подробно поговорим об этом. Проработайте с агентом возможную связь в нынешних реалиях. И легенду для активации. И сколько времени она займёт.

«Что-то подгорает у „государственной службы“», — усмехнулся Ткачёв, не подавая вида.

— Вы написали в блокноте фамилию с тремя восклицательными знаками. Что это значит? — быстро спросил полковник.

— Я пока не уверен, но по этой фамилии я намерен работать очень плотно. У меня возникли подозрения на участии фигуранта в работе западных спецслужб.

— Это серьёзно, Андрей Викторович, — остановился Гришаев. — Откуда такие подозрения?

— Я исходил из того, что фигурант, не обладая достаточными знаниями и опытом, вдруг оказался вхож в высший эшелон власти.

— У него учёные степени, — неуверенно возразил полковник.

— По вашим же материалам видно, что степени он получил, работая в Институте проблем управления АН СССР. Сначала кандидатскую, а потом докторскую. А закончил он... Московский лесотехнический институт. Каким образом, абсолютно рядовой инженер не только попал в структуру АН СССР, но и добился степени доктора за столь короткий срок? При каких контактах? В материалах фигурировала записка, что фигурант попросту купил степени. А на какие, простите, деньги, если степень доктора стоила как три машины «Жигули»?

— Одолжил, удачно женился, да много ли...

— Евгений, вы сами в это верите? Вы же бывший майор КГБ — аналитик. Составьте психологический портрет фигуранта, карту его контактов.

— Вряд ли мне дадут это сделать, — понурил голову Гришаев.

— Вот и ответ, — развёл руками Ткачёв.

— Это не аргумент...

— Верно. Вернёмся в 1989 год. Фигурант создаёт фирму «ЛогоВАЗ» под предлогом программного обеспечения. А на деле — дилерская продажа легковых автомобилей. Кто ему подал такую идею? Инженер-лесотехник продаёт легковые автомобили. Причем при полном дилерстве «АвтоВАЗа». Откуда у фигуранта связи по продажам машин за рубеж? Ведь «АвтоВАЗ» как раз занимался именно продажей на экспорт! Зачем они отдали свой гешефт какому-то неизвестному дилеру? И последнее — каким образом фигурант познакомился с дочерью президента? Вспомните дело Галины Брежневой... Очень похожий почерк внедрения агента влияния в окружение первого лица государства. У западных спецслужб фантазии никакой — они работают по проверенным схемам. Кстати, по продажам легковых машин в США оценивается индекс покупательской способности. Фигурант явно курируется спецслужбами США и Великобритании. Об этом говорит и ещё один мелкий факт — в материалах указано, что он готовит встречу с Джорджем Форосом. А этот старый интриган, на секундочку, один из составителей плана «цветных революций». Его имя я помню ещё по разработке...

Тут Ткачёв замолчал. Гришаев мог и не знать о том, над чем работал Андрей Викторович с прямого указания Андропова. Но полковник только улыбнулся.

— Я знаю, — и, будто прочитав мысли Ткачёва, сказал. — Тогда я встречался с Андроповым. Мне, молодому майору КГБ, было лестно, что Юрий Владимирович поручил присматривать за вами, и в случае опасности подготовить вам конспиративную консервацию. Это от меня Хмель получил для вас новый паспорт и ключи от квартиры. Так что, Андрей Викторович, я знал, где вы находитесь.

— Неожиданно, — выпучил глаза Ткачёв.

— Да, — усмехнулся Гришаев. — Вы многого не знаете, но речь не об этом. Вы хорошо поработали в прошлый раз, и все наши опасения по поводу фигуранта только подтвердили. Задача вот в чём... Нам нужно понять, какой шаг он сделает следующим. И даже не один, а несколько. И направить эти шаги в нужное нам направление. Чеченская компания очень негативно сказывается на экономической и политической, я бы сказал, «ауре» России, а фигурант очень настырно лезет туда, куда ему не нужно.

— А в чём проблема? — хитро улыбнулся Андрей Викторович. — Физическое устранение никто не отменял.

— Это не решение проблемы. Мы не знаем все его связи и способы влияния. И думаем, что он тщательно охраняется, как вы заметили, западными спецслужбами. Физическое устранение фигуранта, если такое случится, они могут преподнести, как крайне негативный процесс. Важно фигуранта скомпрометировать в глазах его западных кураторов.

— То есть, его руками подсунуть им явную дезинформацию?

— Не только, — качнул головой Гришаев. — Хотелось бы, чтобы он повлиял на решения президента в нужном нам русле.

Ткачёв решил спросить о том, что его давно интересовало:

— Евгений, а кому это — нам?

— Мне, вам и ещё группе людей. Конечно, у всех есть какой-то свой интерес, было бы глупо это отрицать, но в нынешних реалиях их интерес касается больше сохранения страны, нежели её тупого разграбления. Но эти люди решили, что нужна конспиративная структура,

которая может сдерживать непомерные аппетиты. Всё ведь, хорошо в меру, не так ли?

— Согласен, но отчасти...

— Я понимаю вас, Андрей Викторович, но реальность уже другая. Менять её, значит влезть в гражданскую войну. Такая ситуация моделировалась, но ни к чему хорошему не приводила. Слишком глубоко общество влезло в капитализм.

Гришаев достал из внутреннего кармана пиджака футляр с микроплёнкой.

— Здесь по фигуранту ещё материалы. Осторожней с ними, товарищ генерал.

— Евгений...

Гришаев поднял раскрытую ладонь, прерывая этим жестом Ткачёва.

— Вы для меня были и будете генералом, Андрей Викторович. Передайте агенту, чтобы готовился к работе.

Глава 4

— А не играет ли Гришаев в свою игру? — задумчиво спросил Хмель, с хрустом надкусывая солёный огурец.

— Не думаю, — ответил Ткачёв. — Зачем ему это? Над ним люди стоят серьёзные, да со своим ресурсом.

Час назад Андрей Викторович вернулся из столицы и передал Хмелю слова Гришаева.

— Да, прав, ты, Андрей, — агент бросил огурец в тарелку, встал к окну. Долго и молча наблюдал за двором, за качающимися ветками деревьев, за липким снегом, покрывавшим газоны.

— Что ж, — вернулся к столу и упёрся руками о столешницу. — Будем начинать ещё одну жизнь. Давай думать.

— Давай, — согласился Ткачёв. — Нельзя нам проколоться. Ты знаешь, куда надо пойти?

— Знаю, — оттолкнулся от стола Хмель. — Какое время тебе придётся прикрыть меня. Ты готов?

— К чему?! — выронил вилку Ткачёв. — Я давно не упражнялся в стрельбе, да и навыки кулачного боя растерял.

Агент усмехнулся.

— Этого ничего не потребуется. Нам нужно тщательно продумать «посредника». Какое время им будешь ты. С другими я контактировать не буду. Мне нужно месяца два, может быть, чуть больше. А структуру я подготовлю недели за две, максимум.

— Ладно. Говори, как ты это всё видишь.

— Я организую прикрытие в виде фирмы. Правовую форму и сферу деятельности я обдумаю. Миллион возьмёшь наличкой без всякой расписки. Это условие. Понял, Андрей? Никаких подписей, росписей и прочих закорючек, чтобы твоя новая фамилия нигде не фигурировала.

— Мне опять сменить документы?!

— Не плачь, — улыбнулся Хмель, доставая из кармана новый паспорт. — На какое-то время ты исчезнешь. Это тоже условие. С Гришаевым продумайте канал обмена информацией. Впрочем, не нужно — я сам найду вам канал. Тебе инсценируем инфаркт, инсульт, диарею и прочие радости, несовместимые с жизнью.

— Ничего себе! — Андрей Викторович взял новенький документ, удивленно открыл.

— Да. Вместо тебя в больнице оставим «тушку». Уж не взыщи. Так Гришаев отчитается за тебя, он поймёт. А потом возьмет на себя роль «посредника». Это будет ему огромным плюсом в карму.

— Куда?

— В авторитет, короче, — хохотнул Хмель, и взглянул на Андрея Викторовича. — А ты собирайся. Завтра поедешь в «Пекин». Пора тебе навестить старых друзей. Твой выход я прикрою. Только не удивляйся.

— Я уже ничему не удивлюсь, — пробурчал Ткачёв, убирая новый паспорт в карман брюк. — А что я буду делать в «Пекине»?

— Разговаривать и задавать вопросы. С кем из криминала связан наш фигурант.

— Ты, думаешь, мне об этом кто-то расскажет?! Я пропадал больше десяти лет. Меня и

не вспомнят...

— А ты пообещай что-нибудь. Наверняка, на фигуранта зуб имеют, если он лезет куда попало. В криминале такое не прощают. Я тут узнал кое-что... Два года назад фигурант организовал концерт «Ава» и продаёт его акции направо и налево, хотя строительство завода даже не начинал. А год назад на него покушались — взорвали машину.

— Да ладно! Этого не было в материалах, которые я читал, — удивился Ткачёв.

— А телевизор ты не смотрел? В новостях это обсасывали с разных сторон, — тоже удивился Хмель.

Андрей Викторович пожевал губы.

— Я телевизор недавно купил... А газеты не покупал — экономил.

— Так после взрыва фигурант и подобрался близко к семье президента.

— А вот это существенно, — подскочил со стула Ткачёв. — Неужели не нашли след западных спецслужб?

— Я не знаю, Викторыч, — развёл руками Хмель. — Мне думается, что эта ФСК охранявшая потом офис фигуранта от ментов, и есть западная спецслужба.

— Этого ещё не хватало, — упал на стул Ткачёв и растерянно проговорил. — Так вот почему меня «нашёл» Гришаев. Чёрт! Информации надо явно больше.

— Вот! Так что дуй в «Пекин» и вынимай её клещами. Как хочешь, и у кого хочешь. Иначе мы наделаем таких делов, что и в Марианской впадине не спрячемся.

— А это обязательно? — сморщился Андрей Викторович. — Мне тут Гришаев материалы передал, может быть, их хватит? — он показал Хмелю футляр с микроплёнкой.

Агент футляр забрал.

— Я посмотрю. Но выводы надо сделать, собрав максимум информации из разных источников. У нас нет возможности для ошибки.

Утром в дверь квартиры постучали. Ткачёв чуть не уронил горячий чайник от неожиданности, но вышедший на стук Хмель, показав пистолет, приложил палец к губам. Стук повторился, и агент быстро открыл дверь.

В квартиру зашли двое — мужчина и женщина с чемоданчиком. Женщину Ткачёв узнал сразу — это была миловидная дама, пославшая ему в парке воздушный поцелуй.

— Здравствуйте, — выдохнул Андрей Викторович, зачарованный, как кролик, её взглядом из-под длинных ресниц.

— Вика, — она представилась ему, очаровательно улыбнувшись. Потом взглянула на агента. — Хмель, я привела человека...

— Гримируй, — кивнул агент. — Прототип вон с чайником застыл.

Через час загримированный мужчина был очень похож лицом на Ткачёва. Да и телосложением тоже. Андрей Викторович даже ощупал своё лицо, убедившись, что не бредит.

Хмель достал новый костюм, сорочку, дорогое пальто и модные ботинки. Кивнул Ткачёву, мол, одевайся, и стал раздавать инструкции.

— Ты, — он ткнул пальцем в загримированного, — напяливаешь шмотки Андрея. Берешь авоську и бродишь по магазинам. Через три часа заходишь на «точку» и включаешь магнитофон. В пять часов вечера включаешь свет. Минут через сорок выключаешь и меняешь в магнитофоне кассету на вздохи и ахи. В восемь тридцать выключаешь всё и уходишь. Заходишь к Вике и ждёшь — грим она подправит.

— Понял, — кивнул мужчина и подмигнул Ткачёву.

— Андрей, а ты что окаменел? — удивился Хмель. — Электрички у нас по расписанию. Вика тебя проводит.

— Я сейчас, — пролепетал Андрей Викторович, кидаясь в ванную — переодеваться.

Когда он выскочил, поправляя неумело завязанный галстук, то «загримированный» уже ушёл.

— Ну, Викторыч, удачи тебе, — сказал Хмель. — Я пойду посмотрю, как «наружка» клонула на мою уловку. Ты выходишь с Викой через десять минут.

Ткачёв только открыл рот, чтобы спросить об инструкциях, но агент вышел из квартиры. Андрей Викторович повернулся к Вике и замер, не закрывая рта.

Виктория оказалась мастером перевоплощений — на Ткачёва, улыбаясь, смотрела тщательно и очень умело накрашенная дама. Волнистые русые локоны падали на плечи из-под кокетливой шляпки.

— Руки, — скомандовала она, показывая, как Ткачёв должен их поднять. После нацепила на его запястье массивный хронометр, явно дорогой, и массивный золотой перстень с большим чёрным опалом. Тонкими пальцами поправила узел галстука на шее Андрея Викторовича. Отошла на шаг, внимательно посмотрев на растерянного Ткачёва.

— Держитесь уверенно, — сказала и вздохнула. — Мой генерал...

Что означал сей вздох, Ткачёв не понял, но приосанился и уверенно сжал губы.

— Сойдёт, — засмеялась Вика.

Она, приподняв подол элегантной шубки, присела на стул в прихожей и стала застегивать сапоги на высоком каблуке. Андрей Викторович не мог оторвать взгляд от её стройных бёдер, в колготках телесного цвета, как ни старался. Она заметила его взгляд.

— Андрей Викторович, вы меня смущаете...

— Простите, — пролепетал он. — Я... я...

— Успокойтесь, — она поднялась, поправила подол и взяла сумочку. — Пойдёмте уже.

Когда они выходили из подъезда, Ткачёв чуть замешкался, но Вика уверенно взяла его под руку.

— Смотрите на меня и старайтесь не нервничать, — прошептала, улыбнувшись.

«Как тут не нервничать?!» — подумал Андрей Викторович, поглядывая на безмятежную спутницу, но вскоре приспособился, и в электричку уже уверенно заходил поступью этакого мелкого хозяина жизни. Пассажиры ему явно завидовали, особенно, мужская половина. Вика расстегнула шубку, выставив напоказ небольшую, но полную грудь, погружённую в эротичное бельё и затянутую в прозрачный шёлк блузки.

«И когда она успела переодеться и накрастись?!» — недоумевал Ткачёв.

Виктория вела себя спокойно, болтая о разных пустяках, и не раз доставала небольшую пудреницу. Андрей Викторович понимал, что глядит она в зеркало не на себя, а назад, пытаясь вычислить «хвост». Он не мешал.

До ресторана они добрались после полудня, когда народу в зале было немного, и скужающий официант лениво подошёл и предложил меню.

— Работайте, Андрей Викторович, — тихо сказала Виктория. — Я сделаю заказ... Времени у нас не так много.

Ткачёв встал и подошёл к метру.

— Скажите, а могу я увидеть Автондила Аккакиевича?

Метрдотель — пожилой, но ухоженный мужчина, повёл подбородком. Тут же рядом появился внушительных размеров мужик лет тридцати пяти в добротном костюме. Пиджак

сидел на нём слегка свободно.

— Господин интересуется Автондилем, — прошептал метр.

— А кто интересуется? — громила взглянул на Ткачёва весьма недобро.

— Скажите, генерал Ткачёв...

Громила хмыкнул.

— Подождите... Пройдите на своё место в зале.

Андрей Викторович смиренно выполнил просьбу, больше похожую на приказ. На вопросительный взгляд Виктории махнул пальцами, мол, посидим — увидим.

Им принесли заказанную Викой еду и два бокала воды. Она нервно убрала со щеки волосы, и начала есть салат, а Ткачёв вздохнул и разрезал ножом кусок мяса.

— Цены, однако, в этом заведении...

Жуя, Вика внимательно осматривала зал. Андрей Викторович не донёс до рта отрезанный кусок, как у стола встал маленький худощавый мужчина в очках. Пристально взглянул на Ткачёва, потом на Викторину. Натянуто улыбнулся.

— Гости дорогие, негоже вам в общем зале. Прошу в отдельный кабинет.

И щелкнул пальцами, чуть приподняв ладонь. Тут же подскочил официант и почтительно склонился.

— Проводи гостей на второй этаж. И сервируй столик, как подобает.

Ткачёв с Викой не спеша поднялись на второй этаж, и знакомый громила провёл их в отдельную комнату. Стол в ней был накрыт изысканно — с фруктами и графином коньяка, не считая разных ассорти и тарелки с ароматным шашлыком.

— Хм, — только и сказала Виктория. — Вас тут явно знают.

— Угощайтесь, — уже дружелюбно предложил громила. — К вам скоро подойдут.

Вика явно была голодна и не заставила себя уговаривать. Ткачёв последовал её примеру.

Минут через двадцать, когда они утолили голод, открылась дверь в стене, и в комнату зашёл старик с изящной тростью.

— Андрей! Сколько Лен, сколько Зин! — прохрипел громко, обнажая в улыбке белоснежные вставные зубы.

— Здравствуй, Автондил, — поднялся Ткачёв. — Ты бы при даме не выражался...

— Как можно?! — сделал удивлённое лицо старый авторитетный вор. — Не представишь меня своей очаровательной спутнице?

— Виктория, это Автондил Аккакиевич, — сморщился Ткачёв, в то время авторитет прислонил губы к протянутой Викой ладони.

— Виктория... Победа, — выдохнул Автондил, пялясь на её грудь и бедра под короткой юбкой. — Ощеломляюще!..

Потом он отпустил её руку и присел на стул, принесённый громилой.

— С каких пор отставной генерал ходит с таким телохранителем? Андрей, я удивлён. Раньше ты сам...

— Автондил, раньше было много чего, — осадил авторитета Ткачёв.

— Молчу. Так что тебя привело мне? И зачем этот дешёвый понт? Золото на пальце... котлы дорогие... Я тебя знаю — ты никогда не брал взятку.

— Информация мне нужна...

— Андрей, — вздохнул авторитет. — Что я могу сказать? Я старый и немощный. Былой авторитет среди нынешних бродяг растерял. Никому не нужен...

Ткачёву показалось, что сейчас Автондил выдавит из себя скупую слезу.

— Не прибедряйся, — сказал он, вытирая губы салфеткой.

Авторитет ядовито улыбнулся.

— Да и ты не в фаворе, Андрей. Какая мне выгода метать перед тобой бисер?

— Хочешь меня проверить? — слегка угрожающе проговорил Ткачёв. — Сам подумай, с чего вдруг я к тебе заявился.

— Может денег попросить, — предположил авторитет, пожимая плечами.

— Я когда-нибудь у тебя просил?

— Времена меняются, Андрей... Да и свалился ты неожиданно. Раньше хоть звонил.

Ткачёв понял, что сегодня разговора не получится. Старый вор ничего не скажет, пока не узнает на кого тот работает. А Ткачёв сам этого не знал. Да и былые правила нарушил.

— Ладно, — поднялся Андрей Викторович. — Спасибо за угощение...

— Ты, Андрюша, не торопись, — Автондил жестом попросил его сесть. — Сейчас даме мороженое принесут. Вот откушает Виктория десерт, тогда и пойдешь с миром. А тебе кофейку принесут — свежесваренного. Не так часто ты у меня бываешь...

Ткачёв опустил обратно на стул. Хитрый вор его переиграл. Наверняка, сейчас пробивает что из себя представляет бывший генерал. Автондил никогда не упускал возможности получить выгоду из своих знакомств. Понимал ведь, что Ткачёв пришёл не просто так.

— Я оставлю вас минут на пять, — любезность Автондила не имела границ. — А вот и мороженое.

Он вышел из кабинета и хмуро взглянул на ожидавшего в узком коридоре маленького и худощавого мужчину в очках.

— Ну? Что там?

— Мутно всё, Автондил. Вроде, он связан с СБП. Это непроверенные данные. Времени было мало.

— Теряешь хватку, Чародей, — прошипел авторитет.

— Шифруется бывший генерал.

— И что мне теперь с ним делать?! Бабу его жалко... хорошая!

«Чародей» поправил очки на переносице.

— Ты прямо спроси, что ему за информация нужна. А после и решим, что делать.

Автондил вернулся в комнату, снова присел на стул и напустил задумчивость.

— Андрюш, а что за информация тебе нужна?

Ткачёв отставил чашку, нежно посмотрел на Вику, уплетающую мороженое. Он и не думал раскрывать все карты перед авторитетом. Такой волк, как Автондил, мог подставить не задумываясь.

— Мне тут предложили консультантом поработать, — сказал Андрей Викторович. — Жалование неплохое и прочие приятности. Но, как ты знаешь, я выпал из жизни на какое-то время. Вот и пришёл к тебе. Может, ты расскажешь, что поменялось? Кто чем дышит? А то ведь по незнанию залезу в чужой огород — хлопот не оберусь.

— А кого консультировать-то будешь?

— Ну, явно не твоих «союзников», — улыбнулся Ткачёв. — Я ведь тоже, как бы, за консультацией к тебе. Мне приключения противопоказаны.

Автондил прищурился.

— Темнишь, Андрюша...

— Так я и не прошу никого называть. В общих чертах...

Авторитет будто бы через силу хотел показать, что согласен, но тут в комнату зашёл громила и что-то шепнул ему на ухо. Автондил сменил показушную неохоту на удивлённое желание. Отослал громилу жестом ладони.

— Андрюша, что же ты сразу не сказал!

— А что я должен был сказать?! — искренне удивился Ткачёв такой перемене в поведении авторитета.

— Ладно, ладно, — игриво отмахнулся старый вор. — Ты уж, не забудь про меня, ежели чего...

— А это смотря на то, что ты мне расскажешь, — Ткачёв не понимал, что происходит. Взгляд Виктории тоже выражал крайнее удивление, но Андрей Викторович решил поиграть.

— Андрюша, расклад такой.... В Москве среди «стариков» нет ни кого, кто бы метил в политику. Зачем лишний головняк, даже если и деньги большие. Каждый из нас имеет свою небольшую долю и живёт тихо, по-соседски. А вот среди новой формации, есть группа, которая хочет сразу и много. Мы с ними не конфликтуем. Они безбашенные...

— Автондил, это ни о чём, — прервал его Ткачёв.

— А что ещё надо-то?! — наигранно возмутился авторитет. — Чем богаты...

— Ладно, — Андрей Викторович кивнул Вике, что надо собираться обратно. — Благодарю за угощение. Рад был тебя повидать в здравии.

— Ну, если вы больше ничего не хотите, — Автондил широко улыбнулся. — Будете проходить мимо, то проходите. Сеня, проводи дорогих гостей!

И старый вор подмигнул Виктории. Но не с намёком на некий интим, а серьёзно, поведя головой вниз. Ткачёв это заметил и поразился тому, насколько хитёр был авторитет.

Он не сказал вслух ничего. Абсолютно. Пустой трёп, который можно прочитать в любой бульварной газетёнке. Андрей Викторович давно знал Автондила, и знал, что тот не прочь собрать «жар» чужими руками. Наверняка, через того мелкого и очкастого «Чародея», способного за очень короткий срок найти нужную информацию, выяснил, кто стоит за Ткачёвым. И попробовать убрать того, кто Автондилу явно перешёл дорогу. Руками того же Ткачёва. Собственно, план Андрея Викторовича заключался именно в этом. Автондил всегда был над «всеми», и никого близко к себе не допускал. Видимо, авторитета сильно подвинул кто-то в его влиянии, потому он озлобился и решил отомстить. А Ткачёв пришёл к нему вовремя.

Громила Сеня пытел позади Андрея Викторовича и Виктории, провожая со второго этажа к раздевалке. Неожиданно Вика, будто всполошилась.

— Я зайду попудрить носик перед дорогой, — она кокетливо провела пальцем по лацкану пиджака Ткачёва. — Недолго.

Виктория зашла в дамскую комнату и замерла, прислушиваясь. Дверь кабинки скрипнула и к умывальнику подошла невысокая блондинка. Вымыла руки и поправила лямку бюстгальтера под кофточкой. Оценивающе оглядела статную фигуру Вики и вышла.

Виктория зашла в кабинку, закрыла дверь и внимательно оглядела стены и потолок. Заметив чуть сдвинутую фальш-панель, осторожно встала на унитаз и пошарила рукой около сдвинутой панели. Найдя небольшой конверт, пальцем вернула панель на место. Спустившись, спрятала конверт в колготки на плоском животе. Потом, уже перед зеркалом покрутилась, осматривая себя, и вышла к раздевалке. Ткачёв держал наготове её шубку.

— Как успехи? — встретил Хмель возвратившуюся домой парочку.

— Думаю, нам нужен компьютер, — ответила Вика. — Я в туалет.

Ткачёв проводил её встревоженным взглядом. Такое же выражение лица было у Хмеля.

Виктория молчала всю дорогу, только изредка морщилась, трогая живот. В электричке

Ткачёв даже разволновался — не накормил ли её какой-то гадостью Автондил.

— Переела, наверное, — сказал Андрей Викторович, но Вика вышла из туалета, держа в руке конверт.

— Неожиданно, — полезли вверх брови агента.

— Было страшно неудобно, — улыбнулась она. — Старик невероятно хитёр, но сумел дать нам информацию. Тут дискета для компьютера.

— И где взять этот... компютер? — не сдержался Ткачёв. — И кто умеет им пользоваться?

— Я умею, — Виктория сказала это так, будто родилась вместе с компьютером в обнимку. — Данные можно распечатать, если ещё и принтер найдём.

Она отдала конверт Ткачёву, и тот достал из него небольшой тонкий квадратный предмет.

— И когда Автондил успел?

— Данные были занесены быстро, — ответила она. — Вероятно, у старика есть настольная машина, в которой он собирает и хранит информацию. Это удобно. В случае опасности нажал на кнопку и всё исчезает.

— Откуда такие познания? — не переставал удивляться Ткачёв.

— Я работала на такой машине, — просто ответила Вика, поправляя юбку. — Завтра займусь распечаткой.

— Договорились, — кивнул Хмель. — Можешь отдыхать. К тебе не приставал вот этот бравый генерал?

Она кокетливо поправила волосы.

— Андрей Викторович галантный кавалер. Даже если и приставал, то тебе то что?

И Вика вышла из квартиры.

— Это что было? — спросил агента Ткачёв.

Хмель рассмеялся.

— Нормально всё, Викторыч. Вика... не совсем обычная женщина, но об этом потом. Тебе сообщение от Гришаева приходило?

Андрей Викторович судорожно пошарил в карманах пиджака и брюк.

— Чёрт! Никак не могу привыкнуть, что у меня есть какой-то пейджер! Я, кажется, его дома оставил в суматохе...

— Так ищи, — ухмыльнулся агент.

Ткачёв нашёл пропавший гаджет — на него пришло сообщение, что адрес поменялся, но Гришаев сам впустит своего сотрудника в одиннадцать часов утра.

— Полковник будет отчитываться перед начальством, — предположил Хмель.

— Скорее, будет прятать чемодан с деньгами, — возразил Ткачёв.

Встретивший Ткачёва на новом адресе Гришаев был мрачен, как грозовая туча. Он неумело курил, сидя на лавочке в уютном дворе среди пятиэтажек столичной окраины, и,

несмотря на легкий мороз, был без головного убора.

— Есть две новости, Андрей Викторович. Плохая, и очень плохая. С какой начать?

— Начни с объяснений, Жень, — Ткачёв решил, что сейчас не до церемоний.

— Утром я был у своего куратора. Они там, видишь ли, посоветовались и решили, что ваша работа по выявлению влияния криминала на политику бесперспективна. Создаваемая сейчас структура ФСБ и МВД сможет сама выявить криминальных лидеров, активно вмешивающихся во внутренние и внешние дела государства. И устранить их по мере необходимости.

— Не самая плохая новость, Евгений, — усмехнулся Ткачёв. — Не понимаю твоей мрачности...

— Как?! — встрепнулся Гришаев. — Это же означает, что мы прекращаем с вами работу!

— Твой куратор прямо об этом сказал?

— Нет...

— Вот видишь. А ты бьёшь в колокола. Это, вообще, нам на руку.

— Я не понимаю вас, товарищ генерал, — признался удивленный Гришаев. — В деньгах отказано, работа консервируется. Что в этом хорошего?

— А что плохого? — вздохнул Ткачёв. — Мне кажется, что такая ситуация только развязывает нам руки. Особенно, тебе.

— Всё равно — не понимаю.

— Всё просто, Жень. Твоему куратору, возможно, дали понять, что человек, которого мы разрабатываем, каким-то образом узнал об интересе к нему твоей структуры. Куратор просто исполнил некое желание начальства, но все карты тебе не раскрыл. При этом решил тебя проверить, а именно — существует ли такая структура, на которую ты просил деньги, и насколько она боеспособна. Тем самым отдал инициативу в твои руки. Если бы куратор прямо сказал, мол, завязывайте Евгений Арсеньевич с фигурантом, ибо на это получено прямое указание, то тогда — да, стоило бы задуматься. А ещё хуже, если бы тебя ещё и попросили передать все контакты. Но такого же не было?

— Нет, — твёрдо ответил Гришаев.

— Мысли шире, полковник. Трещи мозгами. Я собрал сейчас информацию, но пойми — для действий нужны средства. Если начальство не хочет светить финансирование, а это так, ибо все переводы отслеживаются, и конспирации не получится, то найди способ, который поможет взять такое финансирование. Кстати, это было бы лучше.

— Как это взять? Банк ограбить?!

— А почему бы и нет, — пожал плечами Ткачёв. — Сейчас все банки, насколько я понимаю, принадлежат частным лицам. Кстати, фигурант человек далеко не бедный... Это будет хорошим аргументом перед твоим куратором. Намекни ему, если сам не знаешь, где взять информацию. Я думаю, что он тебе в ней не откажет. Или сам напорой...

Гришаев думал недолго.

— Ладно, договорились. Как я могу связаться с вами? Думаю, что сообщения по пейджеру тоже не безопасны.

— Правильно думаешь, — кивнул Ткачёв. — Но другого варианта у нас пока нет. У тебя есть место, о котором никто не знает? Любое место, где можно оставить записку, документы, схемы, и куда ты можешь пройти незамеченным. Или где постоянно бываешь и твоё появление там не вызовет подозрения.

Тут полковник задумался надолго.

— Надо придумать канал связи, несомненно, — наконец, сказал он. — Если на какое-то время, то я навещаю свою сестру в больнице каждый день. Правда, её выпишут через пару недель...

— У нас нет двух недель, Жень, — покачал головой Ткачёв. — Неделя максимум. Говори номер больницы, номер палаты и имя сестры. Перед тем, как подготовишь сообщение, скинь на пейджер... например, несуществующий номер телефона. Так я пойму, что надо выезжать. Ехать мне полчаса до столицы и на метро минут сорок. Вот и рассчитай время, когда тебе надо приехать в больницу. А там я тебя найду, или кто-то из агентов. Пароль — привет от Хмеля.

Андрей Викторович ободряюще улыбнулся.

— Конспирация, — усмехнулся Гришаев. — Ладно. Договорились. Попробую в самое ближайшее время что-то нарыть.

Ткачёв, вернувшись, застал дома Хмеля с Викторией. На столе лежали кипы листов бумаги, и агент сосредоточенно сортировал их, пока Виктория пила чай.

— Викторич, мне одному не разобраться в этой галиматье, — растерянно прошипел Хмель. — Вот информация с дискеты, — он показал на стопку бумаги, — а вот с пленки Гришаева. Что делаем?

— Сначала я отобедаю, а ты разворачивай ватман и карту.

— Я поухаживаю за генералом, — вскочила Вика с кресла.

Пока Ткачёв торопливо поедал бутерброды с колбасой и запивал кофе, то узнал, что Виктория снимает квартиру на два этажа выше, и если очень надо куда-то съездить, то Андрей Викторович может к ней зайти... по-соседски.

Ткачёв, вспомнив предостережения Хмеля насчёт Вики, чуть не подавился колбасой. Он не понимал такого внимания с её стороны, а спросить не решался.

— Спасибо, — запив застрявший в горле кусок, сказал Андрей Викторович.

Она мило улыбнулась и ушла. Услышав стук входной двери, на кухню пришёл Хмель.

— Что, достала тебя Вика? — он налил себе кофе и присел за стол. — Это единственный оставшийся в живых оперативный агент. Кроме меня и Шмеля. И единственный, кто имеет псевдоним в виде нормального имени. Её готовили по особой программе, и запомни хорошенько, Андрей... Вика — безжалостная, коварная и крайне опасная машина для убийства. Мало того, её ум и умения при подготовке были рассчитаны на десятилетия вперёд, с учётом практически всех возможных новшеств.

— Откуда ты это знаешь?! — почти вскрикнул Ткачёв.

— А ты думаешь зачем я подался к бандюганам? Помнишь двух девчонок, что с нами были при последних операциях?

— Смутно, — признался Андрей Викторович.

— Понятно, — раздраженно махнул рукой агент. — Это были оперативные агенты из выпуска Вики. Последние агенты, которых готовили для работы за бугром. Вику готовили для работы здесь, в России. Так вот... Всех агентов сдали, Андрей. Ты понимаешь?! Всех!

— Не кричи, — зашипел Ткачёв. — Толком объясни, что было.

— Мы со Шмелём спрятались, но кто-то вышел на Пантеру и убрал её. Потом тех двух девчонок. И тогда я специально себя «засветил», чтобы узнать — кто и зачем. И на меня вышла группа спецов из ЦРУ и Моссада. Руководил этой ватагой полковник из службы Натив — он давно собирал информацию по подготовке спецагентов в СССР. От него я и

узнал о Вике. Правда, в лицо её никто не видел. И мы оставили полковника в живых для приманки, спрятав. Но Вика его нашла. У неё какое-то звериное чутьё на врага, а методы допроса... изуверские. Он рассказал нам всё — и про базу спецов в Москве, и про вытасненный из архивов КГБ материал, и много ещё чего, — Хмель шумно хлебнул кофе и вытер рукавом каплю на губе. — Так что, Викторыч, теперь ты понимаешь зачем я тороплюсь с уходом в «подполье».

— И почему они на тебя ещё не вышли, если ты так на шумел знатно?

— Тот полковник из Натива отдал нам все свои разработки. Часть информации он, конечно, слил своему начальству, но что касается Вики, меня и Шмеля — не стал. У него были на нас планы, и разработку по нам он утаил. Правда, кое-какие хвосты остались в московском отделении ЦРУ. Запомни имена, Андрей — Джонатан Хэй и Андреас Шлейфер. Последний может представиться твоим тёзкой. Рано или поздно они на тебя выйдут — будь с ними крайне осторожен.

Рассказ Хмеля заставил Ткачёва взглянуть на создавшуюся ситуацию по-другому. Западные спецслужбы намеренно пошли на физическое устранение спецагентов КГБ, так как они представляли опасность. Агенты были подготовлены и воспитаны в «старых» традициях и воспринимали действия ЦРУ, как полностью враждебные. А так, как эти агенты лишились своего куратора, то могли действовать на своё усмотрение. Что, собственно, сейчас и происходило. Сеть баз для агентов никуда не делась — спецы по оружию, маскировке, средствам связи продолжали работать. Только в нынешних условиях эта сеть не представляла опасности, если не было бы действующих агентов. Тогда ЦРУ или Моссад подмяли бы под себя эту сеть, состоящую из уникальных специалистов. Наверняка, полковник из Натива хотел сделать именно это. Но ему ещё какое-то время нужны были старые агенты, чтобы эту сеть «вскрыть». И, конечно, этот полковник неким образом взаимодействовал с ЦРУ — главным поставщиком денег.

— Пойдём с бумагами поработаем, — предложил Ткачёв. — Это для нас сейчас очень важно. Гришаев сообщил, что ему отказано в финансировании.

— Я и не сомневался, — хохотнул Хмель. — Давать деньги неизвестно на что, не проверив. Да ещё без каких-либо предпочтений. Сейчас, чтобы получить бабло, надо озвучить сумму отката. Впрочем, это нам на руку. Надеюсь, что ты предложил полковнику Гришаеву альтернативный вариант?

— Конечно. Как и договаривались. Посмотрим, что он будет делать дальше. Но я предлагаю не ждать от него помощи, а действовать самим. Так мы получим полную независимость от «государственных структур». Скорее, они будут искать встречи с нами.

— Ты прав, Андрей. Пойдём посмотрим на материалы. Возможно, найдём для себя удобный вариант.

Они просидели с бумагами до позднего вечера, сортируя информацию и занося в «общий план» на листе ватмана. Картина складывалась следующая...

Существовало несколько «кланов». Это были люди из правительственных структур и предприниматели. Кланов пользовались поддержкой силовиков, в том числе и из Службы Безопасности Президента. Также имели связи в криминале. Но один из кланов существенно выделялся, пользуясь практически безграничной поддержкой самого президента.

— Как думаешь, этот фигурант завербован ЦРУ или Моссадом? — спросил Ткачёв Хмеля, рассматривающего фото фигуранта.

— В материалах об этом не сказано, но проверить надо. Слишком быстро он проник в

«семью» президента. Один взрыв его машины чего стоит. Тут не могло не обойтись без квалифицированных подрывников. Хотя он и завязан под ФСК, но это ничего не значит. Само ФСК и могло его вывести на ЦРУ. Только это вряд ли. Думай, Викторыч.

Ткачёв «зашёл» со стороны криминала. Фигурант имел довольно устойчивую связь с одним из авторитетов, исходя из материалов, предоставленных Автондиллом. А также связь с чеченскими полевыми командирами. Имена командиров в документах фигурировали.

— Нам нужен спец по финансам и банкам, — поглядывая на различные банковские выписки, сказал Ткачёв. — Я в этом ничего не понимаю.

— К Вике зайди, — усмехнулся Хмель. — Она точно в этом шарит.

— Думаешь?!

— Знаю, Андрей. Она в банке работала, и не простым клерком.

Ткачёв засуетился под насмешливым взглядом Хмеля.

— Ты чего как маленький? Просто сходи и пригласи.

Виктория открыла дверь, и Андрей Викторович растерялся. Он так давно жил в одиночестве, что забыл как можно общаться с симпатичными женщинами.

В коротком шелковом халате, с распущенными по плечам волосами, Вика удивлённо рассматривала Ткачёва.

— Что-то случилось, сосед?

— Я... мы... соли не дадите? — Андрей Викторович проямлил первое, что пришло в голову.

Она моргнула и посторонилась, пропуская его в квартиру. Ткачёв истуканом встал в коридоре, не зная куда идти — на кухню, в комнату, или оставаться на месте.

— Андрей, вы такой смешной, — Вика закрыла дверь. — И что мы будем делать?

— Я не знаю, — признался Ткачёв, рассматривая линолеум на полу. На неё он смотреть боялся.

— Андрей, как давно у вас не было женщины?

— Э... даже и не вспомню, — смущенно признался он.

— Понятно...

Андрей Викторович мысленно обругал себя ослом, бараном и ещё кучей животных с рогами и ушами. Он не понимал, для чего признался ей. Это вышло спонтанно, само собой.

— Подождите на кухне, я только переоденусь, — попросила она, уходя в комнату.

Через десять минут Ткачёв её узнал. Несомненно, это была Вика, но теперь она выглядела, как серая и невзрачная мышка. Да, в ней оставался еле заметный «лоск», но общее впечатление было не таким, как прежде — её сексуальность, так явно проглядывающая в каждом движении, в каждом изгибе тела, в каждой впадинке, в каждой выпуклости, пропала. Теперь она, действительно, напоминала незаметного клерка заштатного отделения сберегательного банка.

— Пойдёмте, Андрей, — позвала она ошеломлённого Ткачёва, — нас ждёт много работы.

— Как у вас так получается?! — поднялся со стула Андрей Викторович, намекая на её перевоплощение.

— Меня долго этому обучали, — ответила Вика серьёзно. — Но сейчас не время об этом говорить. Пойдёмте, Хмель, наверное, заждался.

— Один вопрос можно?

Вика вздохнула.

— Можно.

— Откуда вы знаете Хмеля? Если не секрет...

— Три года назад он спас меня. Хотя не должен был этого делать.

Вика очень помогла Ткачёву и Хмелю с разбором материалов. Одним взглядом она оценивала документ и говорила им куда его отнести на схеме, которая уже не умещалась на одном листе ватмана. Ткачёв ползал с карандашом уже по огромному листу, склеенному из четырех ватманских.

Борис Абрамович Березовский, сокращённо «БАБ», имел очень сильные позиции в «новой» элите России. На основании документов Ткачёв сделал вывод, что БАБ собирается прибрать к рукам не только одну из основных нефтяных компаний, но и организует встречу с управляющим Фонда Сороса. И на эту встречу должен был прилететь сам Джордж Сорос.

Это было крайне любопытно.

— Зачем этому старому интригану встречаться в Москве с Березовским?! — размышлял вслух Ткачёв.

— Ты его знаешь?! — удивился Хмель.

— Лично не знаком, но читал по нему материалы. В его фонде команда спецов, занимающихся сменой политических режимов. Зачем Соросу какой-то Березовский?

— В следующем году выборы президента России, — сказала Вика. — Не метит ли БАБ и президентское кресло?

— А зачем оно ему? — возразил Ткачёв. — Судя по всему, президент итак «ручной». Думаю, что готовится какой-то передел среди будущих олигархов, а они Березовского не слишком любят. Вот он и хочет взять у Сороса денег.

— Это возможно, — согласилась Виктория. — У наших банкиров кредиты в разы дороже. Да и нынешняя «семибанкирщина» не позволяет БАБу развернуться.

— Березовский хочет посадить «своего» премьера, — Андрей Викторович зачеркнул фамилию «Чубайс» на ватмане. — Черномырдин его не устраивает. Это человек Гайдара. А кто финансирует Гайдара?

— Международный валютный фонд, — быстро ответила Вика, и заметила. — Зря вы вычеркнули Чубайса. Эти двое — та ещё неразлучная пара.

— МВФ — это чисто американское влияние, — поскрёб затылок Ткачёв. — А Сорос под наблюдением «МИБ» после того, как обрушил банк Англии. Интересная вырисовывается картина! Англосаксы через своих ставленников будут рвать Россию на куски. И никто им не сможет помешать.

Андрей Викторович со злостью бросил карандаш на ватман. Грифель сломался, оставив на ватмане жирную черту.

— И как это ты понял?! — Хмель недоумённо взирал на обозлённого Ткачёва.

— Неужели всё так плохо?

Андрей Викторович был готов порвать ватман от переполнявшей его ярости и бессилия.

— Он прав, — сказала Виктория. — В материалах Гришаева фигурирует компания «Бритиш Петролеум» и очень любопытный документ под названием «Соглашение о разделе продукции».

— Это что ещё за напасть?! — Хмель выпучил глаза.

— Это значит, что американцы и британцы уже поделили богатства России, — выговорил Ткачёв, и Вика утвердительно кивнула.

— И что делать?..

Все трое замолчали после этого вопроса, заданного Хмелём. Ткачёв постепенно усмирил гнев внутри себя, и начал соображать. Понятно, что данная ситуация не очень устраивала внутрироссийскую элиту. Англосаксы, сохраняя доброжелательность и радость происходящими внутри России процессами, обеими руками и ногами просто залезали грабить её, не стесняясь. Ну, как же, если президент России с высокой трибуны вещает, мол, «Господи, храни Америку!»? Вот они и сохраняют. Как говориться, полез в глубокий лес, так иди, и не питюкай... Не привередничай, то есть, раз уж одобрил.

Скорее всего, именно так поняли тот посыл англосаксы. А что они будут забирать в первую очередь? Правильно, энергетику и ресурсы. И разваливать оборонную промышленность, чтобы не было желания её вновь создать. На случай острой надобности. Например, если регион захочет отделиться, или будет интервенция. И наставить близ границ своих баз — Прибалтика, Казахстан, Грузия... Идеальный вариант — Украина и Белоруссия. Но энергетика — это первое. Потом загрести нефтяные и газовые месторождения. Потом — развалить армию.

Прибалтика для британцев — первоначально. А что же для американцев?

— Викторыч, ты чего завис? — Хмель уже заточил сломанный карандаш. — Что делать-то будем? Куда мы этот лист отнесём?

— Пока никуда.

Ткачёв размышлял так: внутри России всё равно будут люди, которые не захотят прогибаться под англосаксов. Ну, не смогут, в силу того, что... просто не смогут. Не приучены. Не было колониального гнёта чужестранцев, да и победы русских людей оставили в генетическом коде стремление к независимости: от чужого мнения, от чуждого образа жизни, от выплаты дани. Да и социализм ещё не выветрился полностью — осталась тяга к некому светлому будущему. И пусть это будущее — утопия, и никто не знает, как оно будет выглядеть, но так хочется, чтобы оно было. И люди эти будут из структур бывшего КГБ. Ну, такие, как сам Ткачёв. Только вот — где их найти?!

Самое неприятное — это то, что целевое финансирование в сложившихся условиях невозможно. Людям нужно как-то жить, и техника с материалами, чтобы работать. В новых условиях нужен «банкир», который будет считать, и распределять деньги, а также как-то их добывать. То есть, нужен постоянный источник финансирования. И человек, пополняющий этот источник, с невозможностью присвоить его лично себе. Андрей Викторович решил спросить...

— Виктория, вы сможете выстроить систему финансирования структуры, но так, чтобы тот, кто приумножает капитал, не знал, для кого он это делает?

— Это выполнимо, — ответила она, чуть подумав. — Но займёт время.

— Ты чего задумал, Викторыч? — испугался Хмель, поглядывая на Вику.

— Использовать структуру по прямому назначению, — сказал Ткачёв. — Как бы пафосно это не звучало, но сбережь страну от разграбления всякими проходимцами. Вы со мной?

Хмель тягостно вздохнул.

— Ну, куда же ты без меня, Андрей? Конечно, я с тобой.

Они посмотрели на Вику, молчаливо сидевшую в углу комнаты. Она водила согнутым пальцем по губам и наблюдала за качающимся от ветра фонарём на улице.

— Мужчины, я не настолько патриотична, как вы, но бросить вас в одиночестве не могу. У тех, кого Андрей называет англосаксами, остался передо мной неоплаченный долг. Простить им убийство девочек я не смогу. «Кошка» и «Горгона» были моей семьёй. Я делила с ними двадцать лет всё, что имела. И они со мной тоже. А их не просто убили — их казнили. И за что?! За то, что они могли как-то помешать? Я с вами, Андрей, и с тобой, Хмель. Другого я не вижу, и не представляю, чем это закончится, но я буду с вами. До конца... обещаю.

Хмель едва заметно выдохнул, будто не был до её слов в чём-то уверен.

— Оперативных агентов всего трое, — продолжала Вика. — Это очень мало для тех задач, что обозначил Андрей.

— Надо выкупить хотя бы одну базу для подготовки агентов, — предложил Хмель. — И начать вербовку.

— Неужели никого больше не осталось? — растерянно спросил Ткачёв.

— Может быть, кто-то и остался, — ответил Хмель. — Только их местонахождение мне неизвестно.

— Мне известно, — вдруг сказала Виктория. — Я знаю группу из четырёх человек. Их как и меня, готовили по особо секретной программе и не вносили в базу. Правда, есть трудность — я не знаю пароля для связи с ними. Выйдем на контакт без пароля — перережем друг друга.

— И что делать? — воодушевился Ткачёв.

— Искать среди них руководителя группы. И предъявить веский аргумент, что вы, Андрей, единственный оставшийся куратор. Другого пути нет.

— И как ты их узнаешь? — недоверчиво усмехнулся Хмель.

— Ты, — Вика взглянула на него с жалостью, — анахронизм. Просто поверь мне.

Андрей Викторович прошёл на кухню, кряхтя, встал на табурет, и достал из-за вентиляционной решётки небольшую металлическую коробочку. Вынул из неё бархатную тряпочку, развернул. Взял удостоверение генерал-майора КГБ, провёл по нему ладонью, стряхивая несуществующую пыль. Вернулся в комнату и протянул удостоверение Вике.

— Это будет хоть небольшим аргументом при разговоре?

— Не знаю, — она развернула книжечку, улыбнулась, разглядывая фото Ткачёва. — Стоит попробовать. Другого аргумента все равно нет.

Ткачёв уже отчаялся ждать вестей от Гришаева, и решил действовать сам: попросить денег у Автондила, пообещав авторитету в будущем дивиденды. Он особо не надеялся на то, что Автондил согласится, но попробовать стоило.

И по истечении недели сообщение от полковника пришло.

— Мне срочно надо в Москву, — объявил Ткачёв агенту. — Гришаев что-то нарыл.

Хмель же решил подстраховаться.

— Возьми с собой Вику. Надо будет проверить за ним «хвост».

Андрей Викторович запротестовал, но Хмель настоял.

— Так надо, не спорь.

Он сходил за ней, и уже через пятнадцать минут Ткачёв выходил из дома, наскоро, но умело загримированный под старика — седая борода, густые брови и очки. Вика тоже была под видом старушки, и Ткачёв в очередной раз поразился её умению так быстро перевоплощаться. Одежда тоже была под стать гриму, и Андрей Викторович частенько почесывал шею под колючим и толстым шарфом. В электричке какие-то сердобольные люди даже уступили им место.

Они добрались до больницы, в которой лежала сестра Гришаева в положенный час, но Виктория скомандовала:

— Андрей, посидите на автобусной остановке, а я схожу к палате. Если ваш полковник уже там, то мы перехватим его на обратном пути.

Он не стал спорить и присел на заснеженную лавочку, постелив кусок картона.

Виктория обернулась быстро.

— Его там ещё не было, — сказала она, присаживаясь рядом. — Это очень хорошо. Следите за входом в больницу и дайте мне знать, когда полковник появится.

Минут через пять Ткачёв увидел Гришаева, спешившего с авоськой набитой продуктами. Он не спеша шёл к больнице по тротуару от станции метро. Андрей Викторович незаметно ткнул Вику в бок.

— Вон он. В кроличьей шапке с авоськой.

Виктория развернула Ткачёва к себе лицом и стала поправлять ему шарф.

— Вижу. Сидите тихо и наблюдайте за дорогой позади нас, — и буквально через полминуты добавила. — За ним хвост, значит, он где-то прокололся. И, действительно, несёт для вас информацию, — говоря, он по-старчески кривила губы в улыбке, пальцами, будто пораженными артрозом, дергая за шарф Ткачёва. — Его ведёт невысокий и неприметный мужик в спортивной шапочке и темном китайском пуховике.

Тут Андрей Викторович увидел «Жигули» с тонированными стеклами. Машина остановилась метрах в ста от входа в больницу, и из неё вылез худощавый мужчина. Закурил, стараясь не смотреть на вход.

— Похоже, нас приехали шлёпнуть, — прошептал Ткачёв. Он почувствовал давно забытое ощущение опасности. Этот вылезший из автомобиля мужик словно испускал от себя невидимые волны, говоря — я приехал убить того на, кого покажут.

— Сколько их?

— Точно не скажу, но как минимум трое. Мужик вылез из задней двери, значит он, водитель, и тот, кто спереди на пассажирском месте. Стекла очень тёмные. Что будем делать?

— Импровизировать, — улыбнулась Вика. — Пошли. Номер машины запомни.

Они, изображая походку стариков, зашагали к больнице, когда Гришаев скрылся за дверьми главного входа. Мужик у машины скользнул по ним безразличным взглядом, а вот тот, кто шёл за полковником от метро, более пристально, обернувшись на ходу. Видимо, не почуввав опасности от стариков, он едва заметно кивнул стоящему у машины курильщику.

Ткачёв с Викой немного задержались в фойе: она сделала вид, будто рассматривает расположение отделений на плане больницы, а он стал разглядывать информационную стойку. В фойе народу было немного. Медсёстры сновали по длинному коридору, и на откидных стульях, как в кинотеатре, в ожидании сидело три человека с сумками.

— Нам на третий этаж, — старчески пробурчала Вика и взяла под руку Андрея Викторовича. Они медленно стали подниматься по лестнице, но после пролета между вторым и третьим этажом, Вика ускорила, приподняв длинную юбку. Ткачёв не отстал, и они выскочили на третий этаж, когда Гришаев заходил в палату.

Мужик, следящий за ним, снял свою шапочку и сделал вид, что растерянно смотрит по сторонам длинного коридора. Виктория увлекла Ткачёва к палате, в которую зашёл Гришаев и по пути, неожиданно, резко ударила сбоку в скулу мужика без шапки. Тот без звука кулем опустился на пол.

— Ой! — закричала Виктория, изображая встревоженную старушку. — Это что такое делается?! Мужчине плохо! Скорее, позовите врача!

Ткачёв не стал ждать, когда прибегут медсёстры, и подбежал к палате, в которую зашёл Гришаев. Столкнулся с ним в дверях.

— Привет от Хмеля, — прошептал полковнику собравшемуся выскочить из палаты на зов Вики.

Гришаев вздрогнул, не сразу узнав в гриме Ткачёва. Выпучил от удивления глаза.

— Евгений, за вами хвост, — продолжал шептать Андрей Викторович. — На улице машина у главного входа. Уходите из больницы другим путём...

Женщины в палате непонятливо взирали на почти беззвучный диалог, и они вышли в коридор.

— Послезавтра в одиннадцать ночи, — стал быстро говорить Гришаев, поглядывая на лежащего мужика, голосившую Вику и засуетившихся врачей, — рейсом из Лондона доставят деньги. Много. Из Шереметьева их повезут на двух броневиках банка «Менатеп» в офис «Нефтяной финансовой компании». Будет охрана из ФСК.

— Принято, — кивнул Ткачёв. — А теперь быстро уходите и постарайтесь на время скрыться. И доложите начальству о том, что вас хотели убить. Связь через «Букинист»?

— Да. Об этом канале знаю только я и мой куратор. Это квартира его родной сестры.

— Удачи, Евгений...

Ткачёв «превратился» в старика и, подхватив Вику, увлек её к выходу.

— Что будем делать с теми, кто в машине? — спросил он.

— Применим спецсредства. Подойдите и попросите закурить. Так, чтобы стекло приспустили или дверь открыли. Лучше дверь...

— Какие спецсредства? — удивился Ткачёв.

— Драгоценные, Андрей. Не надо вопросов.

Они медленно подошли к машине и Андрей Викторович постучал пальцем об стекло на водительской дверце. На удачу, водитель приоткрыл дверь.

— Чего надо, старче?

— Мил человек, угости сигареткой...

Водитель отвернулся и полез за пачкой, лежавшей справа над бардачком. Ткачёв успел заметить, что в машине всего трое.

Дальше события развивались стремительно. Виктория, незаметно ногой удерживая заднюю дверь, так же незаметно метнула в салон небольшой цилиндр. И моментально

закрыла водительскую дверь, потянув Ткачёва от машины. Через секунду внутри автомобиля раздался глухой звук, похожий на взрыв, и стекла на машине тут же покрылись мелкой паутиной трещин.

— Уходим, — Вика увлекла Ткачёва через улицу к домам. — Андрей, не тормози.

Они быстро пересекли неширокую дорогу, и, посматривая на машину, скрылись за углом ближнего дома. Из машины так никто и не вышел.

Виктория, поглядывая по сторонам, очень быстро достала из кармана и развернула сумку. В неё бросила свой парик и, стремительно сняв «старческую» юбку, отправила туда же. С Ткачёва содрала бороду, очки и брови, и, присовокупив колючий шарф, тоже кинула в сумку. Потом достала флакончик, вылила из него немного жидкости на платок, и протерла себе и Андрею Викторовичу лицо и шею. Ещё раз выглянула из-за угла посмотреть на машину.

Всё это уложилось буквально в минуту. Когда они шли к станции метро, Вика бросила сумку в мусорный контейнер, предварительно дернув какой-то шнурок на ней.

— Через пять минут сгорит, — объяснила она Ткачёву.

Он уже перестал удивляться действиям напарницы, но отметил про себя, что её подготовка на каком-то фантастическом уровне.

В электропоезде они стояли в тамбуре, без слов рассматривая сквозь мутное стекло зимние пейзажи и слушая стук колёс.

— Вы всё правильно сделали, — одобрил Хмель выполнение «операции», когда Ткачёв рассказал ему про приключения в больнице. — Кто-бы не следил за Гришаевым, то теперь его будут остерегаться. И нас появляется немного времени, пока будут осторожно прощупывать его окружение. На тебя, Викторыч, конечно вскоре выйдут, но за это время мы должны исчезнуть из поля зрения.

— Почему ты думаешь, что от Гришаева отстанут?

— Потому что по нему работали очень топорно. Просто слышали звон, но не знали, где он, — метафорично выразился Хмель. — Я так, вообще, склонен думать, что полковник «засветился» краем и убрать должны были не его, а вас. Или взять и допросить с пристрастием. Он же намекал руководству о деньгах. А тут мы показали, на что способны. Уверен, теперь его руководство будет искать встречи с нами. И в обход Гришаева, чего допустить нельзя. Из полковника мы сделаем прямого посредника, между его руководством и нами. Тогда Гришаева будут оберегать, как зеницу ока. Причём все — и силовики, и криминал.

— Что думаешь по поводу денег?..

Хмель взглянул на молчавшую у окна Вику.

— Информации маловато. Да и два броневика...

Виктория тихо усмехнулась.

— Подумаешь... Дайте мне машину и хорошего шофёра, чтобы знал улицы и объездные пути.

— Одна пойдёшь? — сморщился Хмель.

— Вы только мешать будете...

— Нет!

Вскрикнул Андрей Викторович командно-громовым голосом. Хмель и Виктория вздрогнули от такого восклицания и с недоумением посмотрели на него.

— Нас слишком мало, чтобы так рисковать, — поспешил объяснить Ткачёв свою

эмоциональность. — Там может быть ловушка, или ещё что-то. Нет уверенности в том, что Гришаеву не слили такую информацию специально.

Хмель развёл руками, как-бы говоря, что уже ничего не понимает. Виктория же одобрительно улыбнулась: — И что ты предлагаешь?

Она перешла на «ты» с Андреем Викторовичем, и тот принял это нормально.

— Предлагаю выстроить многоходовую, но быструю комбинацию. Без нападений на броневики, вымогательства и разбоя.

— И как, позволь спросить? — усмехнулся Хмель. — Тоже мне, Кутузов!

— Непросто, — Ткачёв не обратил внимания на усмешку. — Спецслужбы Америки и Великобритании имеют незаметную, но давнюю вражду. Постоянно меряются, у кого толще. На этом мы и сыграем.

— Любопытно, — оживилась Виктория. — И как будем играть?

— Вот, послушайте, — стал объяснять Ткачёв. — Соглашение о разделе продукции, наверняка, проталкивают американцы. Они хорошо работают в длинную... То есть, выстраивают свой план на много лет вперёд, и в их плане есть большое число маленьких шестерёнок, дублирующих друг друга. Наверняка, это соглашение было ими подготовлено давно, но этот документ кто-то должен донести до утверждения президентом. И этот кто-то должен быть из политического истеблишмента, а не представитель предпринимателей или банкиров.

— Какие слова ты выучил! — удивился Хмель. — И чего?!

— А то, что англичане не работают в долгую. Они не разрабатывают длинных планов — им нужно здесь и сейчас.

— Я поняла, — отозвалась Виктория. — Ты хочешь продать информацию.

— Верно, — показал на неё пальцем Ткачёв. — Соглашению мы уже никак не помешаем — это вопрос решённый, но это тупо соглашение, которое можно отменить. А вот скупку активов в России мы можем изменить, если туда влезут американцы.

— Интересно, — хмыкнул Хмель, — но ничего непонятно. Где то место, где нам отдадут денег?

— Подвал, друг мой! В который мы посадим политика, лоббирующего соглашение перед президентом.

— Теперь уже я ничего не понимаю, — призналась Вика. — Андрей, давай по существу.

— Я понимаю, что мои слова похожи на бред, но сами посудите. В России два мощных клана, влияющих на президента, — Ткачёв взял чистый ватман и стал на нём рисовать. — Один клан — это «Березовский и компания». Он под кураторством англичан. Второй клан — это «Чубайс и компания», и он под американцами и евреями. Теперь смотрите сюда... Березовский получает деньги от Сороса, а Чубайс через агентов ЦРУ. Березовскому надо быстрее скупить наши нефтяные активы для «Бритиш Петролеум», а американцы хотят через соглашение о разделе продукции просто получить активы через подставных инвесторов. Если «Би Пи» быстрее получит актив, то он не попадает под соглашение. А дешёвая нефтянка для американцев и англичан сейчас очень важна. Так они будут влиять на решения ОПЕК и сбивать цену на нефть. Англичане очень не прочь укрепить свой фунт перед долларом. Это же война за Европу в будущем. Не будем забывать, что три года назад образовался Евросоюз...

— Я охреневаю, Викторыч! — не сдержался Хмель. — Ты говорил, что не смотришь телевизор, и далёк от всего этого.

— В материалах Гришаева и Автондила много подробностей, — заметила Вика. — Андрей прочитал и сделал выводы...

— Защитница, — прошипел Хмель, умолкая.

— Для американцев «Би Пи», как небольшая кость в горле. Как пиявка, присосавшаяся к их нефтяной гегемонии. А эти денежки, что прилетят от Сороса Березовскому, наверняка им помешают. Ведь, судя по материалам Гришаева, Березовский хочет скупить акции вновь образованной «Сибирской нефтяной компании», куда войдут практически все нефтеперерабатывающие предприятия. А также купить для англичан ещё ряд предприятий бывшего советского ОПК.

— И?..

Хмель начинал терять терпение, но Ткачёв коротко закончил:

— Мы отдаём американцам планы Березовского, но взамен на деньги и их политического протезе в нашей Думе.

— И как мы вычислим этого «протезе»? — не унимался Хмель.

— По фамилии, — усмехнулась Вика, — руководителя политического объединения. Жириновский, Зюганов, Явлинский. Больше и некому.

— Третий по твоему списку — скорее всего, — кивнул Ткачёв.

— Мы украдём Явлинского и посадим в подвал?! — выпучил глаза Хмель, чем рассмешил остальных.

— Зачем, — Вика первой сообразила, что задумал Ткачёв. — Мы проведём перед американцами «показательное выступление». Они, по правде говоря, весьма расслабились и почувствовали себя здесь хозяевами. Надо их переубедить. А заодно и денег содрать.

Ткачёв поднял вверх большой палец, одобряя её вывод.

Ткачёва гримировали долго. Вика на протяжении часа колдовала над его внешностью и одеждой, наконец, Андрей Викторович превратился в невзрачного предпринимателя, но с холёным лоском.

Его целью был Джонатан Хэй, ещё с девяносто первого года возглавлявший целый отдел в Госкомимуществе России. Этот ЦРУшник даже и не думал прятаться, чувствуя себя хозяином. За четыре года он так осмелел, что перестал чувствовать опасность. Ещё бы! Бывшего КГБ не существовало, а «новые» контрразведчики «сидели» у него на зарплате. А, как известно, музыку заказывает тот, кто платит.

Хэй свободно перемещался по Москве, имея из охраны только водителя и здорового, как бык, морского пехотинца, зачисленного в штат его секретарём. Это было на случай, если какие-нибудь отморозки, не осознавая, полезут на Джонатана в клубе, или на улице.

Клубы он не любил — там собиралась отвязная молодежь, падшая до наркотиков и алкоголя. Ему больше нравились рестораны в центре Москвы, где собирались респектабельные люди, и элитные женщины. Последние были не прочь провести с ним за деньги приятный вечер, плавно перетекающий в бурную ночь — для этого Хэй носил в кармане специальный препарат для усиления потенции.

Начальство в штате Вирджиния было им довольно, да и свой интерес в стране балалаек и медведей Джонатан изрядно приумножил, отщипывая от траншей небольшие кусочки. Ещё пару лет и можно будет уходить в отставку, не беспокоясь о безбедном будущем. Резидент ЦРУ в Москве работал на него, хотя имел свой небольшой профит, но Хэю это не мешало — в Россию правительство США закачивало деньги тоннами и не просило подробных отчётов.

Противодействия со стороны русских он не испытывал, и уже перестал удивляться тому, что за десять тысяч долларов американских налогоплательщиков, он может купить в России практически любого человека, а миллионов за двадцать ему отдадут весь Кремль, со всеми тайнами и произведениями искусства. Да что там говорить! Он недавно купил для США русский завод за сотню тысяч! Целый завод с оборудованием, на котором до недавнего времени делали блоки наведения ракет средней и малой дальности. А парочку самых ценных инженеров он отправил работать в Силиконовую долину. Чтобы там они разрабатывали блоки наведения для ракет НАТО. Начальство ему тогда выписало премиальные... Смешно, конечно.

Ещё немного и он протолкнёт через своих людей в русском парламенте Соглашение о разделе продукции. Сейчас — это главная его задача. Он не понимал, зачем правительству США нужно это соглашение. У русских такой простор, что можно потеряться! Бери — не хочу. Только взвод морских пехотинцев да пару танков, чтобы отбиваться от криминальных банд, отхвативших себе в собственность без всякого дозволения огромные куски территорий. Эти банды подотрутся этим соглашением. Но, как говорят сами русские — на каждую хитрую жопу найдётся болт с винтом. Что они этим хотят сказать, Джонатану было непонятно. Зачем толкать в задницу, пусть и хитрую, болт, а потом ещё и винт?!

Джонатан решил отобедать в ресторане «Савой» на улице Рождественка, что между Большим и Малым театром в столице. Ему нравилась там атмосфера — чуть пафосная, чуть разгильдяйская, но кухня одна из самых приятных. Можно было поехать в более уютное место, но времени не было — ждали неотложные дела. Начальство стало торопить с

продвижением Соглашения РП, пока русский президент вышел из очередного запоя и был готов внять голосу американского разума. Вечером у Хэя была запланирована встреча с лидером парламентской группировки, кажется Явлинский его фамилия. ЦРУ довольно долго обрабатывало людей из его окружения, и теперь сам лидер должен был убедить парламентариев принять такое нужное, по мнению американцев, соглашение.

В ресторане Хэй сел за столик у окна, заказал обед, и в ожидании осмотрел полупустой зал. Ему почему-то захотелось немного развлечься. Он крутил головой и заметил только что зашедшую в ресторан пару. Мужчина выглядел не броско, но добротнo, а вот женщина, пришедшая с ним, Джонатана взволновала. Она явно не была из числа «светских львиц», которые уже поднадоели Хэю запросами, и одинаковой внешностью. В этой была легкость и непринуждённость дамы, знающей себе цену. Она не вихляла бедрами, не улыбалась жеманно. В её движениях была естественная кошачья мягкость, а волнительные изгибы восхитительного тела были скрыты за простым, но очень дорогим платьем. Из украшений только маленький кулон на шею и тонкий браслет на руке. Изящный дневной макияж не делал её лицо кукольным, а только подчёркивал природную очаровательность. Он представил её полуоткрытый в страсти рот, и вздрогнул от нестерпимого желания.

Охранник Гарри, сидевший напротив, тоже заметил её и прошептал:

— Дьявол! Какие же у русских женщины! Мэрилин Монро по сравнению с некоторыми просто страшилище.

— Помолчи, Гарри, — зашептал Джонатан. — Эта красотка просто имеет чуть более высокую цену перед остальными. Ставлю пятьсот долларов, что отымею её ещё до того, как пообедаю.

Охранник завёлся в азарте.

— Ставлю тысячу, сэр, на то, что она вам не по зубам в ближайший час.

— Гарри, запомни. На всё есть цена, — Хэй взглянул на садившуюся женщину, грациозно поправившую подол платья и щелчком подозвал официанта.

— Бутылку самого дорогого шампанского вот той даме, — сказал Джонатан, едва заметно кивая в сторону столика, за который села незнакомка. — Скажите, что от меня.

Официант выполнил его поручение, но незнакомка в ответ лишь коротко улыбнулась Хэю. После этого продолжила разговор со своим спутником, ни разу не взглянув на изнывающего Джонатана.

Он уже почти закончил обедать и скрипел зубами от досады, когда её спутник попрощался и ушёл. Хэй превратился во внимание. Она поправила помаду на губах, и, что-то написав на салфетке, подозвала официанта. Отдала ему салфетку, кивнув на Джонатана, поднялась и пошла в сторону туалетных комнат.

Хэй нетерпеливо развернул бумажку и прочитал: «200\$. Буду в мужском туалете».

— Готовь тысячу, Гарри! — сорвался с места Джонатан, на ходу сполоснув рот вином. — Будет достаточно и десяти минут.

Около туалетных комнат суетился швейцар, раскладывая на небольшом столике всяческие принадлежности. Хэй подскочил к нему.

— Любезный, я закрою туалет на десять минут, — он подмигнул швейцару, и сунул ему в нагрудный карман пятьдесят долларов. — Ты никого не пускай, договорились? В какую дверь только что зашла дама?

Швейцар молча указал на дверь мужского отделения. Хэй в нетерпении открыл её и скрылся внутри туалетной комнаты, плотно закрыв дверь на защелку.

Швейцар покрутил в пальцах купюру, рассматривая, потом негромко позвал:

— Викторыч, началось. Впервые вижу такого безумного ЦРУшника... Ты там осторожней.

Ворвавшись в туалетную комнату, Джонатан увидел её. И когда она стала медленно поднимать подол платья, обнажая ажурные резинки чулок, то потерял голову. Он подскочил к ней и стал гладить её кожу на оголенной части бедра, тихо зарычал, расстегивая ремень на брюках, и увлек в кабинку. Упал задом на унитаз, усаживая её себе на ноги. Она в ответ прислонилась к нему грудью, обвила его шею руками, и тут он почувствовал легкий укол в шейный позвонок. Выгаращив глаза, Хэй так и остался сидеть, не в силах пошевелиться, а она не спеша встала с него и отошла назад. Щелкнул замок двери и вскоре в проёме кабинки Джонатан увидел её спутника — неприметного, но уверенного.

— Буду краток, — сказал он. — Сегодня в одиннадцать вечера в Шереметьево из Фонда Сороса придёт борт с деньгами для Бориса Березовского. Операцию спонсирует «МИБ» для скупки активов «Сибнефти» для «Би ПИ». Мне нужно, чтобы вы этому помешали. Лучшее всего, если самолёт не приземлится в России. Взамен я оставляю в живых Григория Явлинского, и вы заплатите мне два миллиона долларов. Вам понятно?

— Кто вы?! — прохрипел Джонатан, силясь увидеть говорившего, но взор падал только на кафельную плитку туалета.

— Это неважно. Повторю вопрос — вы меня поняли?

— Да-а...

— Отлично. Деньги переведёте на номер счёта, который вам сейчас дадут. Если вы не сделаете то, о чем мы договорились, то когда вернётесь к столу, посмотрите на свою машину. Вас и Явлинского будет ожидать тоже самое...

Невидимый собеседник ушёл, и Хэй видел только стройные голени женщины, затянутые в телесные чулки. Потом она потопталась, и на колени Джонатана изящная рука женщины положила телесного цвета трусики.

— На лейбле номер счёта и название банка, — сказала она. — Теперь я выну иглу из вашего позвонка, но посидите ещё пять минут. Будет тошнить... Не вставайте, пока не почувствуете ног, а то упадёте без сознания.

— Ты чего там копаешься, Хмель? — прошипел Ткачёв.

Агент стянул с себя куртку швейцара, бросил её на тело бесчувственного работника ресторана, которого вырубил из сознания несколько минут назад. Опять помял в пальцах купюру в пятьдесят долларов, подаренную ему Хэем, и положил в карман куртки.

— Прости, брат. Ничего личного...

И побежал к запасному выходу из ресторана. Там, на улице, Вика уже проводила процедуру уничтожения своего грима и грима Ткачёва. Она быстро сумела натянуть на себя джинсы и свитер, собрав волосы под шапку, а Ткачёва спрятала под нелепый китайский пуховик и шапку-петушок. Хмелью все это было без надобности — его никто не видел.

— Разбегаемся, — сказала Вика, отдавая агенту сумку с вещами. — Действуем по плану.

Хмель быстро скрылся среди домов, а Ткачёв с Викторией вышли на угол ресторана. Она взглянула на наручные часы.

— Пора, — и нажала кнопку маленького пульта, незаметно направив его в сторону машины американца.

Колеса машины покрылись редким дымком и с негромкими хлопками отлетели по сторонам. Парочка поспешила к станции метрополитена.

Джонатан доковылял до стола, и упал на стул, спрятав бельё в карман.

— Сэр! Ничего себе! — проговорил Гарри.

В ту же секунду на улице раздались хлопки, и колеса их машины отлетели в стороны. Хэй тихо зарычал. Он понял, что на него вышли настоящие профессионалы — агенты экстра-класса, и всё, что произошло, было лишь «показательным выступлением». Демонстрацией силы.

Гарри что-то кричал ему, показывая на машину и вывалившегося из неё шофёра, но Джонатан не слушал. Он соображал, как ему выкручиваться. Он-то уверял начальство, что всё под контролем и гладко, а выходило, что под контролем он, и гладкость только в его эротических фантазиях. Ещё и англичане под ногами крутятся.

— Иди, помоги шофёру и дай мне телефон, — со злостью выговорил он Гарри. Тот протянул ему трубку и убежал. Хэй ткнул в кнопки, набирая номер.

— Андреас, пригляди за Явлинским. Это срочно, — сказал Хэй по-английски. — И закажи через час разговор с Мюрреем. Я буду говорить с ним по спецсвязи. Скажи, что это очень важно. И... пришли за мной машину к ресторану «Савой». Моя... сломалась.

Он закрыл крышку телефона и сморщился, наблюдая, как к его машине подскочили милицейские узики.

— Ваш счёт, — официант протянул ему фирменную папочку ресторана. Взглянув на бланк, Хэй скрипнул зубами.

— Джонатан, ты знаешь который час? — гремел из трубки голос шефа Хэя. — Или ты думаешь, что в Москве столько же, сколько в Вашингтоне?!

— Простите, сэр, — твердо выговорил Хэй. — Но я буквально два часа назад получил информацию о том, что «Би Пи» пытается сорвать наш план...

— Говори, — проснулся шеф.

— В одиннадцать ночи по Москве в Шереметьево приземляется борт с деньгами. Их собрали в Фонде Сороса для Березовского, а, как известно, Березовский под полным контролем «Би Пи», и усиленно продвигает в правительство России своего премьер-министра.

— И как это может помешать нашим планам?! Мы проводим их на политическом уровне.

— Березовский нацелен на выкуп контрольного пакета новой «Сибнефти», сэр.

— Хм, — многозначительно промычал шэф. — Но ведь у нас там свой опцион, и с Чубайсом мы цену обговорили...

— Я думаю, что англичане решили нас переиграть, сэр. На Кавказе дела складываются не так, как они хотели.

— Хорошо. И что ты предлагаешь?

— Сэр, не могли бы вы по своим каналам отложить доставку денег. До аукциона осталась неделя...

— Хорошо, я сейчас позвоню на нашу базу в Брайз-Нортон. А ты подумай, как можно скомпрометировать Березовского. Он стал мне надоедать.

— Ещё один момент, сэр, — Хэй собрался с духом, чтобы шеф не услышал его волнения. — У русских появилась крайне опасная для нас структура. Её агенты действуют жестко, нагло и профессионально.

— Так разберись с ней, Джонатан...

— Мне не хватает средств на её разработку, сэр. Вы же знаете...

— Хорошо, — поспешно ответил шеф. У него были свои личные интересы в России. — Я утром организую перевод на сто тысяч.

— Сэр!.. Мне нужно три миллиона. Срочно! — Джонатан не смог удержать эмоции.

Шеф на другом конце провода сдавленно замолчал. Он знал, что Хэй не будет просить столько денег, даже если вдрызг проиграется в казино. Значит, положение действительно было серьёзным.

— Я не буду отменять борт, Джонатан. Деньги Фонда перевезёшь к нам в посольство и возьмёшь оттуда нужную сумму. А после заключения соглашения и аукциона немедленно ко мне.

— Слушаюсь, сэр! Спасибо...

Хэй достал из кармана и сжал вспотевшей ладонью телесные трусики. Провёл ими по лицу, вытирая пот. Глубоко вдохнул, проводя мимо носа.

— Ну, милая, ты мне за всё заплатишь! — зашипел рассерженной змеей. — И даже ту тысячу, что я отдал за шампанское...

Вика, по обыкновению, сидела у окна и рассматривала тени во дворе, качающиеся при тусклом свете фонаря.

— Думаешь, получится? — спросил Хмель у Ткачёва, рассеянно водившего карандашом по ватману.

— Не знаю. На месте Хэя я бы не стал рисковать. Охрану Явлинского он усилит, но как быть с Березовским — он не знает. Если Борис Абрамович Хэя переиграет, то...

— Ничего не случится, — сказала Вика. — Теперь за нами начнут охоту. Надо менять место — у Андрея становится опасно.

— Не кипешуй, — усмехнулся Хмель. — До послезавтра у нас время ещё есть.

— Мы слишком шумели за два дня, — возразила Виктория. — Это не осталось незамеченным. Я думаю, что Гришаев должен дать знать о себе в ближайшее время. Очень легко сложить два и два, и понять, что полковник имеет с нами связь. Надо готовиться к уходу.

— Так денег пока нет, — вяло заметил Хмель.

— Они будут, — твердо сказала Вика. — Если не с одной стороны, то с другой. Война сейчас никому не нужна, слишком много интереса у сторон, и нам легче заплатить, чем конфликтовать. Но искать начнут.

Будто, подтверждая её слова, пиликнул сообщением пейджер Ткачёва.

«Добро получено. Завтра минус два часа».

— Завтра в десять утра мне надо быть в Москве, — Андрей Викторович победно посмотрел на Хмеля.

— Я пойду с тобой, — Виктория поднялась с кресла, потянула сзади джинсы за пояс. — Если Гришаев принесёт деньги, то надо их разделить и тут же начинать уход. Хмель, собирайся и уходи к Шмелю. Завтра вечером придёшь к Андрею на два этажа выше. Полмиллиона вам хватит, чтобы грамотно совершить переход на полную конспирацию. А ты, Андрей, забирай всё самое необходимое и пойдём со мной.

Ткачёв вопросительно взглянул на Хмеля.

— Викторыч, я советую её послушаться, — ответил агент, закидывая в небольшую сумку свои нехитрые пожитки.

Хмель растворился в ночной темноте, а Ткачёву было отведено место на кухне в квартире Вики.

Было уже два часа ночи, но Андрей Викторович никак не мог заснуть. За десять лет он отвык от стремительных переходов с места на место и чувствовал себя невероятно уставшим. Теперь, лежа на небольшом кухонном диване, Ткачёв неотрывно глядел в побеленный потолок, и ему совсем не хотелось спать.

Неслышно приоткрылась дверь, и на кухню вошла Виктория в короткой ночной рубашке. Подошла и села на диван. Ткачёв поднялся и сел рядом. Он чувствовал её запах — чуть сладкий и терпкий, как у нагретой солнцем земляники.

— Андрей, завтра мы расстанемся и очень надолго, — прошептала Виктория. — Тебе придётся самому выходить на оставшихся агентов. Я не знаю, кто они, но руководитель группы под псевдонимом «Барс». Знаю, что ему не больше тридцати, и он служит в милиции. И точно в Москве. Ищи в отделениях рядом с бывшей площадью Дзержинского.

— Хорошо, — кивнул Ткачёв. — Я постараюсь.

Она зябко повела плечами, и Андрей Викторович поспешил накинуть на них одеяло.

— А ты хороший... бывший генерал.

Она склонила голову ему на грудь, обняла за талию.

— Андрей, а сколько тебе лет?

Он осторожно провел ладонью по её пушистым волосам.

— Пятьдесят шесть...

Виктория вздохнула.

— А мне тридцать четыре, но, правда ведь, это сейчас совсем неважно, — она провела ладонью по груди Ткачёва, потом по напряженному животу, потом...

— Не надо, — попросил он.

— Почему?

— Если я привыкну, то мне будет больно с тобой расставаться. И ещё больнее терять тебя навсегда.

Она выпрямилась и взглянула ему в глаза.

— Неужели тебе не хочется?..

— Очень хочется, но это лишь неразумный порыв. Он быстро пройдёт, а боль останется надолго.

Она прикоснулась к его щеке теплыми губами и ушла, прикрыв дверь.

Ткачёв подошёл к «Букинисту» на Кузнецком мосту без двух минут десять. Постоял перед витриной и заметил внутри магазина Гришаева. Тот стоял у прилавка и разговаривал с продавцом магазина.

Андрей Викторович неторопливо открыл дверь и зашёл внутрь. Гришаев обернулся, всматриваясь, а продавец дежурно улыбнулся.

— У вас есть довоенное издание Достоевского? — спросил Ткачёв, подходя к прилавку и встав рядом с полковником. — Любого года и желательно дешевле.

— Сейчас поищу, — продавец ушёл в подсобку, а Гришаев протянул Андрею Викторовичу томик Тургенева.

— Вас не интересует?

Ткачёв взял книгу. Осторожно полистал и между страниц увидел записку. Там же, между страниц развернул и прочитал: «Номер квартиры вы знаете. Через десять минут».

— Нет, я не любитель Тургенева. Спасибо за предложение.

Гришаев виновато улыбнулся, взял томик и вышел из магазина.

Ткачёв взглянул на часы и засёк время. Посмотрел полковнику вслед — сейчас Виктория проследит за ним, определяя наличие «хвоста». Только это лишнее. За Евгения можно теперь не беспокоиться, его на конспиративной квартире не будет, а с Ткачёвым он больше не встретится. Никогда.

Продавец вышел из подсобки.

— Простите, но пока нужного вам издания у нас нет.

— Благодарю, — развернулся к выходу Андрей Викторович. — Извините за беспокойство.

Он вышел из магазина и незаметно посмотрел в сторону Вики, стоящей у витрины модного салона. Она стояла к нему спиной, а это значило, что за Гришаевым, как и предполагал Ткачёв, слежки нет. Теперь Андрей Викторович поднимется в квартиру, где его ждёт куратор Гришаева, а внизу Ткачёва будет ждать Вика. К ней присоединится Хмель с букетом цветов, и они будут изображать в подъезде разговор влюблённых. А ещё Ткачёв не сомневался, что где-то на крыше затаился Шмель с арсеналом. Это на случай отхода. Андрей Викторович вспомнил этого агента с полосатой черно-рыжей бородой. Как оказалось, Шмель ещё и мастер по изготовлению взрывных устройств различной мощности.

Дверь в квартиру открыла Ткачёву всё та же ухоженная дама, что и в его первый приход сюда.

— Заходите, — она от удивления моргнула. — Наверное, вас ждут.

Андрей Викторович прошёл в комнату и поздоровался с крупным мужчиной с пронзительно-добрым взглядом, сидевшим за круглым столом. В ответ получил приглашение присесть.

— Мы удивлены результатом вашей работы, и, полагаю, что есть нужда раскрыть карты, — мужчина ослабил узел на галстук. Он вёл разговор по правилам конспирации, не называя имён, что выдавало бывшего сотрудника КГБ. — Я представляю Службу Безопасности Президента и готов выслушать ваши пожелания. Вы выслушаете мои.

— Безусловно, — кивнул Ткачёв. — Структура, которая пока мне подконтрольна, может выполнять операции исключительно в целях безопасности страны. Операции в интересах

отдельных людей выполняться не будут. Это главный принцип нашей работы.

— Хм, — кашлянул куратор, — допустим. И как будет осуществляться связь?

— Только через посредника. Вы его знаете. Если за посредником будет наблюдение, то контакт с ним невозможен.

— Если наблюдение за посредником будет не с нашей стороны?

— Это легко проверить, но с нашей стороны физического контакта с посредником не будет. Все документы по операции будут передаваться через «почтовый ящик». «Хвост» за посредником будет жестко отсекается.

— Какой ещё есть вариант?

— Физический контакт только с первым лицом, но через посредника.

— Эка, вы хватили! — удивился куратор.

— Такой способ связи оправдан. О структуре должно знать всего два человека — первое лицо и посредник. В противном случае это не имеет смысла.

— И что тогда?

— Структура будет действовать на своё усмотрение. Не думаю, что это вызовет восторг.

— Н-да...

Куратор погладил правое ухо, сморщившись.

— Ну, допустим. Как вы будете принимать решение?

— У структуры есть специалисты, проводящие аналитическую работу. Посредник получит результат этой работы, и направит первому лицу. И тогда будет выноситься решение о проведении операции.

Куратор явно не поверил словам Ткачёва. Вернее, не поверил в то, что так может быть. Но...

— Вы согласны принять меня в качестве первого лица? Буду откровенен — я не могу доверить вашу структуру действующему...

— Я понимаю, — чинно кивнул Ткачёв. — Да. Пока не вижу оснований вам не доверять.

Куратор дёрнул бровями, тоже выражая удовлетворение беседой. Он достал из-под стола сумку и поставил на столешницу.

— Это то, что вы просили. Сколько вам нужно времени, чтобы подготовиться к стабильной работе?

— Не больше месяца. Есть организационные вопросы, требующие скорейшего разрешения. В течение пяти дней посредник получит индивидуальное средство связи.

— Месяц многовато, — нахмурился куратор. — Ускориться никак нельзя?

— Месяц — максимум. Подготовьте необходимые материалы и через пять дней передайте посреднику. Мы их рассмотрим и вернём на согласование. Согласитесь, что любая сложная операция требует тщательной проработки и подготовки.

— Времени мало! — не выдержал куратор.

— Его нет уже четыре года, — тихо сказал Ткачёв. — Если быть совсем точным, то тринадцать лет. Сейчас мы можем лишь что-то спасти, но изменить уже ничего не сможем.

— Согласен, — подумав, вздохнул куратор. — Вам ещё что-то нужно?

— Да. Два непрозрачных пакета и три минуты времени.

Ткачёв спускался по лестнице, держа в руках два пакета, весом по пять килограмм. Перед тем, как разложить деньги по пакетам, он проверил пачки на наличие пачкающей краски и наличие маячка слежения. Куратор одобрительно смотрел на его быстрые

действия.

Встретив Хмеля и Вику на первом этаже, они не стали выходить из подъезда, а прошли в подвал дома. Вход в подвал был под лестницей первого этажа — из бывшей комнаты дворника.

Петляя по подвалу, они остановились у маленькой двери. Вика достала кулёк из кармана и разложила его в небольшой рюкзак. Туда положила один из пакетов, отданный Хмелью, и с тоской посмотрела на Ткачёва.

— Через три дня я передам Хмелью посылку. Он её встретит, но без меня...

Она бросила взгляд на агента, и тот отошёл в тень.

— Прощай, Андрей, — Вика дотянулась губами до щеки Ткачёва. — Прощай... мой генерал.

Потом она развернулась и скрылась за маленькой дверью. Хмель подошёл к нему.

— Трогательно, Викторыч. Я чуть не заплакал. А, ты, оказывается, изрядный сердцеед. Вот что значит генеральская выправка, не то, что я. Давай выбираться на свет.

Они добрались до квартиры Виктории затемно. Проходя мимо своей квартиры, Ткачёв заметил, что волоска, прикрепленного к двери после ухода, нет.

— Не беспокойся, — сказал Хмель, когда услышал эту «новость», — я тщательно вытер все следы. Даже полы с хлоркой помыл. Теперь у тебя будет другое жилище, Викторыч. Кстати, Вика оставила тебе чемоданчик. Будешь овладевать навыками грима — завтра утром к нам зайдёт спец по обучению. Он тебя и загримирует на новый паспорт.

— И где же я буду жить?

— В Москве. Я куплю тебе две квартиры — одну на окраине, а другую — ближе к Лубянке. Потом ещё и третью приобретём — недалеко от Кремля. И составим тебе маршрут передвижения, чтобы ты мог всегда быть на связи. Каждый день будешь ходить пешком. На одной точке завтракать, на другой обедать, на третьей точке — ужинать. Зарядочка по утрам, грим, и далее по расписанию. Дачку тебе сделаем — шашлычки, баня, девочки...

— Какие девочки?!

Хмель рассмеялся.

— Живые, Андрей. И замечу — разные. А как ты хочешь аналитический центр маскировать? На даче будет жить привратник. Ухаживать за домом и бассейном. Короче, не парься! Всё продумаем до мелочей.

Ткачёв не очень понял агента, но подумал, что тот в таких вопросах гораздо опытнее.

— Ладно. Ждём до утра, а дальше?..

— Дальше? По плану, Андрей. Мы выводим тебя из «игры», помещая твоего двойника в больницу, в которой двойник благополучно уйдёт в мир иной. Ты же, пока поживешь здесь, никуда не вылезая. Шмель за тобой присмотрит, но на квартире его не будет. А когда от Вики придёт посылка, то я привезу тебе средство связи. Другой аппарат осторожно отдадим Гришаеву с инструкцией по пользованию. Отработаем передачу «посылок» от него... В общем, рутинная работа. Добро пожаловать, Викторыч, в мир тайных агентов! На кладбище поставим тебе памятник... Мраморный.

Хмель невесело усмехнулся.

— Вот, дожили! Никто и не предполагал, что придётся заниматься финансированием самих себя. Хорошо, что Вику этому обучили. Прямо, как знали, что будет капитализм.

— Думаешь, она справится?

— Надеюсь, — вздохнул Хмель. — Иначе хана нам полная. Будем наниматься в

«шестёрки» к своему Автондилу.

— С ним бы тоже поработать не мешало, — задумчиво заметил Ткачёв. — У него есть помощник — Чародей. Его бы прикормить...

— Сделаем, — кивнул агент. — Я тоже об этом думал. Много работы придётся делать через него. Да, и Автондил не вечен. Чародей на его месте будет нам хорошим подспорьем.

Джонатан Хэй был собой доволен — сделка по покупке Березовским «Сибнефти» не состоялась. Используя вражду Бориса Абрамовича с директором Омского НПЗ, который противился объединению под Сибирской нефтяной компанией, Березовского удалось скомпрометировать. Директора НПЗ нашли утонувшим в Иртыше, и его смерть свалили на происки Бориса Абрамовича. В итоге контрольный пакет акций вновь учреждённой «Сибнефти» отдали «Столичному банку сбережений» олигарха Смоленского и «Нефтяной финансовой компании» Березовского и его партнёра Романа Абрамовича, гарантируемых банком «Менатеп» Михаила Ходорковского. Причём, этот ушлый трейдер Абрамович, получивший блокирующий пакет, и не собирался, по информации Хэя, заниматься компанией. Главное, что Березовский не получил её полностью в свои руки.

Конечно, с англичанами пришлось немного повздорить, но что они могут, если базы НАТО на их острове практически везде. Промычали что-то недовольно и затихли. Правда, сотрудники «Би Пи» ещё суетятся, но пусть. Ходорковский под контролем, он сделает так, как нужно американцам.

Подумать только... Компанию, которая стоит минимум двадцать пять миллиардов долларов, взяли всего за сто миллионов! У русских просто крышу снесло, как они любят сами говорить. Хэй за последнее время за те же сто миллионов купил контрольные пакеты одиннадцати предприятий в России с капитализацией в двадцать два миллиарда. Дух захватывает!

И всё благодаря той информации из туалета...

Джонатан хмыкнул. А ведь два миллиона он так и не отправил. Ничего, обойдутся. Что они могут? За Явлинским присматривают и, судя по наблюдениям, никакой суеты вокруг него нет.

Стук в дверь отвлек Хэя от приятных размышлений.

— Сэр, к вам представитель Фонда Сороса. Он говорит, что это очень важно, — заявила секретарь.

Джонатан поморщился. Деньги Фонда, которые лежали в хранилище посольства США были не столь велики — всего восемнадцать миллионов. Из них Хэй уже забрал себе три для оперативных нужд.

— Пусть зайдёт, — разрешил Джонатан, нацепив на лицо улыбку.

Секретарь посторонилась, и в кабинет зашла морщинистая дама лет семидесяти, если не больше, одетая на манер английской королевы.

— Я слушаю вас, мэм, — предложил ей стул Джонатан. — Чай?

— Благодарю, — сказала дама, усаживаясь. — Не сейчас. Меня зовут Элеонор Спэнсер. Мне доверено обсудить с вами ряд вопросов. Приватно.

Хэй взмахом ладони дал понять секретарю, чтобы закрыли дверь.

— Ко мне никого не пускать до окончания разговора, — и изобразил на лице самую любезную улыбку, повернувшись к посетительнице.

— Мистер Хэй, — деловито начала та, не замечая любезного оскала Джонатана. — Мы знаем, что у вас спрятано восемнадцать миллионов, и что вы их спрятали по распоряжению

своего руководства. Я предлагаю вам вернуть их, и немедленно.

Он попытался возразить, но Элеонор решительным жестом заставила его промолчать.

— Мистер, Хэй, послушайте. Эти средства предназначались для поддержки правительства Республики Ичкерия. И они очень недовольны задержкой. Насколько я знаю, ваших интересов и интересов вашего шефа в Ичкерии нет, зато есть интересы английской королевы.

— Но, мэм!..

— Мистер, Хэй, повторю. Средства предназначались для Ичкерии. Да, они доставляются туда с помощью Бориса Березовского...

— Простите, мэм, но у меня была информация, что Березовский решил использовать их иначе. Я всего лишь перестраховался.

— Да, и ваша перестраховка дорого стоила английской королеве, — Спенсер уже второй раз упомянула британскую корону, что Хэя насторожило. Элеонор же достала из сумочки конверт, вынула из него фотографии. — Здесь факты того, что ваш помощник непосредственно влияет на сделку по «Сибнефти».

На фото был изображён Гарри и директор Омского НПЗ. И телохранитель Хэя явно не дружелюбно общался с директором.

— Этот факт, — продолжала Спенсер, — подкреплён тем, как вы получали информацию. У нас есть запись вашего разговора в туалете с источником информации. И фото, кстати, тоже. Подрыв вашей машины, опять же, после данной встречи...

— Достаточно, — нахмурился Джонатан. — Можете присылать людей за деньгами.

— Машина с курьером у ворот вашего посольства, мистер Хэй. Вот номер машины, — она протянула ему фотографию машины и курьера. — Распорядитесь, чтобы деньги отдали немедленно. Я дождусь подтверждения от курьера.

Джонатан с большим неудовольствием позвонил в посольство и попросил отнести сумки с деньгами к машине англичан. Буквально через три минуты раздался звонок, и Спенсер вынула из сумочки трубку мобильного телефона. Молча выслушала, и сказала:

— Мистер Хэй, не хватает трех миллионов. Я не буду спрашивать, где недостающая сумма, но вы будете должны мне пять миллионов. Два я заплатила за вас человеку, который принёс мне фотографии и запись разговора в туалете. Эти два миллиона вы обещали отправить на счёт, номер которого записан на лейбле нижнего белья. Не так ли?

Джонатан скрипнул зубами.

— Так вот, — Элеонор мило улыбнулась, — ваш счёт в «Барклайс Банк» заблокирован. Все вопросы вашего шефа по разблокированию счёта, я буду направлять к вам. Или... мы можем договориться прямо сейчас. Я вам фото и запись, вы мне пять миллионов.

Хэй готов был провалиться под стол. Счёт в «Барклайс Банке» был открыт под комбинации с русскими, чтобы не таскать деньги бортами из Америки. С этого же счёта финансировались различные неправительственные организации и физические лица, нужные шефу Джонатана. Вопросы от шефа сейчас были Хэю крайне не нужны.

— Говорите, на какой счёт переслать деньги, мэм...

Когда с долгом было покончено, Спенсер звонком разблокировала средства в «Барклайс Банке» и, поднявшись, сказала:

— Совет, мистер Хэй, если позволите.

Джонатан вяло махнул ладонью, разрешая.

— Будьте осторожны с теми людьми, с кем познакомились хм... в туалете ресторана

«Савой». Мы навели кое-какие справки и выяснили, что в их рядах профи совершенно новой формации. Не стоит пренебрегать ими. Они позволили вам протолкнуть Соглашение о разделе продукции лишь по одной причине — я им заплатила то, что обещали вы.

Джонатан тоже поднялся.

— Что значит «позволили», мэм?

— Английская королева тоже заинтересована в этом соглашении, мистер Хэй. Но мне утром дали понять, что соглашения не будет. Так же не будет и вас, и Явлинского, и Березовского. На русских мне наплевать, но с вашим шефом у меня прекрасные деловые связи. Мне не хотелось их прерывать в связи с вашей смертью. Когда мне показали кадры подрыва вашей машины, то я ни секунды не сомневалась в намерении тех людей. И благодарите Бога за то, что этим людям нужны были деньги, а не вы.

Джонатан надменно сжал губы и процедил:

— Никуда они не денутся. Я их найду и уничтожу.

Спенсер повела плечом.

— Вы, мистер Хэй, слишком самоуверенны. И узнали русских только с одной стороны. Не пренебрегайте моим советом.

Она бросила на стол конверт с фотографиями и диктофон. Кивнув Джонатану, ушла. Хэй судорожно схватил конверт и диктофон, бросил в ящик своего рабочего стола. Закрыл его на ключ. Потом долго смотрел в окно, кусая ногти.

Хмель появился неожиданно. Ткачёв не слышал ни его шагов, ни звука открываемой двери.

— Привет от Хмеля, Викторыч...

Ткачёв выронил бутерброд, который собирался съесть.

— Ты меня до инфаркта доведёшь...

Сказал, отряхивая пальцы от хлебных крошек.

— Не сердись, Андрей, — улыбнулся агент, проходя на кухню. — Собирайся. Поедем на твою новую квартиру. А вот и твои новые документы, как ты и хотел...

— Я не хотел — меня заставили, — пошутил Ткачёв, рассматривая паспорт на имя Ивана Ивановича Кузнецова. — Какие новости?

Хмель уселся за стол, схватился за чай и нарезанные бутерброды, сделанные себе на завтрак Андреем Викторовичем.

— Вика передала нам посылку. Это раз. Второе — нам перечислили деньги. Но не американец, а представитель «МИБ». Старушка Спенсер оказалась понятлива, правда, чуть-чуть упряма.

— Спенсер?! — удивился Ткачёв. — Я не помню такой.

— А ты её не знаешь, — с набитым ртом объяснил Хмель. — Двадцать лет назад мне её показывал генерал Трефилов, когда был моим куратором. Сейчас она представляет Фонд Сороса, и я удачно проник на её встречу с Березовским. Ну, и предъявил ей факты, от которых она была без ума. Так что, Вика работает в полную силу. Месяц, и у нас будет своё финансирование. Потом она, возможно, вернётся обратно. Кстати, сегодня переезжаем, а завтра передавай Гришаеву средство связи.

Он вытер руки и вынул из кармана два небольших телефона с откидной толстой антенной.

— Это спутниковые аппараты. Засечь их чрезвычайно сложно. А ещё Вика передала тебе «глушилки» от прослушивания и кое-что на словах...

— Что?!

— Эй, легче, престарелый Ромео! — усмехнулся агент. — Имей терпение. В общем, напомнила о тех четырёх агентах... Это нужно срочно, Андрей. Сейчас Шмель подыскивает тебе квартирку близ Лубянки. Мне же срочно надо искать базу для подготовки будущих агентов или вербовать действующих сотрудников. Но на них денег не напасёшься... Как думаешь?

— Тех четырёх я найду, Хмель. А вот готовить нужно новых. Действующих мы в тёмную можем использовать.

— Прав ты. Давай, заканчивай завтрак и собирайся. Тебе ещё сегодня с гримёром работать.

Гримёром оказался старый еврей Илья Абрамович Хуль, почти всю свою сознательную жизнь отдавший службе в КГБ. Его прятали на одной из баз подготовки агентов, и во всех документах он фигурировал под псевдонимом «Цирюльник». Куратор, ещё в начале пятидесятых выловивший молодого Илью в кабаках Одессы, уничтожил все данные о нём, и российский паспорт Хуль получал с помощью Хмеля. Агент и помог Илье Абрамовичу прикупить в собственность небольшую парикмахерскую с крохотной квартиркой на втором

этаже.

Илья Абрамович не раз выручал Хмеля, поскольку вход в парикмахерскую был с улицы, а вход в подъезд — со стороны двора. Лестница на второй этаж в заведении Хуля была замаскирована, и каждый день Илья Абрамович приходил на работу, заходя с улицы.

— Я люблю свою страну! — пафосно заявлял Хуль. — Советская власть дала мне всё! Где бы я был, если бы не она?! Проклятый капитализм отобрал у меня спокойствие и уверенность в завтрашнем дне! Я вынужден стричь клиентам волосы, обсыпанные перхотью из-за нервов! А сала на них столько, что не помогает даже дегтярное мыло! Нервы и крайнее беспокойство — вот что такое капитализм!

Хуль лукавил. Обучая агентов КГБ приёмам быстрого грима, он учился у них другим приёмам, потом успешно их применял, чтобы не умереть с голоду, и, как ни странно, был предан КГБ всей душой, как к родной матери, которую никогда не знал и не видел.

В общем, когда Хмель нашёл Илью Абрамовича, то тот не задумываясь, согласился с ним работать.

— Хуль никогда не даст отрубить кормящую руку! И никогда не продаст себя проклятым капиталистам!

А уж гримёром он был экстра-класса. Как-то, Леониду Ильичу Брежневу понадобился двойник, и Илья Абрамович сделал такой грим, что жена Леонида Ильича не смогла отличить двойника от оригинала и упала в обморок.

Оглядев Ткачёва, Хуль удовлетворённо кивнул:

— Прекрасная фактура. Только коротко отрезать волосы под парики. И кожа отменная, на ней любой грим ляжет, как родной. Давайте я из вас сделаю американского президента, а настоящего мы украдём? Кстати, телосложением вы тоже подходите.

— Я не говорю по-английски, — возразил Ткачёв.

— Так заставьте их говорить по-русски!

— Хорошая идея! — поддержал гримёра Хмель. — Тем более Билл Клинтон обещал приехать на парад в честь пятидесятилетия Победы. Мы быстренько махнём вас местами.

— Да идите вы! — махнул рукой Ткачёв.

Евгений Арсеньевич выходя на улицу, подумал, что бывший генерал Ткачёв его обманул. Хотя, почти три недели назад, Гришаев ездил на кладбище и смотрел гранитный памятник на могиле Андрея Викторовича. Правда, без фотографии.

Если не обманул, тогда почему никаким образом не даёт о себе знать? Куратор Гришаева сегодня довольно резко высказался по этому поводу. Неужели Ткачёв, взяв миллион, просто скрылся в неизвестном направлении?

Евгений Арсеньевич был настолько занят своими мыслями, что не заметил, как девушка, сидевшая рядом с ним в вагоне метрополитена, уступила место старику с палочкой. Гришаев почувствовал запах старого человека, и поморщился. Даже немного отодвинулся.

— Простите, — прощамкал старик беззубым ртом, обращаясь к Гришаеву. — Вы не выходите на «Сокольниках»?

— Выхожу. А что?

— Не поможете мне тоже выйти? Я к внучке еду, а в этом метро боюсь заблудиться.

Евгений Арсеньевич вздохнул — только старика сейчас не хватало.

— Помогу...

— Шпасибо! — старик величественно скрестил ладони на палке и выпрямил спину, положив на колени авоську.

На станции Гришаев вывел старика на улицу, и хотел было поскорее расстаться с ним, но дед цепко держал полковника за рукав пальто.

— Не побрезгуй, мил человек, — он достал из авоськи небольшой сверток из бумаги. — Возьми в подарок.

Евгений Арсеньевич хотел решительно отказаться, но старик настоял.

— Не обижай, я же от души...

Гришаев кивнул и пошёл домой. По дороге хотел выкинуть «подарок» в урну, но чутьё подсказало ему, что нужно сначала посмотреть — что внутри свёртка. Зайдя в подъезд, полковник развернул бумагу и увидел небольшой аппарат с толстой антенной. Ещё внутри лежала записка, оказавшаяся инструкцией. Печатными буквами было написано, что следует поднять антенну, и нажать на зелёную кнопку вызова. Внутри свёртка была ещё коробочка. Как поясняла инструкция — это был аппарат для защиты от прослушивания. И ещё два отдельных блока для зарядки.

Гришаев радостно улыбнулся, потом посмотрел по сторонам и шустро забежал в свою квартиру. Бумагу и инструкции тут же сжёг в унитазе. Вымыл руки и ещё какое-то время сидел в темноте на кухне, рассматривая необычные вещи.

Собрался с духом и, следуя инструкции, включил «антипрослушку». На коробочке загорелась крохотная красная лампочка. Задернув шторы на окне, поднял антенну телефона и нажал зелёную кнопку. Раздалось короткое пиликанье, а затем голос Ткачёва:

— Добрый вечер, Жень. Я понимаю, что ты получил посылку.

— Да, — вздохнул облегченно Гришаев. — И как теперь вас называть?

— Иван Иванович. Ты инструкции внимательно прочитал?

— Да.

— Хорошо. Время разговоров не больше трех минут. Куратору можешь доложить, что мы готовы к работе. И ещё... какое-то время ты будешь без прикрытия, так что будь очень осторожен. Предельно.

— Понял. Отбой.

За ночь и за утро, Гришаев унял возникшие, было, эмоции, и к куратору заходил спокойный и чуть расслабленный.

— Что случилось, полковник?

Евгений Арсеньевич вынул из кармана пиджака «глушилку» и нажал кнопку.

— Мне передали средство связи. Они готовы к работе.

— Я вижу, — улыбнулся куратор. — Наконец-то. А то я уже и отчаялся. Передайте, что мне срочно нужна личная встреча.

— Когда?

— Сегодня. В шесть вечера.

Полковнику с трудом удалось найти место, с которого он смог бы позвонить Ткачёву, оставшись в одиночестве. Отдельного кабинета у него не было, в здании подходящих мест тоже не было, и, вообще, он осознавал свою ошибку. Вместо того чтобы искать надёжные места для контакта, он посвятил время бесполезным рефлексиям, усомнившись в Андрее Викторовиче. И ещё он хорошо понимал, что как посредник он очень уязвим — он знает в лицо бывшего генерала, а это может поставить под удар всю структуру. Хотя... Ткачёв покоится на кладбище, и, наверняка, сумел изменить внешность. А больше он ничего и не знает, кроме того, что теперь бывшего генерала зовут Иван Иванович.

На случай захвата Гришаева некими злоумышленниками, он должен при них позвонить

и назвать по имени. Мол, Иван Иванович, с вами хотят поговорить, встретиться и так далее. Это будет означать, что Гришаев разговаривает под контролем. И «Иван Иванович» уже будет далее действовать на своё усмотрение. Но западные спецы так, в наглую, его хватать не будут, они будут следить, высчитывать точки контакта и прочие вещи, чтобы выйти напрямую на Ткачёва. А Андрей Викторович обещал прикрытие в скором будущем. Так что, Гришаеву надо лучше продумать места точек выхода на контакт и всё.

— Запрос на личную встречу сегодня в шесть вечера, — сказал в трубку Гришаев, приехав на такси к себе домой и, включив «глушилку».

— Принято, — отозвался Ткачёв.

Евгений Арсеньевич взял пустую папку и выскочил на улицу, сделав вид, что спешит обратно. Он даже бормотал громко, что осёл, раз забыл дома копии газетных вырезок, так нужных ему для работы.

И всё же... Неким необъяснимым шестым чувством Гришаев понял, что за ним наблюдают. И делают это очень профессионально.

В шесть вечера заgrimированный Ткачёв сидел за столом напротив куратора.

— Я бы предпочёл свести наши личные встречи к минимуму, — сказал Андрей Викторович. — Они требуют дополнительной подготовки и рискованны.

— Я понимаю, — кивнул куратор. — Но дело срочное и довольно сложное. Есть информация, что в мае к нам собирается делегация из США, и, возможно, будет президент Клинтон...

Ткачёв слушал молча, не перебивая, хотя эта информация уже ходила в виде слухов.

— Наш президент хочет объявить на это время мораторий на военные действия в Чечне. Это ударит по нашим военным действиям и позволит боевикам скрыться, но дело в том, что Березовский, проталкивая этот мораторий, хочет преподнести нашему президенту некий важный документ. Этот документ, по непроверенной информации, разрабатывался довольно долгое время в кабинетах ЦРУ и Пентагона. И вскоре должен появиться у Березовского. А тот понесёт его президенту. И очень похоже, что Клинтон приезжает к нам, чтобы забрать этот документ подписанным с двух сторон. А подписываться он будет в приватной беседе.

— Допустим, что они подписали. Но, если это будет некий серьёзный договор, то его должна ратифицировать Дума, Совет Федераций и Федеральное Собрание.

— Да, но процедура ратификации не закреплена законодательно. Вернее, те положения, что подлежат обязательному рассмотрению всеми палатами нашего парламента. То есть, подписывая соглашение, наш президент тут же его ратифицирует.

— Понятно. И что вас настораживает?

— Мы не знаем текста соглашения. И не знаем, когда оно будет передано Березовскому. А то, что его разрабатывал Пентагон с ЦРУ, можно предположить...

— Что это будет разоружение в одностороннем порядке, — догадался Ткачёв. — И касается это нашего ядерного вооружения.

— Так точно. И Америка становится единственной владелицей ядерного «кулака». По некоторым отрывкам, которые сумели достать с огромными трудностями и потерями, мы оценили возможный текст документа.

Андрей Викторович крепко задумался. Если неподписанный документ так тщательно охраняется, то представляет собой «бомбу». И взорвать её недопустимо.

— Что предлагаете вы? — Ткачёв внимательно взглянул на куратора.

— Если честно, то в моём распоряжении нет сил, способных помешать этому. Кроме

вас. Ключевые должности около нашего президента занимают люди, полностью подконтрольные Западу и Америке.

— А наша СВР (Служба Внешней Разведки) чем-то сможет помочь?

— Они сами себе помочь не могут...

— Ладно, — Ткачёв поднялся. — Я принял задачу. Встретимся через два дня в то же время.

Андрей Викторович хотел позвонить Хмелью, зайдя в квартиру, но агент уже сидел в комнате, пил чай и смотрел новости по телевизору.

— Не думал я, что так всё запущено, — сказал Хмель, выслушав Ткачёва. — У нас тоже неприятности. Шмель выявил наружку за Гришаевым. Ладно, если бы это были иностранцы, а то ведь наши, Викторыч! Бывшие спецы из КГБ. Работают очень аккуратно.

— А с ними можно поговорить?

Хмель хохотнул.

— Да, легко. Хоть сейчас. Двое сидят в машине недалеко от дома нашего посредника.

— Тогда поехали...

— Угу.

По дороге Хмель позвонил и сказал Шмелью, чтобы тот брал «топтунов» без шума и пыли. И когда они подъехали к дому Гришаева, то два человека из «наружки» тихо сидели в своей машине связанные и с кляпами во рту.

— Ну, добрый вечер, славяне, — поздоровался Ткачёв, залезая на пассажирское кресло рядом с водительским, и кивая Шмелью. — Давай по порядку. Сначала один, а потом второй.

Шмель вынул кляп изо рта крепкого мужика лет сорока.

— Кто инициатор наблюдения? — обратился к нему Ткачёв.

Мужик только сплюнул на коврик под ноги. Андрей Викторович понял, что с этим мужиком разговор будет муторным и долгим. Поэтому, скрипя сердцем, попросил Шмеля заткнуть мужику рот, а после того, как агент сделал это, попросил оружие. Шмель подал ему пистолет с глушителем.

— Распаковывай другого, — Ткачёв показал на второго мужчину — довольно молодого и с испугом наблюдавшего за происходящим в тесноте машины.

— Тебя как зовут? — Андрей Викторович медленно взвёл курок.

— Сергей, — промямлил в ответ молодой «топтун».

— Вот что, Сережа. Давай, по-чесноку. Зачем вы здесь с напарником, кто инициатор, частота передачи информации... ну, не мне тебя учить.

Напарник Сергея вдруг громко замычал и толкнул его в плечо, тараша глаза. Ткачёв, не задумываясь, выстрелил ему в колено и, сорвав чехол на своём сидении, бросил раненному на ноги. Цилиндр глушителя приставил ему ко лбу.

— Ещё раз дёрнешься...

Тот тихо выл, откинувшись на спинку сидения.

— Серёжа, мне повторить вопрос?

— Я... Мне Витька предложил заработать. Я согласился. Мы наблюдаем за человеком, фото которого у Витьки в кармане...

Он замолчал в этот момент. Его напарник дернулся и попытался ударить его головой. Ткачёв среагировал не сразу, но не выстрелил, а вдавил глушитель в раненное колено. Витька сильно вскрикнул и потерял сознание, не успев, как следует ударить Сергея.

— Продолжай, Серёжа, — цилиндр глушителя перекочевал ему ко лбу. — Мне очень не

хочется тебя убивать.

— Я не знаю инициатора, а на связь с ним Витька выходил по надобности.

Ткачёв отвёл глушитель, присмотрелся к парню.

— Тебя когда уволили из КГБ?

— В девяносто первом. В конце декабря, прямо под новый год.

— В каком управлении служил?

— В пятом. Я и послужил-то всего три года...

— В пятом?! — Ткачёв призадумался. Парень прослужил три года в политической контрразведке и явно не был «слит» западным спецслужбам. Иначе, его бы не взяли в «топтуны». И агрессия против него его же напарника, тоже это подтверждала.

— Вот что, Сережа, зови сюда инициатора. Скажи, что к объекту пришли люди... четверо. Всех отследить нет возможности. И это явно не друзья для преферанса. Скажи, что... у двоих сумки. Чего застыл? Бери у Витьки телефон и звони. А напарника твоего мь заберём — скажешь, что он на этаже, или у подъезда.

Шмель разрезал путы ему на руках и, достав из куртки напарника телефон, кинул на колени. Ткачёв пригрозил пистолетом на всякий случай.

Сергей, косясь на глушитель, позвонил и довольно твёрдо сказал то, что ему велел Андрей Викторович.

— Инициатор будет через полчаса с группой поддержки, — парень вздохнул. — Сказал, что от машины никуда не уходить. Если будут расходиться, то немедленно сообщить ему.

— Вот и хорошо...

Шмель остался у машины «топтунов», а Андрей Викторович отволок Виктора в машину Хмеля, прикрыв ему голову капюшоном его же куртки.

К стоянке подъехали две машины.

— А вот и кавалерия, — проговорил Хмель, доставая небольшой короткоствольный автомат, чем удивил Ткачёва. — Как думаешь, инициатор пойдёт один к машине этого Витьки?

— Думаю, да. Ему нет резона светить перед остальными главную задачу.

— Тогда твой выход, — усмехнулся Хмель.

Они не называли друг друга по имени, ибо сзади лежал на сидении связанный «топтун» Виктор. Ткачёв грубо перевязал ему колено, и тот тихо стонал сквозь кляп.

Как и говорил Ткачёв, к машине «топтунов» направился только один человек — высокий мужчина в коротком пуховике. Андрей Викторович чуть выждал и направился следом. Он был уверен, что у всей этой ватаги «топтунов» оружия нет. Оно им без надобности. Их оружие ноги и глаза. Может быть, ещё и фото или видео-камера.

Высокий подошёл к машине Виктора и сел на переднее сидение. Ткачёв ускорил шаг, и сел на заднее...

Шмель «держал» под дулами пистолетов обоих «топтунов», приставив глушители к затылкам.

— Сергей, выйди из машины, пожалуйста, — попросил Ткачёв. — Только далеко не уходи, — и когда парень вышел, то обратился к высокому мужику, трясшемуся от страха. — Ну, а вы, милейший, представьтесь.

Шмель тоже вышел, чтобы присмотреть за Сергеем, да и за обстановкой — кто знает, что надумают приехавшие на двух машинах «топтуны». Но, наверняка, их немного, да и Хмель должен был объяснить им создавшийся расклад.

— Федосеенко, — сказал высокий, — майор КГБ... в отставке.

— И зачем тебе, майор Федосеенко, понадобилось наблюдать за полковником Службы Безопасности Президента?

Бывший майор вздрогнул. Он понял, что попал в жуткий переплёт, ибо СПб — это служба, обладающая в данный момент объективной реальности исключительными полномочиями и большими возможностями.

— Поступил заказ... Я не знал, — попытался оправдаться он.

— Где ты нашёл людей для этой работы?

— Остались связи с бывшими коллегами. Они порекомендовали. Жить-то как-то надо... семью кормить.

— От кого поступил заказ? — Ткачёв понял, что «топтунов» использовали в тёмную, тупо за деньги. Только почему Виктор оказался такой несговорчивый?

— Витька Хромченко дал наводку. Он заказчиков знает лично. Я только координировал работу... Подбирал людей по опытней.

— Про Сергея не скажешь, что он опытный.

— Я ему предложил. У него двое детей малых. Кормить-то их чем...

Ткачёв убрал пистолет, и Федосеенко сделал попытку обернуться.

— Смотри прямо, майор! — прикрикнул Андрей Викторович. — И не дёргайся! Сколько у тебя людей и сколько тебе обещали за работу?

— Со мной приехали ещё трое. Витька обещал сто баксов в день.

— Каждому?

Бывший майор усмехнулся.

— На всех остальных, кроме него. Хоть что-то. Он машины нашёл, аппаратуру, деньги на бензин.

— Что успели накопать?

— Ничего особенного. Некоторые разговоры вообще не получилось прослушать — треск какой-то.

— Слушай, майор, — задумчиво сказал Андрей Викторович. — А ты с заказчиками встречался? И как этот Витька на тебя вышел?

— Мы с Витькой давно знакомы. Он в шестом управлении работал — экономическом. Связи имел неплохие ещё до развала союза. Я в седьмом служил... наружное наблюдение. По заданиям шестого управления и работал... А заказчиков я мельком видел. С ними только Витька общался.

— С заказчиками? Их было несколько?

— Двое. Явно иностранцы, хоть и косили под наших.

Ткачёв немного помолчал, раздумывая, потом достал из кармана несколько сотенных купюр американских долларов.

— Возьми, Федосеенко, и раздели между людьми, — он протянул деньги бывшему майору. — Номер своего телефона запиши мне. О Витьке забудь. Машины поставьте туда, где взяли. Пальчики свои сотрите тщательно. Очень тщательно.

Федосеенко будто не верил своим глазам, глядя на протянутые доллары. Осторожно взял их, медленно пересчитал. Потом достал блокнот и записал номер телефона, протянул Ткачёву.

— Кто может позвонить?

— Скажет, что от Ивана Ивановича и назначит встречу. Минус три часа от назначенного времени. Иди, с Серёгой я сам разберусь.

Федосеенко кивнул и неловко выбрался из машины. Торопливо направился к своим друзьям, стоявшим кучкой возле одной из машин.

Сергею, севшему обратно на место водителя, Ткачёв протянул триста долларов.

— Накорми детей, парень. Оставь ключ в замке зажигания и двигай домой, а по дороге хорошенько подумай, что тебе надо по жизни. Ты же офицер госбезопасности, пусть и бывший. Присягу давал — служить Отчизне. Вот и подумай. А когда что-то надумаешь, то подойдёшь к фигуранту, будто невзначай, и скажешь — я от Ивана Ивановича. Если к тебе кто-то подойдёт и спросит про сегодняшнее «мероприятие», то ты ничего не знаешь и не видел. Витька позвал, потом куда-то делся, ну, ты и поехал домой. Понял?

— Да, — парень взял доллары с какой-то тоской в глазах, и отдал Витькин телефон Ткачёву.

— Иди, Сергей, и подумай...

— Что же, ты — Витька Хромченко, проданся иностранцам? — насмешливо спросил Ткачёв, едва машины заехали в подмосковный лес и остановились на тёмной опушке. — Тебе чего не хватало-то?

Шмель сел рядом с «пленником» и освободил ему рот, а Хмель глядел на Хромченко через зеркало заднего вида, нахмурившись.

— Да пошли вы, — простонал Витька, затравленно поглядывая на троицу странных мужиков.

— А ты чего такой смелый? — вдруг спросил Хмель. — У тебя чего, девять жизней, как у кошки? С тобой вежливо разговаривают, а ты, как бык. Или ты думаешь, что тебя кто-то спасёт? Напрасно...

— Ты же бывший офицер, Хромченко, — давил на него Ткачёв. — Ведь должен понимать...

— Да кто вы такие?! — стонал Витька. — Чего надо?

— Кто тебе поручил следить за полковником СПб? — сформулировал вопрос Ткачёв. — И для чего? Денежный вопрос нас не интересует. Хочешь, мы тебе заплатим?

Он достал початую пачку долларов, потряс ей перед лицом Хромченко. Тот взглянул на неё зачарованно, как змея на флейту факира.

— Его зовут Джонатан Хэй, — Витька неотрывно следил за раскачивающейся пачкой. — А его помощника и телохранителя Гарри Гудроу. Они сказали, что их кто-то обманул на кругленькую сумму, и, возможно, фигурант к этому причастен. Мы должны были зафиксировать все контакты фигуранта.

— И получилось?

— Не очень, — Хромченко поморщился то ли от досады, то ли от боли. — Фигурант умело конспирируется.

Ткачёв усмехнулся и вложил доллары в карман куртки Хромченко. Тот даже остолбенел.

— График выхода на связь с заказчиками? — продолжал спрашивать Андрей Викторович.

— Десять утра каждый день.

Ткачёв подумал и приказал:

— Звони заказчику и скажи, что фигурант встречается с кем-то завтра в девять утра. Речь идёт о крупной сумме из иностранного банка. Встреча состоится у придорожного кафе на тридцать первом километре Рязанского шоссе. И добавь, что фигурант слезку срисовал и будет вооружен и очень опасен, — Андрей Викторович кинул Шмелью телефон Хромченко. — Только руки ему пока не развязывай.

Хромченко сказал номер, Шмель набрал и приложил телефон к уху Витька. Хмель приставил к его лбу цилиндр глушителя.

— Что-то скажешь не так, и в башке будет дырка...

Витька немного сбивчиво, но твердо повторил Хэю слова Ткачёва.

— Дэммет! — выругался Хэй, услышав про невозможность «вести» далее фигуранта. — Найди мне хотя бы пару крепких парней. Я заплачу! И пусть в девять будут около кафе.

Хмель надавил на лоб Хромченко глушителем и кивком головы показал на его карман с деньгами.

— А мой гонорар за работу? — требовательно выговорил Витька в телефон.

— После кафе я тебе позвоню, — ответил Хэй и отключил связь.

Ткачёв дружелюбно взглянул на Хромченко. Тот будто чего-то ждал.

— Всё, Витёк. Ты можешь идти к своей машине. Мы же не звери! — Андрей Викторович кивнул Шмелью. — Проводи...

Шмель плотоядно улыбнулся и толкнул Хромченко к выходу. Дверь машины за ними закрылась.

— Викторыч, ты бы хоть баксы забрал, — с унынием заметил Хмель, провожая парочку взглядом.

Шмель довёл Витька до его машины, усадил, потом резко ударил в голову. Развязал потерявшему сознание Хромченко руки и вернулся обратно. На вопросительный взгляд Хмеля ответил бесстрастно:

— Да пусть баксы его согреют. Поехали отсюда.

Когда Хмель отъехал метров сто от опушки, Шмель вынул небольшой пульт и нажал кнопку. Машина Хромченко подернулась дымом, а потом загорелась ярким пламенем...

— Как же так? — нахмурился Ткачёв, оглянувшись на огонь. — Как нас довели до такого?! Шесть тысяч долларов сделали из бывшего офицера КГБ сначала раба, а потом факел. Ладно, этот Хромченко, но другие ведь тоже смотрели на деньги, как зачарованные.

— Они просто не знают, как перетерпеть трудности, — вдруг сказал всегда немногословный Шмель. — Не приучены. Растерялись.

Ткачёв молча согласился с ним.

Слишком многое обещали людям, а как ждать обещанное, и сколько ждать — не сказали, и не научили. При этом показушно извратили все смыслы дефицитом, несправедливостью распределения и жаждой власти. Вот народ и не вступился, когда пробил час. Да и за кого вступаться-то? Разогнали всех по домам и сказали — выживайте.

Ткачёв достал спутниковый аппарат. Набрал номер Гришаева.

— Хвост за тобой отрубили, но ты нужен в завтра в девять утра. В восемь вызови такси и поезжай в кафе на тридцать первом километре Рязанского шоссе. Зайдёшь внутрь и сядешь так, чтобы тебя не было видно с улицы.

— А ты не сильно рискуешь, Андрей? — спросил Хмель, когда Ткачёв выключил телефон. — Не перехватят нашего посредника по дороге?

— А зачем? — дёрнул плечом Ткачёв. — Ну, перехватят, и что? У него в кармане телефон, «глушилка» и удостоверение сотрудника СБП. Допустим, позвонят мне. Я поговорю.

— Интересно, как они вышли на него, — Хмель крутил руль, выезжая на МКАД.

— Просто. Гришаев много раз заходил в кабинет куратора. Учитывая, что только куратор мог доставить неприятности, логично предположить, что через Гришаева были задействованы неизвестные люди. И американец решил их вычислить с помощью Хромченко.

— Андрей, а зачем тебе нужна встреча с ним? Как это может помочь нашей главной задаче?

— Остановись ненадолго, — попросил Ткачёв, и когда Хмель припарковался на обочине, ответил. — Если честно, то я импровизирую. Допустим, что мы запишем встречу Хэя с Гришаевым. И это будет материалом для шантажа.

Хмель отрицательно покачал головой.

— Не думаю, что Хэй посвящён в детали предстоящей операции. Не того полёта птица. Тут задействован кто-то другой — более высокий по рангу. И выход у него на ближайшее окружение нашего президента. Но это явно американец.

— Не факт, — подал голос Шмель с заднего сидения. — Это может быть и англичанин, и немец.

— А он прав, — Ткачёв потёр пальцами виски. — Может быть, нам Хэя завербовать?

— Это как-то поможет? — засомневался Хмель.

— Не знаю, — протянул Андрей Викторович. — Информации мало. Её практически нет. Аналитики тоже нет. Есть только вводные.

Они помолчали, и Ткачёв, подумав, предложил вариант:

— Нам нужны доказательства того, что договор об уничтожении ядерного потенциала — односторонний. Что американцы хотят обмануть нашего президента и наложить лапу на нашу ядерную промышленность.

— Допустим, мы найдём такие доказательства, — Хмель приоткрыл окно. — Как мы их донесём до президента?

— Думаю, наш куратор способен это сделать, — нахмурился Ткачёв. — Иначе, зачем нам предлагать такую работу?

— Нет, Андрей, — Хмель сплюнул в снег и закрыл окно. — Его не допустят до президента.

— Факт, — согласился молчавший Шмель. — Его и сейчас не пускают.

Ткачёв вынужден был согласиться. Куратор говорил о срыве подписания договора именно силами структуры Андрея Викторовича.

— И что же делать?! — недоумевал он.

— Мы можем постараться сорвать визит американского президента в Россию, — сказал Шмель, и Ткачёв удивленно на него обернулся. — Это будет, как запасной, вернее, страховочный вариант. И вот это, как раз, можно сделать через вашего Хэя.

— Неожиданно, — тоже удивился Хмель такому предложению. — И как ты думаешь это сделать?

— Просто. Подкинуть ему информацию о покушении во время визита.

— Тогда нашего направят в Америку на подписание...

— Стоп, стоп, стоп, — затараторил Ткачёв. — Комбинация тут будет многоходовая, но визит американца нужно сорвать, во что бы то ни стало. И пока наш будет собираться в Америку, убедить его в том, что договор подписывать не нужно. А ещё!.. Протолкнуть подписание законопроекта о том, что ратификация таких договоров возможна только с одобрения всех палат парламента и Федерального Собрания.

— Ну, ты силён! — восхитился Хмель.

— А мне нравится, — сказал Шмель. — С нашими депутатами работать просто и безопасно. На них и компромат добыть проще пареной репы — всё же на виду, только зафиксировать.

— Закон всё равно подписывается президентом, — попытался возразить Ткачёв, но Шмель уверенно сказал:

— Тогда будем встречаться с ним!

И, увидев вытаращенные от удивления глаза Хмеля и Ткачёва, тихо проговорил:

— А что? У нас же есть куратор из его службы безопасности. Пусть думает...

И тут Ткачёв победно улыбнулся.

— У нас есть гримёр. Останется только узнать расписание встреч президента...

— И выкрасть нужного визитёра, — закончил Хмель. — А вместо него послать Викторыча. Авантюра! Но как предварительный план — сойдёт.

Шмеля высадили у станции метро, и тот проворно юркнул в подземку. Ткачёв и Хмель приехали на квартиру в спальном районе столицы, купленную для структуры совсем недавно.

— Что-то я немного устал, — пожаловался Ткачёв, заходя на кухню.

— Это с непривычки, — усмехнулся Хмель. — Ты давно не работал в таком темпе. Вот закончим операцию, и я тебя отвезу на месячишко на полигон — пострелять, подраться и

так далее. На новых агентов посмотришь...

— Ты уже набрал группу?! — удивился Андрей Викторович.

— Ещё нет, но на примете есть ребятки. Правда, немного. Слушай...

Хмель достал из холодильника колбасу, хлеб, а из навесного шкафа — сахар и кофе.

Поставил на огонь чайник.

— Мне тут звонила Вика, — он присел напротив Ткачёва. — Она нашла грамотного парнишку по компьютерным технологиям. Просит разрешения на его вербовку.

— А зачем ей разрешение? — не понял Андрей Викторович. — Она же работает автономно.

— Паренёк не прост, а Виктория хочет легализоваться в качестве... его супруги.

Ткачёв едва заметно вздрогнул.

— Если она считает это необходимым и полезным, то... зачем ей меня спрашивать.

— Андрей...

— Не надо, Хмель. Ты прав, я что-то размяк... Это недопустимо.

Ткачёв встал из-за стола и ушёл в комнату.

«И что я сам себе представил, старый дурак?!» — думал он, падая на диван.

Он позволил себе расслабиться всего на полчаса. Какая-то странная горечь стала душить его горло. Это не было обидой, не было болью, не было досадой. Это было неизвестно что! Такое, что он никогда прежде не испытывал. Заглушив горечь, Ткачёв дал себе слово больше никогда не поддаваться на эмоции. Слишком велика цена... Он не может себе позволить так расслабляться.

Другая, очень малая его часть, требовала нормальной человеческой жизни. Хорошая еда, красивая податливая женщина, уютный дом и... спокойствия. Без беготни, оружия, шпионов — мать их!

Но кто, тогда, будет защищать людей от несправедливости, от наступающей катастрофы? Это же неправильно думать, что ничего не произойдёт. Произойдёт, и ещё как!

Пенсионеры будут шарить на помойках в поисках одежды, которую выбросили за ненужностью. Будут стоять в очередях за бесплатной раздачей просроченных продуктов. Будут изнывать в стылых домах от холода и без воды. А будут ли какие-то гроши в виде пенсии — очень большой вопрос. И будут ли доживать до пенсии?!

Армии не будет, не будет пограничной службы, и потоки всяких отморожков хлынут волнами из-за границы — грабить, убивать, насиловать и издеваться. Наркотики, проституция, пьянство — вот что ждёт в будущем страну. Всё будет за американские доллары — медицина, образование и транспорт. И грешно думать, что вся страна будет «в шоколаде». Она превратится в безжизненную пустыню — колонию американских штатов.

Это Ткачёв знал точно! Он видел документы, регламентирующие это будущее. Он читал их внимательно, ещё тогда — в восемьдесят втором.

— Андрей, ты как? — осторожно спросил заглянувший в комнату Хмель.

— Нормально, — Андрей Викторович встал с дивана. — Пойдём думать завтрашнюю операцию. Если не завербуем этого Джонатана, то грохнем его, нахрен. Вместе с его Гарри...

Он прошёл на кухню мимо опешившего от его слов Хмеля. Налил себе большую кружку кофе.

— Хмель! Ты чего там застыл?!

Глава 11

Джонатан Хэй и Гарри Гудроу приехали к кафе в половине девятого. Не выходя из машины, осмотрели стоянку. Кроме их машины на стоянке «отдыхал» грузовой длинномер и полуразваленные «Жигули» непонятной модели и цвета.

— И как русские могут ездить на таких машинах?! — удивился Гудроу. — Это же ржавое ведро!

— Русские, вообще, странные, — подвёл итог Хэй, и, достав телефон, набрал номер Хромченко. Тот не отвечал.

— Странно, — насторожился Джонатан. — Осталось пятнадцать минут, а нашего «эскорта» я не вижу.

— Сэр, может это деза? — предположил Гарри.

— А зачем? — усмехнулся Хэй. — Он с неё ничего не получит.

Неожиданно на стоянку завернул чёрный внедорожник. Лихо припарковался рядом с дальномером. Из джипа вышел мужчина в дорогом спортивном костюме и кроссовках. Посмотрел по сторонам и не спеша подошёл к машине Джонатана. Постучал в стекло передней дверцы. Хэй приспустил стекло и вопросительно взглянул.

— Мы это... От Витьки Хромченко, — заикаясь, сказал мужик в кроссовках. — Не вам н... надо помочь?

— А сколько вас? — Хэй внимательно разглядывал небритое лицо мужика.

— Двое. Я и м... мой братан.

— Оружие есть?

— За оружие ц... цена больше, — улыбнулся мужик, сверкнув золотым зубом. — Чё... Чего делать-то?

— В девять в кафе приедет мужчина. Невысокий, в чёрном пальто и меховой шапке, — ответил, сморщившись, Джонатан. Он не думал, что Хромченко пришлёт таких людей. — Мы с напарником будем с ним разговаривать внутри. К нему на встречу должны приехать. Того, кто приедет, надо тихо обездвижить.

— А к... как мы узнаем — кого?

Это был хороший вопрос. Джонатан даже не подумал о том, как он подаст знак. А вдруг, целая толпа подъедет. Хотя он знал, что передача денег не происходит толпой — деньги любят тишину.

— Тот, кто приедет, наверняка, будет с большой сумкой. Или с двумя.

— А если выйдет б... без сумки?

— Тогда пропустите в кафе.

— Л... ладно. Цена вопроса?

Хэй устал от неопределённых фраз русских, но понял, что мужик спрашивает про деньги за работу.

— Сто баксов каждому.

— Д... двести, — мужик стал торговаться. — За риск. Д... деньги вперёд — вдруг от ме... ментов откупаться.

Джонатан протянул ему триста долларов.

— Встреча через десять минут. Будьте готовы...

— Х... хорошо.

Мужик взял деньги и вразвалочку направился к своему джипу.

Джонатан в глубине души понимал, что вся эта затея — авантюра, но времени продумывать операцию, у него не было. К тому же, он считал, что и думать не надо. Просто напугать, и ему отдадут всё. Такой легкий выезд с легкой головной болью.

Он вместе с Гарри зашёл в кафе и выбрал столик у входа. За дальним у окна столом какой-то мужчина, пахнувший машинным маслом и соляжкой, торопливо завтракал, а за короткой стойкой неприметный то ли бармен, то ли хозяин, склонился с ручкой над бумагами.

— Любезный, — щелкнул пальцами Хэй, привлекая его внимание. — Принесите два эспрессо, пожалуйста.

Бармен, не отрываясь от своего занятия, нажал кнопку кофемашины. Та зашумела кофемолкой.

Гарри наблюдал за входом, а Джонатан смотрел на улицу через панорамные окна кафе. Показалось такси, остановилось на стоянке, и вскоре в кафе зашел мужчина, фото которого Хэй держал в кармане, но лицо запомнил. Незаметный бармен как-то незаметно принёс эспрессо, и так же — незаметно вернулся за стойку. Хэй удивился этому не меньше, чем тому, что приехавший на такси мужчина, спокойно и не обращая ни на кого внимания, сел за соседний столик, спиной к ним.

Взяв чашку с эспрессо, Джонатан толкнул Гарри и, уверенный в том, что парни на джипе уже взяли того, кого надо, с улыбкой подошёл к соседнему столику.

— Мистер Гришаев, разрешите присесть?

— Присаживайтесь, мистер Хэй...

— О-о-о! — удивленно протянул Джонатан. — Вы знаете моё имя? Откуда?!

— По работе. Вы что-то хотели?

Хэй понял, что надо, как выражаются русские, брать быка за рога.

— Да. Вы взяли деньги, которые вам не принадлежат. Верните, и мы мирно разойдёмся.

— О каких деньгах вы говорите, мистер Хэй? Я у вас ничего не брал.

Спокойный тон и вальяжная поза собеседника Джонатана разозлили.

— Не ломайте комедию, мистер Гришаев! Отдайте деньги! Они у вас, или вам их сейчас привезут.

— Не нервничайте, мистер Хэй, — попросил Гришаев. — Повторю, я у вас ничего не брал, но...

Джонатан напрягся. Это «но» сильно настораживало, но два миллиона были нужны ему, как воздух. Его шеф не простит ему образовавшуюся дыру в закупочном бюджете ЦРУ.

— ... Я могу помочь вам вернуть их, — продолжил Гришаев. — Я знаю, что вы прицепили за мной «хвост», пытаюсь выяснить, кто стоит за тем происшествием в ресторане «Савой». И подумали, что я имею к этому отношение.

— А это не так?!

— Конечно, нет.

— Тогда как вы узнали о... происшествии?

Гришаев сделал неопределённый жест рукой.

— Слухами земля полнится. Так как насчёт моего предложения? Кстати, вы зря обратились к бывшему офицеру КГБ Хромченко. Он сдал вас с потрохами. Хотите послушать пленку?

Джонатан внезапно понял, что его лихо переиграли. Он даже растерялся от такого

озарения. Непроизвольно посмотрел на стоявший джип с заикающимся мужиком.

— Джонатан, там тоже люди, желающие вам помочь, — улыбнулся Гришаев, проследив за его взглядом. — И записанный с ними разговор.

Хэй обернулся на Гарри, но тот сидел за столом, как истукан. Его дружески обнимал за плечо неприметный бармен...

— Вы, действительно можете мне с деньгами, мистер Гришаев?

— Почему бы и нет, — пожал плечами Евгений Арсеньевич. — Вы нуждаетесь в них, а мне нужна ваша помощь.

— И что я должен сделать?

— Пустяки, — дернул бровями вверх Гришаев. — Отправить своему шефу донесение, что на вашего президента готовится в России покушение.

Хэй улыбнулся.

— А факты? Что я представлю шефу? Только свои слова?

— Ну, почему же, — улыбнулся в ответ полковник. — Мы вам дадим проверенную информацию. В России существует некая тайная организация «За свободу». Она готовит план покушения на президента Клинтона. Кстати, это может быть и во время его перелёта в Европу.

— Вы можете передать это и по официальным каналам, — заметил Джонатан.

— Это закрытая для официальных лиц информация. Организация есть, но никто особо ей не интересуется. К тому же, покушение готовится не нашего президента.

— Какой у вас бардак! — возмутился Хэй.

— Так вы и его и создали, Джонатан, — засмеялся Гришаев.

Хэй не разделил его веселье.

— Ладно. И как я получу документы?

— Через два дня здесь же — в то же время.

Хэй не был уж совсем дураком. Он понимал, что русские не просто так дают ему информацию. Наверняка, ими придумана какая-то многоходовая комбинация. Только вот, ради чего?

— Мистер Хэй, надеюсь, что вы не будете упоминать моё имя, — сказал Гришаев и провёл пальцем по столешнице. — Иначе все наши договорённости отменяются. Я-то ничем не рискую, а вот ваши «похождения» в России могут стать неплохим поводом для вашей экстрадиции.

— Мистер Гришаев, не нужно меня предупреждать, но вы знаете, что подобного рода информация перепроверяется.

— Безусловно, — кивнул полковник. — Признаю, что я не владею полной информацией по этой организации, но ходят слухи, что она достаточно радикальна в своих намерениях. И, думаю, что может проявить себя в ближайшее время. Как вы думаете, что может предпринять ЦРУ и Пентагон, когда узнают о планах этой организации? О подтверждённых планах.

— Думаю, — задумчиво сказал ничего не подозревающий Хэй, — что визит президента, если таковой и планировался, отменят. И потребуют от вашего руководства с этим разобраться.

— Хм, — буркнул Гришаев. — Отмена визита была бы крайне нежелательна.

— Это почему? — заинтересовался Джонатан.

— Признаться, я не люблю вашего президента. Да и Америку — тоже. От вас сплошные

неприятности.

— Тогда зачем вы мне даёте информацию?! — недоумевал Хэй.

— Долг, Джонатан. Радикалы неприемлемы в любом виде. Вам ли этого не знать... Ещё со времён Кеннеди.

— Согласен. И как вы поможете мне вернуть деньги?

— Вы принесёте мне оригинал документа, в котором указаны предприятия, которые вы ориентированы купить. С указанием лиц, лоббирующих эту покупку от России.

— Ого!

— А как вы думали? — усмехнулся Гришаев. — Такая информация и стоит тех денег. Уверяю, я только сниму копию. Сам оригинал мне не нужен.

Джонатан задумался. Такой документ существовал, но он его не видел, а только знал, у кого он хранится. Допуска к таким документам Хэй не имел — не хватало статуса, но взять на время мог. Причём, незаметно для владельца документа.

— Согласен, — решил Хэй. — Вы получите его в обмен на информацию по организации «За свободу».

— Нет, — решительно сказал Гришаев. — Нужный мне документ передаст ваш помощник в другом месте. По вашему звонку, конечно. Это будет взаимной гарантией. И там же ваш человек получит деньги. А когда с ними приедет туда, куда вы ему скажете, и оттуда подаст вам сигнал, то мы мирно разойдёмся.

Когда американцы уехали из кафе, Гришаев, кивнув неприметному бармену, тоже уехал на службу. В кафе он провёл разговор так, как рекомендовал ему Ткачёв, но не понимал затеянной Андреем Викторовичем комбинации. И, судя по всему, она была очень сложной и многоходовой.

Когда Гришаев ехал в такси ему позвонил Ткачёв.

— Евгений, попросите у куратора выход на СВР.

— И как я это ему объясню?

— Нужна мелкая шалость в Вашингтоне. И передайте ему свой разговор с американцем. Думаю, он поймёт.

Гришаев так и поступил. Включив «глушилку», он подробно рассказал куратору о вербовке Хэя.

— Я дам вам контакт в Службе внешней разведки, — сказал куратор. — Но не гарантирую, что он будет полезным. Было бы лучше, если бы структура действовала сама.

То же самое вечером Хмель и предложил Ткачёву.

— Викторыч, я думаю, что с такой шалостью и Вика справится. У неё есть ресурс, и есть деньги. К тому же, она за границей. Но контакт с нашей СВР не помешает. Там тоже любят деньги... Вопрос в другом — где мы возьмём два миллиона для американца?

— Я этим займусь, — уверенно пообещал Андрей Викторович.

Джонатан Хэй был очень озадачен звонком от своего шефа по закрытому каналу.

— Сынок, — вещал шеф мрачным тоном. — Тут в Вашингтоне озабочены. Какие-то русские, под видом организации «За свободу», напугали ФБР и нашего президента. Выясни, что это за люди, и кто за ними стоит.

— Сэр, у меня тоже появилась информация по этой структуре. Но за неё просят денег.

— Джонатан, ты меня пугаешь! — вскрикнул шеф. — Что-то часто ты требуешь денег.

— Сэр, я могу вам лично предоставить возможность разобраться с этим вопросом. Выведу на свой контакт, а там поступайте так, как посчитаете нужным, — лукавил Хэй,

зная, что шеф ни за какие коврижки не поедет в Россию. — Есть данные, что «За свободу» достаточно радикальная организация.

Шеф немного подумал, потом неожиданно спросил:

— А я могу лично побеседовать с твоим источником по телефону?

— Не уверен, что он знает английский.

— У меня есть переводчик, Джонатан.

— Я могу организовать такой разговор, — быстро согласился Хэй, не желая сердить шефа. — Буквально через пару дней.

Ткачёв постепенно восстанавливался после «безработного» периода. Он обретал тот прежний ритм жизни, когда работа захватывала его, требовала постоянной деятельности тела и мозга. Рефлексы и навыки бывшего генерала КГБ хоть и несколько притупились, но они никуда не делись.

Андрей Викторович, сравнивая службу в милиции и в КГБ, сделал для себя существенный вывод. Если ловить уголовников, то смысл работы заключался в «игре на опережение» — просчитывались ходы, и нужно было только выйти в нужное место, и в нужное время раньше преступника, то работа с агентами специальных служб велась только на превосходстве инициативы. Её ни в коем случае нельзя было упускать. Противник должен постоянно находиться под давлением, чтобы у него не было времени анализировать и предугадывать ходы. Чтобы он увяз в навязанной игре с руками и ногами.

Но, если раньше система, в которой служил Ткачёв, помогала ему всеми средствами, то в данный момент существующая система была на стороне противника, и Андрей Викторович мог полагаться только на себя и своих агентов. И Ткачёв отлично понимал, что если систему не изменить, то ему, Хмелью, Вике и Шмелью, придётся прятаться и воевать против своих же — на своей же земле. А им долго не выдержать такого напряжения.

— Хмель, нам до зарезу нужен аналитический отдел, — задумчиво высказал мысль Андрей Викторович. — А то мы потеряемся в анализе противостояний нашей элиты.

— Это не ко мне, Викторыч, — махнул рукой агент, смакуя кофе. — Попроси Гришаева пробить бывших сотрудников КГБ. Я помню, у тебя уже был подобный опыт формирования таких групп.

— Нужны аналитики новой формации, — продолжал Ткачёв. — У старых мышление другое. Если раньше основа была в противоборстве идеологий, то сейчас — в жажде власти и наживы.

— Хм, — теперь задумался Хмель. — А ты сходи к Хулю. Не смотри, что он просто гримёр — это старый еврей, тонко чувствующий перемены. Заодно спроси про ребят, о которых говорила Вика. Он, наверняка, тоже их обучал.

Ткачёв быстро собрался и отправился в парикмахерскую, благо она была недалеко.

Илья Абрамович был учтив и гостеприимен. Он закрыл своё заведение и провёл Андрея Викторовича себе на квартиру.

— Что вас интересует, Иван Иванович?

Ткачёв коротко изложил свои вопросы.

— Наконец-то! — воскликнул Хуль. — Меня спросили по делу. А можно конкретнее?

— Почему наш президент себя так ведёт? Он что, вообще ни черта не понимает?!

— Он делает так, как ему говорят его советники. Вокруг него слишком много малограмотных, но слишком много жадных. Вы обратите внимание на их фамилии... Березовский, Гусинский, Ходорковский, Чубайс... Вы думаете, что их что-то интересует,

кроме денег? Что вы хотите от бывшего первого секретаря Свердловского обкома? Его кто-то учил как вести дела при капитализме? Нет! У нас премьер-министр по фамилии Черномырдин! Хорошо, что не Жопин, и не Анусов...

Ткачёв засмеялся.

— При чем тут фамилия премьера?

— Как корабль назовёшь, так он и поплывёт, — многозначительно объяснил Хуль.

— Понятно, — улыбался Ткачёв над непосредственностью гримёра. — Вы по существу можете что-то сказать?

— А как же! Милейший, Иван Иванович, вы читали «Капитал» Маркса?

В ответ Андрей Викторович покрутил в воздухе ладонью.

— О-о-о! — протянул Хуль. — Эта книга для вас должна стать настольной. Все принципиальные моменты в капиталистических отношениях освещены в ней в подробностях. Власть и деньги идут под руку друг с другом. У кого больше денег — у того больше власти. Заимеете печатный станок для денег, и власти у вас будет столько, сколько возьмёте.

— То есть, нынешний президент попросту сидит на подачках?

— Именно! — горячо воскликнул Хуль. — Он вместе с Горбачевым развалил СССР и вооруженным путём в 93-ем пресёк попытку коммунистов демократическим образом вернуть себе власть. И, заметьте, его никто на Западе не осуждал. А почему? Потому что прогнулся под капиталистов. Упал перед американцами и раздвинул ноги, как дешёвая проститутка! Ладно, если бы Россия хоть что-то получила взамен, так нет! Мы катимся в пропасть!

Илья Абрамович ненадолго смолк, переводя дыхание. Успокоившись, продолжил:

— Нынешний президент, раскинув руки для объятий, несётся в сторону Америки и Запада со скоростью старого дребезжащего самосвала, и тащит за собой одиннадцать тележек. Три-то благополучно нацепили свастику и, аккурат, первого мая годом назад, ушли в Европейский союз. Благодаря объединённым немцам. Те же немцы для нашего самосвала поставили бетонный забор и сказали — эта рухлядь не к нам, вам к американцам. А те, в свою очередь, в лучших хоккейных традициях, мощным силовым приемом филейной части своего тела, отправляют самосвал на задворки.

— Неужели он этого не понимает? — нахмурился Ткачёв. — Как бы сам лез, так и хрен с ним. Но он же весь народ туда тянет.

— А что для него народ? Так... пыль. Но нашим Березовским, Ходорковским и Гусинским нужен именно такой президент.

— И как быть? — недоумевал Андрей Викторович.

— В бывшем Ленинграде руководит команда Толи Собчака. У него очень хорошие связи с немцами и французами. И в его окружении есть довольно много людей имеющих влияние в правительствах этих стран.

— Вот как?! — удивился Ткачёв познаниям Хуля.

— Понимаете, милейший Иван Иванович, Европейский союз у нас под боком, — подмигнул Илья Абрамович. — И может создать хорошую конкуренцию Американским штатам. Особенно, если введёт единую валюту. Но, — Хуль многозначительно поднял палец. — Для этого им нужна дешёвая энергия.

— Нефть, газ и электричество?

— Именно. Другие вещи, конечно, тоже, но нефть и газ — это первейшие компоненты

промышленного производства. Пока англичане через свои корпорации, кстати, наполовину американские, поставляют эти компоненты в Европу, то Евросоюз не будет самостоятельным. И все это понимают.

— Так вот почему «Бритиш Петролеум» трётся вокруг российского газа и нефти, — сжал губы Ткачёв.

— А вы догадливы, Иван Иванович, — улыбнулся Хуль.

— Получается, что если наш президент развернётся к Евросоюзу, то это будет плохо для американцев, — подвёл итог Андрей Викторович. — У вас есть выход на кого-нибудь из команды Собчака?

— Увы, — развёл руками Илья Абрамович. — Вам придётся самому его искать.

— Что скажешь, босс? — насмешливо спросил Хмель пришедшего Ткачёва. — Помог тебе гений грима?

— Да, — коротко ответил Андрей Викторович, разворачивая на столе лист ватмана.

— Опять, — недовольно заскулил Хмель. — Викторыч, огради меня от мозговых штурмов.

— Не отлынивай от работы. Вот закончим операцию, тогда и займусь поиском людей для аналитики.

— Ну, — придвинулся к столу Хмель с чашкой кофе, — что ты на сей раз придумал?

— Посадить в президентское кресло другого человека...

Хмель поперхнулся кофе.

— Андрей, ты серьёзно?!

— Более чем, — ответил Ткачёв. — Как ты знаешь, то в следующем году у нас выборы президента. Нынешний как-то уж больно лихо кладёт нас под американцев. А те не отличаются умеренным аппетитом.

— И что ты предлагаешь?

— Найти в окружении мэра Собчака человека, способного удовлетворить Евросоюз.

— И каким образом? — Хмель не переставал удивляться.

— Через продажу Германии и Франции дешёвого газа и нефти. В обход англосаксов, — Ткачёв нарисовал на ватмане круги. — Вот смотри. Гусинский, Березовский и Ходорковский — это сторонники англосаксов. Команда мэра Собчака больше ориентирована на Евросоюз.

— Думаешь, Евросоюз будет более уступчив к российской независимости? — засомневался Хмель.

— Пока там будут политики ориентированные на Евросоюз, то да. Им будет не до нас. И мы переключим внимание американцев к Евросоюзу. Пока они будут бодаться, то у нас будет время выгнать англосаксов со своей земли, разорвав недавно заключённое Соглашение о разделе продукции. А после, чем чёрт не шутит, и обратно национализировать предприятия. Хотя бы, наполовину.

— У нас жизни не хватит, Викторыч...

— А мы попробуем, Хмель, — устало улыбнулся Ткачёв. — А там видно будет. Погляди... Гусинский контролирует все средства массовой информации. Ходорковский подмял под себя нефтянку, а Березовский активно помогает англосаксам скупать промышленные предприятия. Премьер Черномырдин мычит только то, что ему пишут из администрации президента. На лицо полный коллапс руководства страны. Ей рулит «семибанкирщина» на деньги американцев. И внутри страны полный беспредел.

— И что мы можем сделать?

— Этот беспредел надо направить на команду Собчака. Без единого шанса у последнего. Но команду оставить и объединить с политиками из Евросоюза. Потом начать тихонько ссорить англосаксов с нынешним президентом.

— То есть, в следующем году выборы возьмёт он? — уточнил Хмель.

— Да. Это нужно и «семибанкирщине» и, как ни странно, нам. Потому что сейчас нет человека, который хоть немного, но будет заботиться о России.

— И о Евросоюзе, — закончил Хмель. — В пику американцам.

— А политики в Евросоюзе подскажут нынешнему президенту, кого он должен поставить вместо себя.

— А потом? — с ухмылкой поинтересовался Хмель.

— А потом, мой друг, аппетит приходит во время еды.

— Ладно, — хохотнул агент. — Ты придумал, где взять деньги для нашего «американского» друга?

— Я подумал, и решил, что мы ему ничего не дадим. Мало того, в довольно жесткой форме объясним, кто здесь хозяин.

— Не понял...

— А что непонятного? Кто он такой — этот Джонатан Хэй? Припомним ему «Савой» и подорванную машину. Спишем на радикалов из организации «За свободу».

— Так он предьявит Гришаеву, — засомневался Хмель.

— Пусть попробует. Вообще отсюда не уедет. Хлопнем его Гарри для наглядности.

Хмель удивленно замолчал. Он впервые видел Ткачёва таким решительным и жестоким. Нет, он видел его в Зареченске в состоянии боевой эйфории, но то были вынужденные действия.

Андрей Викторович почувствовал состояние агента.

— Мы должны напугать их, Хмель. До состояния икоты. Пусть Хэй бежит к Березовскому, тот побежит в ФСК, к президенту, да к чёрту лысому! Если мы не будем действовать жестко, то у нас ничего не получится. Они там все боятся только силы.

— В какой-то мере ты прав, — почесал щёку Хмель. — Правила игры поменялись.

— А ещё я думаю, что Хэй позвонил своему шефу и выпросил у него денег на борьбу с радикалами. Надо звонить Гришаеву и инструктировать для разговора с куратором.

— А не будут ли американцы стараться подмять под себя «За свободу»? — предположил агент.

— А зачем? — возразил Ткачёв. — Все наши политики у них «на крючке». А наш президент первым старается вылизать задницу американскому коллеге. Зачем им здесь радикалы, способные наводить ужас на проамериканскую элиту и ненавидящие всё американское? Думаю, что они постараются разузнать об организации больше и уничтожить. И преподнести это, как свою победу за демократию. Им нужен договор об одностороннем ядерном разоружении. Со всех сторон, как ни посмотри. В этом случае наши правители станут, вообще, ручными.

— Хорошо, мы прикроем Гришаева в его разговоре с Хэем...

— Да. Нам надо организовать и передать информацию в американское посольство до разговора Хэя с Гришаевым. Например, что готовится покушение на Березовского. И что ещё лучше, что некоторые предприятия, на которые нацелены американцы, являются объектом террористических атак.

— Не думаю, что теракты будут аргументом, — засомневался Хмель.

— Точно! — воскликнул Ткачёв. — Мы подсунем информацию, в которой укажем, что мэр Собчак желает баллотироваться в президенты. И пользуется поддержкой организации «За свободу». Пока они будут работать по команде Собчака, мы попробуем пропихнуть в нашем парламенте запрет на ратификацию договоров, касающихся безопасности ядерного потенциала. Сообщи Вике, чтобы к лету готовила деньги для подкупа парламентариев.

Куратор был сильно обеспокоен. Положение создавалось угрожающее, и только успехи армии в Грозном более менее сглаживали общее впечатление. Тут ещё пришла информация

от источников, оставшихся преданными интересам России, что на южных рубежах готовится какая-то крупная провокация. На самом деле таких донесений приходило множество, но функционеры СБП не обращали на это внимания, больше озаботившись личным обогащением.

Зашёл вызванный Гришаев, присел за стол, повинувшись жесту куратора.

— Рассказывайте, Евгений Арсеньевич, — попросил куратор, поглядывая в окно.

— Структура приступила к выполнению задачи, и судя по донесениям, президент Америки в больших сомнениях по поводу поездки в Россию.

— Этого мало, — поморщился куратор. — Я рассчитывал на большее...

— Структура не настолько многочисленна и только начинает развиваться. Ей не хватает ресурса.

— Чем я ещё могу помочь?

— Источниками информации. Их явно недостаточно для принятия быстрого решения.

Куратор написал на бумаге имя и фамилию, показал Гришаеву. Тот кивнул, и куратор сжёг листок в пепельнице.

— Передайте руководителю, что к маю операцию необходимо закончить. Президент, с подачи Березовского решил ввести мораторий на боевые действия в Чечне. На сорок пять дней. Мол, сам президент США прилетает на празднование Дня Победы... Какая уж тут война... Мораторий будет подписан со дня на день. И вот ещё что... Американцы что-то готовят в Крыму, и действуют через правительство Украины. Было бы неплохо помешать им.

— Я передам руководителю... Разрешите идти.

— Не задерживаю.

Евгений Арсеньевич вышел от куратора и направился в свой кабинет, который он недавно выпросил. В старом было ещё два сотрудника, но при них разговаривать по телефону с Ткачёвым было непозволительно. Пусть и сотрудники частенько отсутствовали. Свой кабинет можно закрыть и, включив «глушилку», спокойно разговаривать.

— Запоминайте, — сказал Гришаев, позвонив Ткачёву. — Вячеслав Асташин. Это разработчик программы прослушки в здании посольства США. Правда, в 1991 году Бакатин лично передал схему и материалы по разработке программы послу США, но, я точно знаю, что некоторые вещи не были отражены в материалах.

— Например?

— Часть устройств питаются от батарей отопления, естественных испарений и от вибрации несущих конструкций. Схема подключения к этим устройствам непосредственно звуковоспроизводящих приборов не была отражена в переданных послу материалах. Бакатин просто отдал техническое задание. Устройства вмонтированы в стены и работоспособны, а в окружении Асташина остались люди, знакомые с техникой подключения.

— Принято.

— И ещё... куратор просил узнать о планах «партнёров» по Крыму.

— Я попробую.

Ткачёв слегка ошалел от свалившихся на него заданий. Ему казалось, что кроме него и его команды, больше никто не озабочен таким наглым действием западных спецслужб на территории России. Его это беспокоило, но раз взялся за гуж, то не говори, что не дюж.

Он понимал, что бить будут, и, возможно, ногами, но главная цель у Ткачёва была одна — не допустить соглашения об одностороннем разоружении. Всё остальное можно было уладить потом. Конечно, потом будет долго, затратно и нервно, но потом можно играть

ядерными мускулами, а не скулить собакой. Ибо в этом мире слова не понимают, а уважают только силу. И сейчас можно сдать промежуточные позиции, чтобы не отвлекать на них ресурсы, такие нужные сейчас для выполнения главной задачи.

Хмель быстро «дёрнул» окружение разработчика Асташина. Оказалось, что американцы предлагали ему работать на них, но Вячеслав твёрдо заявил: «Я Родину не сдаю!». Так что найти нужного специалиста труда не составило. И после этого у Ткачёва появилась возможность «слушать» американское посольство, и даже нашлась группа, способная это делать круглосуточно. Для этого Ткачёв привлёк коллег бывшего майора Федосеенко, предложив им довольно приличное вознаграждение.

Анализа информации не хватало катастрофически, и Андрей Викторович вспомнил про Сергея — того молодого человека, прослужившего немного в политической разведке КГБ. Другого варианта не было...

Ткачёв приехал к нему домой, прикупив по дороге пару игрушек и фруктов.

— Простите, а вы к кому? — спросил открывший дверь Сергей, оборачиваясь на детский плач в глубине двухкомнатной «хрущевки». — Заходите, я сейчас...

Пока Ткачёв топтался в тесной прихожей, хозяин успокоил ребёнка и вышел к Андрею Викторовичу.

— Ещё раз простите, — Сергей увидел в руках гостя игрушки и сумку с фруктами, потом внимательно взглянул на Ткачёва. — Вы не ошиблись адресом?

— Нет, Серёжа, не ошибся. Мы можем поговорить?

— Да. Проходите на кухню. Жена со старшим ушла в поликлинику.

Ткачёву понравилось, как держится Сергей. Не истерит, лишних вопросов не задаёт. Андрей Викторович отдал хозяину игрушки и сумку, присел на стул.

— Я предлагаю тебе, Сергей, послужить ещё. По твоему бывшему профилю. Аналитиком политической разведки.

— Вы точно ошиблись адресом, — нахмурился хозяин.

— Ты не понял, сынок. Родине послужить. Она тебя обучила и...

— Бросила в трудное время. Уходите, пожалуйста, и... подарки заберите.

Ткачёв не тронулся с места.

— Подарки не тебе, а детям. И не лично от меня, а от государства в моём лице. А ты сейчас нужен стране, сынок. Других нет. И платить тебе буду я. Присядь...

Сергей, косясь на Ткачёва, уселся за стол.

— И что я должен делать?

— Каждый день ходить на службу. И анализировать поступившую информацию. В конце дня писать аналитическую справку.

— И всё?!

— Да.

Хозяин вздохнул.

— А если у меня не будет получаться?

— А вот этого не должно быть, Серёжа. Тебя учили анализировать, ведь так?

— Да, но...

— Я понимаю, — кивнул Ткачёв. — Напиши, что тебе для этого нужно: периодику, радио, телевизор, книги... Ты в каком отделе работал, по какой стране?

— США и Канада, — тихо ответил Сергей.

— Годится. Ты знаешь кого-нибудь, кто бы смог помочь тебе по Европе?

— Не знаю. Надо подумать.

— Вот и подумай. К работе приступаешь завтра, — Ткачёв достал бумажку с адресом, ключ и деньги. — Приходишь в девять утра, уходишь в пять вечера. Официально я тебя устрою через пару дней, когда просмотрю твои отчёты. И, само собой, ты не говоришь никому, где служишь на самом деле. Супруге скажешь, что устроился помощником коммерческого директора торговой фирмы. Фирма торгует фруктами, овощами, консервами. Вопросы?

— А кто устроил?

— Иван Иванович. Это я. Скажешь, что случайно познакомился, когда работу искал. Если у кого-то будут вопросы, то звонишь вот по этому номеру и говоришь — Иван Иванович, вами интересуется тот-то.

Ткачёв поймал себя на мысли, что точно такую же инструкцию ему недавно давал Гришаев.

— Хорошо, я согласен, — чуть подумав, сказал Сергей. — И сколько мне будут платить?

— Тысячу, сынок, американских долларов.

— Это у нас государство теперь такое богатое? — насмешка скривила губы хозяина квартиры.

— Оно никогда не было бедным для тех, кто служит ему верой и правдой. Список пиши, что тебе нужно для работы. Завтра утром это будет у тебя на столе.

Ткачёв поднялся и собрался уходить, но Сергей задал ему в спину вопрос.

— Если что-то срочное, то куда докладывать?

— Номер телефона у тебя есть. Запомни и бумажку сожги. Если что-то важное, то так и говори — срочно, не называя имён. Далее, по тексту сообщения.

Хэй и Гарри в условленное время сидели в придорожном кафе и ждали Гришаева. Джонатан уже стал заметно нервничать, когда полковник открыл дверь в зал. Но пришёл Гришаев не один, а в сопровождении двух человек. И без каких-либо признаков сумок с денежными знаками.

— Что это значит?! — попытался возмутиться Хэй, но полковник жестом его успокоил, и выложил на стол две папки.

— Мистер Хэй, я вам предлагаю выбор, как и вашему помощнику. В одной папке ваши билеты на самолёт до Вашингтона и документы об организации «За свободу». А также копия ноты в ваше посольство, что вы и Гарри с этого дня не имеете право посещать Россию. В другой папке постановление Главного прокурора РФ о вашем задержании и заключении под стражу. И копия обвинения в том, что вы организовали на территории нашей страны организованную преступную группировку.

— Вы в своём уме?! — не сдержался Хэй. — Я буду жаловаться!

— Это ваше право, мистер Хэй, — Гришаев оставался невозмутимым. — Только у меня есть письменное разрешение не оставлять вас в живых.

Двое за спиной полковника вынули пистолеты, направив цилиндры глушителей в американцев.

— И какую папку вы выбираете? — поинтересовался Гришаев.

— Это возмутительно! — вскрикнул Гарри, вскакивая со стула. — Я гражданин Сое...

Он не договорил. Раздался тихий хлопок, и помощник Хэя свалился под стол с простреленной головой. Джонатан обомлел и пытался закричать, призывая на помощь, но,

получив удар в висок, свалился рядом с Гарри.

Очнулся он в каком-то деревенском доме с довольно изысканным убранством. Хэй сидел на стуле связанным, и долго смотрел на распластанный труп Гарри и распростёртые тела ещё двух голых девушек со следами побоев и пулевых отверстий. От вида крови Джонатана затошнило.

— Повеселились, э-э-э... Джонатан Хэй? — спросил крупный мужчина в форме майора милиции, разглядывая его паспорт. — Что же вы так? И друга своего, и девушек... Ладно, друга, ну, не поделили бабу, но девчонок-то зачем?

В доме суетились какие-то люди с чемоданчиками и фотокамерами, терли кисточками бутылки на столе, фужеры и лежащий на полу пистолет.

— Я не буду говорить без представителя посольства США, — едва ворочая языком, проговорил Хэй.

— Не думаю, что он вам поможет, — хмыкнул майор. — Тут полно ваших отпечатков, следов, порошок, пистолет. Есть куча свидетелей, которые видели вас, приезжающего на машине с помощником. Потом приехали девочки и сутенёр, которому вы отдали пятьсот долларов. Во! — он махнул кипой листов. — Тут все показания.

— А почему я связанный?

— Так вы размахивали пистолетом, как флагом США! Мы вас слегка... успокоили. Заметьте, вы сидите на стуле, а не лицом в пол, и не в наручниках.

Джонатан понял, что попал. И очень сильно. Его, может быть, и обменяют на кого-нибудь, но это будет потом. И как долго «потом» продлится, он даже не представлял. О дальнейшей карьере можно было забыть.

— Я могу вам дать маленький шанс выйти сухим из воды, — тихо сказал майор и подмигнул. — Вам только надо поговорить с одним человеком...

Джонатан раздумывал не долго.

— Я согласен. Зовите.

Майор махнул рукой и эксперты из милиции потянулись на выход, а в комнату зашёл пожилой мужчина с элегантно тросточкой и аккуратной седой бородкой. Он больше напоминал профессора из университета, чем представителя силовых ведомств.

— Добрый вечер, мистер Хэй, — мужчина сел напротив Джонатана, грациозно положив ладони на трость. — Я вижу, что вы не вняли голосу разума после происшествия в ресторане «Савой» и беседы с представителем фонда Сороса. А ведь вас предупреждали...

— Что вы хотите? — перебил его Хэй.

— Немногого, — старик поводил тростью по полу, соображая над формулировкой желания. — Я отпущу вас, но вы мне будете должны.

— Что именно?

— Вы мне расскажете о планах ЦРУ и Пентагона по Крыму и Кавказу. А также о разработке документа об одностороннем ядерном разоружении.

— И всё?!

— Да, — просто ответил старик, чуть выпятив губы.

— Вы же понимаете, что я здесь занимаюсь совершенно другим делом?

Старик достал из кармана листок со списком предприятий, подготовленный Хэем для Гришаева.

— Мистер Хэй, этот список явно не соответствует действительности. В нём нет Рыбинского завода авиадвигателей, Нижнетагильского танкового, Красноярского и Братского алюминиевых заводов, Самарский авиазавод, Калужский турбинный... мне продолжать?

Хэй смотрел в сторону, не зная, что ответить.

— Кто выдаёт разрешения на покупку акций? — настаивал старик, угрожающе вскинув трость. — Чубайс? Черномырдин? Впрочем, можете не отвечать. Так вот, мистер Хэй, мы можем сделать так, что всех чиновников, с кем вы завязаны, вы же и уничтожите. Вот прямо в ближайшие три-четыре часа.

— Сомневаюсь, — ухмыльнулся Джонатан.

— Ну, вы-то этого не увидите, — в свою очередь ухмыльнулся старик. — Ваши пальчики оставим на винтовках, и воспользуемся вашими ботинками, сняв их с безжизненного трупа. И дадим заключение, что вы застрелились, выйдя из наркотического запоя. Всё просто, мистер Хэй, — он цинично улыбнулся. — Потом уже приедет комиссия из США, будут разбираться, угрожать, обивать пороги МИДа и прочее... Но это потом, мистер Хэй! За это время нужные мне люди купят предприятия на ваши же деньги из «Барклай Банка». Чувствуете перспективу?!

Джонатан болезненно поморщился. Перспектива и впрямь, вырисовывалась совсем не радужная.

— А ещё мы, — продолжал старик, — запустим новость, что вы были со своим помощником...

— Хватит! — вскрикнул Хэй, догадавшийся о том, в чём будет заключаться новость. — Я согласен, но хочу гарантий.

— Гарантия будет в том, что вы живы. Мы будем за вами пристально наблюдать. И если вы сделаете неверный шаг, тоэто, — старик повёл тростью, показывая на трупы, — ваше

задокументированное деяние тут же окажется в вашем посольстве. Добавлю, что вместе с вашим трупом.

— ...

— А, совсем забыл, — старик не дал сказать Хэю ни слова. — Вы сейчас напишете, что добровольно согласились сотрудничать с радикальной организацией «За свободу».

— Это слишком!

— Как знаете, мистер Хэй, я могу встать и уйти...

Старик сделал вид, что собирается так и сделать.

— Ладно! — вскрикнул Джонатан. — Я согласен. Что я получу взамен?

— Вы получите возможность заниматься тем, чем занимались. Труп Гарри мы спрячем так, что его никогда не найдут. Уж перед своим начальством отчитывайтесь за него сами. Можете сказать, что привезли его сюда, а сами уехали по делам.

— Допустим. И как я с вами свяжусь для передачи материала?

— Просто заезжайте в ресторан «Савой» пообедать. Через полчаса к вам подсядет человек и спросит: А чтобы вы рекомендовали из закусок? Ему и отдадите материалы. И не затягивайте...

Хэю деваться было некуда.

— Давайте бумагу...

Старик кивнул и подал ему папку, положив на неё лист бумаги.

— В папке, мистер Хэй, данные об организации «За свободу». Её планы и возможные контакты. Думаю, что ваш шеф оценит ваши старания.

Джонатан приехал в посольство с таким чувством, что его будто огрели по голове пыльным мешком, набитым кирпичами. Он долго сидел в кабинете, вливая в себя виски, но потом встряхнулся, и отправился в пункт связи, чтобы поговорить с шефом. Благо в Америке было уже утро...

— Сэр, я раздобыл материалы, касающиеся русских радикалов «За свободу». В них довольно много интересного.

— Говори, сынок, — благодушно разрешил шеф.

— Предположительно руководители организации входят в руководящий состав Петербурга. Есть мнение, что мэр города стремится в следующем году занять пост президента. И многие европейские политики его поддерживают. В его окружении люди с контактами в Германии и Франции. С очень хорошими контактами.

— Хм, — буркнул шеф. — У тебя есть этому подтверждение?

— Косвенные, сэр. Прямых доказательств, сами понимаете, добыть сложно. Но в моём распоряжении масса финансовых документов, подтверждающих контакты. Счета, с которых шли средства, принадлежат проправительственным структурам. А мэр Петербурга и его окружение пользуются большим влиянием.

— Отправь эти документы мне, Джонатан. Не думаю, что в Евросоюзе хотят вести собственную игру. Газопроводы идут к ним через Украину, а она через неделю будет под нашим контролем.

— Да, сэр. Но есть данные, что один из представителей мэрии ездил в Германию для переговоров о создании независимой ветки газопровода по дну Балтийского моря.

— Вот как?! Видимо Гельмут Коль решил действовать самостоятельно... Да и Ширак выступает за консолидацию с Россией. Они с Колем выдвигают идею принять Россию в Совет Европы. Твои предположения обоснованы, сынок. Ты, большой молодец!

— Спасибо, сэр, — выдавил улыбку Джонатан. — Есть одна неприятность...

— Что такое? Это касается наших дел?!

— Нет. Это касается Гарри, сэр. Он бесследно пропал.

Хэй услышал, как шеф облегчённо вздохнул.

— При нём что-то было?

— Нет, сэр. Он поехал... расслабиться с местным контингентом. И уже целые сутки я не могу его найти.

— Я позвоню послу, Джонатан. А ты занимайся делами плотнее.

— Слушаюсь, сэр.

Хэй повесил трубку и выдохнул из легких пары виски, с трудом удерживаемые во время разговора. Потом прошёл в свой кабинет, взглянул на пустующее кресло Гарри и задумался.

Он скажет русским про Крым, но где он возьмёт информацию по Кавказу и соглашению об одностороннем разоружении — это было проблемой. Кавказом занималась отдельная группа, завязанная лично на Березовского. И то, вся информация шла от агентов «МИ6». Они там что-то готовили и ставили ЦРУ в известность только на высоком уровне. Хотя...

Джонатан достал початую бутылку, два стакана, и направился к шифровальщикам.

На телетайпе дежурила Лиззи Бэкфорд — невзрачная брюнетка, с которой Хэй поддерживал дружеские отношения. Её командировка в Россию заканчивалась, и она «сидела на чемодане», ожидая ротации. Джонатан как-то помог ей в самом начале её командировки, достав по дешёвке пару песцовых шуб, и логично предполагал, что она ему слегка обязана.

— Лиз, — обратился к ней Джонатан, наливая в протянутый стакан виски, — я тут собрался по делам в... никак не могу выговорить эти русские названия... Ставрополь?

— Ставрополь, — поправила его Лиззи. — А когда намечал?

— Наверное, когда Клинтон в Москве напьётся с Ельциным, как говорят русские, в стельку, и смотается обратно в Белый дом. Если сможет взобраться по трапу на самолёт.

— Вынуждена тебя огорчить, — подмигнула ему Лиззи. — ФБР считает эту поездку невозможной по линии безопасности. И наши коллеги из «МИ6» решили этим воспользоваться. Так что не советую тебе планировать туда выезд до августа.

— Хм, — игриво смутился Хэй. — И что задумали эти мордовороты из «МИ6»?

— Джонатан, — она взглянула на него с укоризной. — У тебя нет допуска к такой информации...

— Ладно, — он поднял ладони. — Ухожу.

Ему уже не были нужны подробности, той информации, что он получил от Лиззи, хватало, чтобы сделать выводы. А русские сумеют их сделать.

Андрей Викторович напряженно всматривался в расчерченный линиями, квадратами и кругами лист ватмана. По несколько раз перечитывал информацию от «прослушки» и записки от аналитика Сергея. Молодой парень, оказалось, был весьма смышленным и сделал предварительные выводы.

Выводы неутешительные и неприятные.

Где-то в горах Афганистана англосаксы сформировали из чеченских боевиков сильную группу, обучили и теперь готовили к переброске на границу с Россией. Спонсором подготовки был Борис Березовский, получив деньги от фонда Сороса. Участие БАБа в этом «проекте» подтверждали его разговоры с Басаевым, перехваченные американцами. Ткачёву повезло, что сотрудники американского посольства бурно обсуждали сумму, потраченную

Борисом Абрамовичем. Тот яро стремился в политику, выбивая себе место в Совете безопасности России. Куда поведёт Басаев эту группу, Ткачёв не знал, но у него было предположение, что в случае захода группы на территорию России, Березовский выступит в качестве посредника, и остановит её продвижение. Тем самым, обеспечив себе некий авторитет.

Надвигающиеся события в Крыму тоже не были простыми. Избранный президент Республики Крым Юрий Александрович Мешков вел независимую республику в состав России и готовил по этому поводу референдум. Его итоги были предсказуемы — в Крыму валютой был российский рубль, и сам Мешков возглавлял блок «Россия» на полуострове и пользовался огромной поддержкой жителей Крыма.

Президента Украины Леонида Кучму такой расклад не устраивал — СБУ обратилось в ЦРУ за помощью. Ткачёв тоже об этом узнал от «прослушки», и было понятно, что это будет за «помощь» — Мешкова постараются устранить физически, а его сторонников просто перекупят.

Самое главное заключалось в том, что американцы рассчитывали после присоединения Крыма к Украине поставить на полуострове две военные базы НАТО. В случае если Россия пойдёт на одностороннее разоружение, то НАТО получит возможность контролировать всё побережье Чёрного и Азовского морей, накрыв ракетами не только Кавказ, но и Каспий с его нефтяными месторождениями. А если Украина войдёт в НАТО... Дальше можно было не думать, хоть Киев и подписал соглашение о внеблоковом статусе.

Юрий Мешков раз за разом обращался к Москве, но, похоже, никто из окружения Ельцина слушать его не хотел. Только мэр Лужков всячески старался помочь Мешкову, но теперь, в преддверии выборов президента России, старался просьбы крымского президента игнорировать.

— Всё эти события между собой связаны, — вслух рассуждал Ткачёв. — Только как?!

— Ты чего там бормочешь, Викторыч? — спросил с дивана сонный Хмель. — Два часа ночи. Ты чего не спишь?

— Не видишь — мы думаем...

Ткачёв тяжело вздохнул.

— Ты же взял аналитика, пусть он и думает, — возразил Хмель, поворачиваясь на бок. — Ничего себе у тебя макулатуры!

— Вот он и дал мне аналитические справки... Я тут немного охренел.

Хмель слез с дивана и подсел за стол к Ткачёву. Взглянул на его каракули.

— Мда-а-а, — протянул, выпучив глаза. — Похоже, что мы попали. Будем втроём противостоять целому НАТО!

— Ты чего разнылся? — хмыкнул Андрей Викторович. — Первый раз что ли?

— Ладно, — Хмель потёр глаза кулаками, — Чего думаешь?

Ткачёв ткнул карандашом в кружок с надписью «Крым».

— Ищу связь между несостоявшимся прилётом Клинтона, интересом ЦРУ к Крыму и событиями на Кавказе. Видишь ли, в Афгане сформировали группу боевиков и нацеливают её на Россию.

— Туман какой-то получается, — Хмель зевнул. — А мы должны из него выдернуть рыбку...

— Туман, говоришь, — усмехнулся Андрей Викторович. — А в нём сплошные искажения, невидимые...

— Я, думаю, Андрей, что нам надо в Крым. Поболтать с тамошним президентом. У него на месте больше информации. И предупреди Гришаева... Кстати, пусть он куратору доложит твои выводы. Собирайся.

— Куда? Прямо сейчас?!

— Сейчас, Викторыч. Народу в Крым летит мало, в аэропорту купим билет. Быстренько сделаем дела, и обратно. Я Вике позвоню, чтобы подстраховала. Шмеля на хозяйстве оставим, — увидев неуверенность Ткачёва, Хмель чуть повысил голос. — Андрей, не спи! Звони Гришаеву, а я Шмеля проинструктирую.

Андрей Викторович схватился за трубку.

— Сообщи куратору, что Клинтон отменил свою поездку в Москву. На Кавказе что-то затевается и очень сложно в Крыму, — проговорил он наскоро Гришаеву.

— В Крыму?! — переспросил ещё не совсем проснувшийся полковник. — А там-то что?!

— НАТО хочет отжать у нас полуостров. Попробую добыть доказательства.

— Хорошо бы, — проснулся окончательно Гришаев. — Это было бы аргументом в разговоре с парламентом и президентом.

— Я тоже так думаю. Будьте на связи...

— Подождите, — Евгений Арсеньевич смекнул о том, что затеял Ткачёв. — У меня есть приятель в контрразведке Черноморского флота. Капитан первого ранга Чернышёв. Если что, то скажете ему...

— Привет от Хмеля. Позвоните и предупредите.

— Принято, — отозвался Гришаев.

Утром Евгений Арсеньевич запросил приём у куратора. Получив подтверждение, и не раздеваясь, прошёл к нему в кабинет. Куратор выглядел измученным, с темными кругами под глазами.

— Исчез помощник Джонатана Хэя, — взглянул он на Гришаева исподлобья. — Помощник посла рвёт и мечет... Устроил в нашем МИДе скандал. Вызвали министра МВД а тот, ни сном ни духом...

— В мае найдётся, — тихо сказал полковник. — Как снег в лесах растает.

Он не стал объяснять куратору, что Гарри прикопали на кладбище в безымянной могиле.

— Ты серьёзно?!

— Да куда он денется! По проституткам шарится, наверняка. Улетел куда-нибудь во Владивосток...

— Да и хрен с ним! — со злостью выговорил куратор. — Что у тебя за срочность?

— Организатор передал, что есть подтверждение того, что Клинтон отменил свой визит в Москву. И ещё... НАТО планирует экспансию в Крым. Эту информацию сейчас пытаются подтвердить документально.

— Плохо, — понуро опустил голову куратор и потянулся к телефону. Набрал номер. — Юрий Михайлович, утро доброе... Как там в Крыму, ничего не слышно? Что?! Звонил Мешков?!

Куратор напряженно выслушал мэра столицы и повесил трубку. Взглянул на Гришаева.

— Кучма ликвидировал Конституцию Республики Крым... В Симферополь к парламенту выслан украинский спецназ...

— Твою же за ногу! — тихо выругался полковник и схватился за спутниковый телефон,

под удивленным взглядом куратора.

Ткачёв с Хмельём вышли из здания аэропорта, и Хмель отправился искать машину. Андрей Викторович посмотрел по сторонам, и удивился малолюдности. Он уже намеревался поговорить с проходящим мимо мужиком, как в кармане зазвонил телефон.

— Спецназ Украины послан в парламент Крыма, — раздался встревоженный голос Гришаева.

— Принято. Звони своему приятелю, пусть присылает транспорт к парламенту.

— Крым уже территория Украины...

— Да насрать! — не сдержался Ткачёв. — Пусть легковушки снарядит с переодетыми морпехами. И дай ему мой номер телефона. Про пароль не забудь...

Андрей Викторович выключил связь и побежал к Хмелью, о чём-то убеждавшего таксиста.

— Не, паря, я не поеду, — говорил таксист — немолодой мужик с повисшими, как у запорожского казака, усами. — Тут у нас такое творится перед парламентом.

— Сколько стоит твоя машина? — на ходу спросил Ткачёв. Хмель слегка вздрогнул, но всё понял. Полез в карман куртки за деньгами.

— Да вы чего?! — испугался таксист.

Андрей Викторович подошёл к нему вплотную.

— Три тыщи долларов тебе хватит. За твоё ведро и двух сотен достаточно. Две восемьсот тебе за молчание...

— Да и сказать-то некому, — мужик взял деньги, протянутые Хмельём. — Техпаспорт возьмите... У меня сцепление высокое...

Хмель уже сидел на водительском сидении. Подождал, пока в машину сядет Ткачёв, и тронулся с места, заставив автомобиль завизжать покрывками.

— Сцепление и, вправду, высокое, — недовольно сказал Хмель, выкруливая на главную дорогу. — А ещё нам нужно вооружиться и раздобыть броники. Ладно, это в процессе сообразим, — лицо агента приобрело выражение хищника, учуявшего свежую кровь жертвы. — Какие планы, генерал?..

Ткачёв облокотился на спинку сидения.

— План такой. Лихо подруливаем к парламенту, гордо туда заходим, хватаем президента Мешкова, документы, и быстро сваливаем оттуда.

— Ну-ну, — улыбнулся Хмель. — А группа поддержки будет?

— А вот сейчас и узнаем, — Андрей Викторович достал надрывающийся звонком телефон. — Слушаю.

В трубке помолчали, потом раздался неуверенный мужской голос:

— Э-э-э... Привет от Хмеля.

— Поддержка будет? Мы сейчас едем к парламенту.

— Только шесть человек на машинах.

— Оружие?

— Не штатное.

Ткачёв пригорюнился. Придётся воевать пистолетами. Гранатомёты и автоматическое оружие не помешало бы.

— Кто старший?

— Капитан-лейтенант Морозов. Он выйдет со мной на связь, когда подойдёт к парламенту.

— Принято. Выведите его на меня при подходе.
Хмель прибавил газу.

Здание Крымского парламента было оцеплено солдатами в форме украинского спецназа, но двери в здание постоянно открывались и закрывались. Люди сновали по площади перед парламентом, некоторые кричали что-то и размахивали российскими флагами. К ним тут же подбегали солдаты и быстро уводили с площади. Стрельбы не было, только жуткая суматоха и суета.

— Ну, мы гордо подъехали, — сказал Хмель, остановив машину. — Что дальше?

— Дальше выходим и спокойно идём внутрь.

Хмель пожал плечами и вылез из машины, оценивающе взглянул на здание парламента и окружавших его солдат.

— Ладно, пошли.

Едва они приблизились к оцеплению, как один из солдат вытянул руку.

— Стоять.

Ткачёв моментально оценил обстановку, заметив, что внутрь пропускают только женщин с небольшими пакетами. В этих пакетах, видимо, были продукты.

— Служивый, а что тут твориться-то? — он невинно спросил солдата.

— Ничего. Отойдите, — строго выговорил тот, надвигаясь на Андрея Викторовича.

— Ладно, ладно. Не дави так...

Они отошли от оцепления на пару десятков метров.

— Спокойно внутрь зайти не удалось, — сказал Хмель. — Будем заходить беспокойно?

— Будем наблюдать, — ответил Ткачёв. — Ты заметил, что в здание женщин пропускают? Они туда носят что-то. Видимо, уже не первый день осада. Лови какую-нибудь выходящую даму, вот у неё и спросим.

Ждать пришлось недолго. Из дверей здания вышла женщина и быстро зашагала прочь. Хмель и Ткачёв догнали её в ближайшем переулке. Женщина сначала испугалась, но Андрей Викторович, проявив всё своё обаяние, сумел её разговорить.

По её словам президент Крыма заперся в своём кабинете и держит осаду. Народ носит ему еду, воду. Рядом с ним ещё несколько человек, но их количество уменьшается с каждым днём. Возле дверей кабинета четыре спецназовца и два сотрудника СБУ. По коридору тоже украинских солдат хватает. Хмель попросил её набросать схему коридора на песке.

— Так жалко Юрия Александровича, так жалко, — причитала женщина, смахивая слёзы.

Ткачёв отпустил её, и вопросительно посмотрел на агента. Тот в раздумье покусывал губы.

— Надо забирать Мешкова, — сказал он. — Долго не протянет. Но туда надо пробиваться, а у нас ничего нет.

— Спецназ тоже долго стоять не будет, — сморщился Ткачёв. — Но стрелять они не будут — факт.

— Тогда что?

— Травить будут. Другого выхода у них нет. И времени нет. Вдруг русские морпехи заявятся, как ни крути, а Севастополь рядом.

— Травить?! — удивился Хмель.

— Да. Потом вызовут машину «Скорой помощи». Вот мы и зайдём вместе с бригадой.

Наверняка, там будут СБУшники, чтобы под видом оказания помощи вколоть какую-нибудь дряннь.

Хмель оглядел площадь перед зданием Парламента.

— И заходить они будут не с парадного входа.

— Да, — кивнул Ткачёв. — С парадного будут выносить. Пойдём посмотреть место, откуда видно всё здание. Ты как, справишься с толпой спецназа?

Ответом было громкое хмыканье.

— Давненько я не разминался на спецназе. Всё больше урки, махающие ножом, как вилкой. Да накаченные кабаны, решившие, что они знают приемы каратэ.

Они выбрали место и стали наблюдать за «задним» двором здания, но зазвонил телефон Ткачёва.

Оказалось, что морпехи Черноморского флота подъехали к площади и искали встречи. Андрей Викторович назвал место randevu.

На встречу пришли два крепких парня, в которых уже издали можно было узнать военных.

— Зачем так палиться? — прошипел Хмель. — Викторыч, поставь им задачу по наблюдению.

Хорошо ещё, что у них были мини-рации, и Ткачёв кое-как создал схему оповещения на тот случай, если что-то пойдёт не так.

— Мужики, — сказал он морпехам, — мы ждём приезда кареты «Скорой помощи». Надо постараться так, чтобы отсечь её от наблюдения спецназом. То есть, ближайшие посты по приезду чем-то отвлечь. И по моей команде прикрыть отход, если у нас всё получится. В случае стрельбы, докладывайте в штаб флота. Пусть прикрывают чем угодно, хоть главным калибром с крейсера «Варяг»...

— Это ракетный корабль, — заметил один из морпехов.

— Значит, ракетами, вертолётами, танками. Я же сказал — чем угодно.

— Хорошо, мы доложим капитан-лейтенанту.

Когда морпехи ушли, Хмель восторженно взглянул на Ткачёва.

— Ну, ты, прямо стратег!

Андрей Викторович отмахнулся.

— Не отвлекайся.

Ждали долго. Когда начали подступать сумерки, Хмель заметил, что спецназовцы в оцеплении зашевелились.

— Андрей, пошла движуха.

Ткачёв тут же передал по рации:

— Всем приготовиться. Ждём «скорую»...

Через несколько минут «буханка» с красными крестами на бортах, негромко тарахтя, стала подбираться к одному из боковых входов в здание парламента. К этому же входу рысцой поспешила пара спецназовцев.

— Я беру на себя эту парочку, а ты ломись в машину, — сказал Хмель Ткачёву, разминая суставы. — Я тебе помогу, дай мне немного времени. Фельдшер, наверняка, сидит рядом с шофёром, а внутри несколько громил без оружия.

— Думаешь? — с тоской спросил Андрей Викторович. — Я не мастер рукопашного боя в замкнутом пространстве.

— Не дрейфь, Викторыч. Прорвёмся. Пошли!

Они подождали, пока спецназовцы встанут у входа, затем Хмель сорвался с места так стремительно, что Ткачёв даже моргнуть не успел. Он побежал следом за Хмелём изо всех сил, не теряя из виду машину «скорой».

Хмель уже настиг ничего не подозревающих солдат, но дальше Андрей Викторович уже не видел его действий — борт «буханки» загородил обзор, и Ткачёв не смог насладиться зрелищем короткой схватки.

Дверь машины стала открываться, но фельдшер — молодая и симпатичная девушка, вылезти не успела. Подбежавший Ткачёв на ходу закрыл её дверь, и дернул на себя ручку боковой двери в салон машины...

На Андрея Викторовича недоуменно смотрели три здоровых мужика в белых халатах. — Чего уставились?! — не растерялся Ткачёв. — Носилки давайте!

Пока мужики натужно соображали, что за хрен тут раскомандовался, в салон мимо Ткачёва буквально «затёк» Хмель.

Ближайший «врач» получил такой мощный удар по лицу, что Андрей Викторович зажмурился на мгновение, представив как тому было больно. Второй «врач» был схвачен Хмелём за чуб, слегка падающий на глаза, и весьма чувствительно соприкоснулся лбом о железный поручень сложенной в салоне каталки. Звук был такой, будто раскололся перезрелый арбуз. Третий сумел оценить мастерство Хмеля по достоинству, но агент изловчился и, схватившись за какую-то железяку на потолке, нанес могучий удар ногами «врачу» в грудь. Потом прыгнул вслед упавшему на каталку мужику и окончательно «успокоил» тычком кулака.

Фельдшер, шофёр и два подбежавших морпеха восторженно и удивленно взирали на поле «битвы».

— Что застыли? — сверкнул глазами Хмель. — Переодеваемся в халаты и несём носилки. А вам, джентльмены, — он кивнул морпехам. — Все тушки связать и быстро отнести внутрь здания. Э, фельдшера и шофёра не трогать! Шевелитесь!

Пока морпехи разбирались с бесчувственными телами, Хмель и Ткачёв переоделись в белые халаты и потянули из задней двери «буханки» каталку. Под ней лежал небольшой арсенал: два гранатомёта и автоматы с запасными рожками. Небольшой кучкой в ящике были сложены гранаты.

Хмель протяжно свистнул.

— Какой неожиданный бонус!

И подхватив автомат, положил его на каталку, прикрыв простыней. Подумав, прихватил пару гранат. Потом свистнул шофёру.

— Любезный, ты машину не глуши — мы быстро.

Шофёр утвердительно икнул и повернул ключ в замке зажигания.

— Мадмуазель, — Хмель улыбнулся фельдшеру. — Ваш выход. За кем вы приехали со столь внушительным арсеналом?

— За Мешковым, — ответила фельдшер. — На станцию пришли те трое и приказали выезжать к парламенту. По дороге они загрузили оружие и сказали нам молча выполнять то, что они скажут.

— Тогда пошли, — Хмель кивнул Ткачёву. — Подхватывай носилки.

Они зашли в здание и по стали подниматься на второй этаж. Фельдшер чуть вздрогнула, увидев под лестницей тела, сваленные в кучу. Морпехи уже успели надеть куртки спецназовцев и прихватить их оружие.

На втором этаже их встретил офицер спецназа и, всмотревшись в лица пришедших, удивленно выпучил глаза.

— А вы кто?..

И потянулся к кобуре. Хмель стремительно прыгнул к нему и мощным ударом ладони в шею свалил с ног. Ткачёв, увидев уже бежавших к ним по коридору спецназовцев, выдернул из-под простыни автомат и бросил Хмелю, но бегущих по коридору встретили морпехи, наведя на них оружие. Бойцы спецназа остановились, не понимая, что происходит.

Хмель быстро взглянул из-за угла в другую сторону, и, отпрянув, громко сказал:

— Парни, мы не хотим крови! Отойдите от кабинета президента! Мы заберём его, и уйдём.

— А что нам делать потом? — раздался голос и щелчки взводимых затворов.

— Его всё равно должна была забрать команда со «Скорой помощи»! — крикнул Хмель. — Со мной фельдшер. Просто отойдите.

Спецназовцы с другой стороны топтались на месте под прицелом морпехов, потом решили, что под пули им лезть рановато и побежали прочь.

— Хмель, надо решать, — заметил Ткачёв. — Сейчас подмогу позовут...

Агент кивнул и достал гранату.

— У вас, парни, три секунды, чтобы смотаться отсюда!

В наступившей тишине громко раздался щелчок сбрасываемой скобы, и ребристый снаряд покатился в сторону кабинета президента. Тонкие брови фельдшера изогнулись вверх так, словно хотели улететь с её лица. Послышался быстрый топот ног, матерная ругань и грохот взрыва.

Перед Хмелем упали на живот три парня в форме спецназа, и на них посыпались ошметки штукатурки и осколки деревянного наличника. По стенам взвизгнули разлетающиеся осколки, срикошетив, застревая в паркете.

— Дебилы, — прошептал Хмель, и по очереди, нанес по удару упавшим спецназовцам. Развернулся к Ткачёву. — В кабинет с фельдшером, быстро!

Ткачёв потянул девушку за собой. Он ногой опрокинул висевшую на одной петле изрешеченную дверь, и кинулся к худому мужчине в кресле. Аккуратные густые усы президента Крыма контрастно чернели на его бледном лице. Руки с трудом удерживали нарезное охотничье ружьё. Рядом с креслом забила под стол пожилая секретарь.

— Юрий Александрович, мы за вами, — сказал Ткачёв, прислонив пальцы к шее Мешкова. Тот с трудом открыл глаза, и фельдшер засуетилась, прощупывая пульс. Подскочил Хмель с автоматом.

— Уходить надо. Сейчас сбежится спецназ, не отобьёмся.

Мешков, видимо, услышал Хмеля, и вяло указал пальцем на секретаря.

— Документы, — едва слышно прошептал он. — Маша, отдай им доку...

И голова его безвольно упала на плечо.

— Надо быстро в больницу! — сказала фельдшер. — Давление явно падает.

Хмель подхватил Мешкова и перебросил через плечо. Грозно взглянул на испуганную секретаршу.

— Шевелитесь!

Та вскочила и достала откуда-то из пола две папки, протянула. Ткачёв подхватил папки и фельдшера.

— Уходим!

На улице секретаршу отпустили восвояси, морпехи скинули куртки и автоматы, а Мешкова усадили в машину «Скорой помощи».

— Передайте капитан-лейтенанту, чтобы связался со мной, — сказал Ткачёв морпехам, усаживаясь в машину. — Уходите быстрее!

Карета «Скорой помощи» рванула вперёд.

— Куда едем? — крикнул шофёр, включая сигнальные маячки.

— В военный госпиталь, — приказал Ткачёв. — Там СБУшников, наверняка, ещё нет. И маячки выключи, чтобы внимание не привлекать.

Но Андрей Викторович ошибался. У ворот военного госпиталя СБУшники уже осматривали каждую заезжающую на территорию карету «Скорой помощи». Ткачёв прикрыл своим телом щуплого Мешкова, изобразив больного, а фельдшер подвесила к потолку капельницу. Хмель, на всякий случай, держал оружие под рукой, но спрятался в полумраке салона у борта.

Дверь в салон открыл немолодой пузан в форме офицера СБУ. Пристально взглянул на скорчившегося Ткачёва. Как назло, у Андрея Викторовича зазвонил телефон, и он решил импровизировать — достал спутниковый аппарат и проговорил с легким акцентом:

— Да, сэр, меня привезли в военный госпиталь. Какой-то урод возле кабинета президента Крыма взорвал гранату. У меня легкая контузия, сэр... Русские повезли бывшего президента в Севастополь.

Ткачёв состроил болезненную гримасу и свободной рукой показал пузану, что надобно дверь закрыть и машину пропустить.

Офицер, видимо, оценил новомодную технику и легкий акцент. Дверь закрылась.

— Проезжай быстрее!

Шофера не надо было уговаривать, и он повёл машину к приёмному покою. Андрей Викторович сказал в трубку:

— В Севастополь нам не добраться, повсюду посты СБУ. Мы сейчас в военном госпитале, но долго не сможем тут находиться.

— Дайте мне полчаса, — сказал капитан-лейтенант. — Я пришлю за вами транспорт и парочку сопровождающих.

— Принято, — Ткачёв отключил связь и с неудовольствием оценил заканчивающееся питание телефона.

— Это я-то урод? — вдруг «проснулся» Хмель.

— Нет! — также неожиданно воскликнула фельдшер. — Вы симпатичный.

Мешкова под видом прапорщика положили в палату к солдату, страдающего какой-то желудочной инфекцией. Ткачёв, предположив, что президенту Крыма дали не такой сильный яд, запретил медперсоналу колоть ему препараты. Состав яда был неизвестен, и любое лекарство могло спровоцировать его действие.

— Ты потерпи, Юрий Александрович, — тихо говорил он Мешкову на ухо. — Потерпи...

Тот только сжимал побелевшими пальцами пружины кровати, испытывая боль, но Ткачёв не был уверен, что в медперсонал не внедрён агент СБУ. Андрей Викторович сам представился офицером СБУ, отгоняя от палаты всех врачей. Хмель сидел с автоматом напротив входа в палату и делал вид что дремлет.

Прошло два часа и, наконец, Ткачёву сообщили, что их ждёт машина. Хмель сходил посмотреть и, вернувшись, подтвердил, что два переодетых офицера Черноморского флота

постараются эвакуировать Мешкова в Россию. Вроде как, о чём-то с кем-то договорились.

— С ними поедет, — Ткачёв решил, что страховка не помешает.

Около выхода и впрямь стоял чёрный старенький «Чероки» с украинскими номерами. Измождённого Мешкова усадили на заднее сидение между Ткачёвым и одним из офицеров, а Хмель погрузил в багажник арсенал, взятый из «буханки» скорой помощи. Туда же положил документы.

— Будем эвакуировать через Керчь, — сказал офицер за рулем, видимо, старший в команде. — Там мы договорились за катер, и за пропуск на причал.

— Поехали, — кивнул Ткачёв. — Есть какой-нибудь документ на случай осмотра?

— Да, — офицер вырулил с территории госпиталя, и прибавил скорость. — Нас ждут через три часа. Нам бы только до Багерово без приключений добраться...

— А там что? — спросил Андрей Викторович.

— Там нас встретит бригада наших медиков. У них специальная машина и охрана.

— Это хорошо, — устало вздохнул Ткачёв и закрыл глаза.

Секретарь Совета безопасности России зашёл в кабинет президента. В руках он держал красную папку с гербом России.

Президент взглянул на него суровым взглядом, мол, ты чего принёс мне вместо того, чтобы поднести рюмку? Потом сообразил, что сидит не за обеденным столом и, поджав губы, указал на стул.

— Ну, что там?

Секретарь не спеша присел и раскрыл папку.

— 17 марта сего года, как вы знаете, Леонид Кучма прямым указом ликвидировал Конституцию Республики Крым от 1992 года...

— Да, знаю я! — перебил его президент. — Не тни, давай по существу.

— Кучмой отдана команда СБУ занять все ключевые позиции на полуострове и арестовать Президента Республики Крым. Советом безопасности России дана правовая оценка этому действию, — секретарь выдержал эффектную паузу. — Это государственный переворот и аннексия Крыма в пользу Украины.

— Это почщему? — выпучил глаза президент, едва двигая разбухшим от алкоголя языком.

— Мы рассмотрели доставленные из Крыма документы. Согласно первой статье Конституции Республики Крым от 6 мая 1992 года Республика Крым является правовым, демократическим государством и осуществляет суверенные права и всю полноту власти на своей территории. Статья седьмая этой же конституции предусматривает, что территория Республики Крым является неприкосновенной и не может быть изменена без ее согласия, а особый статус города Севастополя, как неотъемлемой части Крыма, определяется соответствующими законодательными актами Республики и не может быть изменён без согласия его граждан. А в статье сто одиннадцать чётко прописано, что к полномочиям, составляющим исключительную компетенцию Верховного Совета, относятся принятие Конституции, конституционных и иных законов Республики, внесение в них изменений и дополнений. Поэтому крымскую Конституцию 1992 года должен был отменять отдельным законом только республиканский парламент, — секретарь чуть помолчал, переводя дыхание, затем продолжил. — Президента Крыма Мешкова спасли от ареста офицеры Черноморского флота. При нём были документы, удостоверяющие, что Верховный Совет Крыма не отменял Конституцию автономии 1992 года.

Выслушав, президент долго думал, постукивая пальцами по столу, и секретарь Совета безопасности неожиданно прервал его раздумья.

— Есть доказательство того, что переворот осуществлялся не без помощи американцев. К нам попали документы, в которых НАТО планирует создание в Крыму двух военных баз. Якобы, для противодействия террористической угрозе с Кавказа.

Тут до президента, что называется, дошло. Он понял, что друг Билл его просто кинул. Как и друг Леонид. Они втайне сговорились, и решили его слегка подвинуть. И это после всего, что он сделал! После того, как предложил одностороннее ядерное разоружение России.

Президент гневно схватился за трубку телефона межправительственной связи, но, едва приподняв, замер. Он позвонит другу Биллу... но потом, не сейчас. Сейчас он не в форме.

— Вынеси на утверждение Госдумой РФ постановление, в котором было бы предложено Верховному Совету, президенту и Правительству Украины обеспечить населению Республики Крым право на свободное волеизъявление по отношению к Конституции Республики Крым, — сказал он, вернув трубку на место.

В 1997 году президент РФ, в благодушном нетрезвом состоянии подписал со своим новым украинским коллегой Леонидом Кучмой «договор о дружбе», согласно которому Россия признала Крым частью территории Украины.

Это пьяное благодушие продолжилось антиНАТОвскими митингами 2006 года, устроенными жителями Крыма. Когда США с согласия Киева попытались закрепиться в Крыму. В Алуште и Феодосии было намечено строительство двух американских военных баз. Корабли НАТО завезли не только строителей, но и солдат, военную технику и оборудование. Но эти планы были сорваны.

Бывший партийный лидер Крыма Леонид Грач вспоминает: после своей отставки Ельцин в 2001 году приехал с семьёй на отдых в Крым, они встретились, долго сидели, выпивали. Леонид Иванович осмелился спросить у бывшего президента: почему он позволил при разделе СССР оставить Крым в Украине? Неужели не мог настоять? Ведь хрущёвскому решению 1954 года уже дана была правовая оценка: что оно было принято с грубым нарушением советского законодательства и юридической силы не имеет!

Ельцин смолчал...

Июнь 1995 года выдался теплым.

Куратор был доволен. Структура сумела выполнить поставленную задачу, и Госдума приняла на рассмотрение пакет законов, касающихся ратификации международных договоров президентом. Теперь без одобрения всех палат Парламента России президент не мог в одностороннем порядке ратифицировать договора, касающиеся вооруженных сил. И наконец-то была создана Федеральная Служба Безопасности.

Потеря Крыма, конечно, больно ударила по России и жаль, что президент так и не сумел этого понять.

— Полковник, а что вы думаете по Кавказу? — спросил куратор Гришаева. — Мораторий скоро заканчивается, и, наверняка, боевики воспользовались этим.

— Достоверной информации у меня нет, а с вновь созданной ФСБ контакты ещё не налажены.

Куратор недоволен поморщился.

— Березовский как-то странно активничает. Пора придать огласке его связь с боевиками.

— У нас нет прямых доказательств, — возразил Гришаев.

— Поставьте задачу структуре.

— Хорошо.

После операции в Крыму Ткачёв решил отдохнуть пару дней. Возраст давал о себе знать. Андрей Викторович уже не был так быстр на подъём, быстро уставал и порой мучился от боли в суставах и мышцах. Он видел, что Хмель тоже страдает, хоть и не подаёт виду.

— Молодежь нужна, — Ткачёв взглянул на агента, по обыкновению вечером лежавшего на диване. По телевизору показывали какой-то фильм, и Хмель дремал под негромкий звук.

— Правда твоя, Андрей, — агент кряхтя поднялся с дивана. — Завтра выходим на поиск. Что говорила Вика про молодых?

— До тридцати лет. Скорее всего, работает в милиции. Псевдоним «Барс». У него ещё три человека в группе. Крутится, по словам Вики, где-то около Лубянки.

— Понятно. Утром гримируемся под бомжей и выходим, — Хмель вернулся в горизонтальную позу. — Шмель нас прикроет.

Ткачёв согласился и вышел на кухню заварить себе чай. Заодно прихватил карту Москвы, чтобы построить маршрут для поиска. Тренькнул вызовом телефон.

— Слушаю.

— Замечена активность переговоров в американском посольстве, — это докладывал начальник «прослушки» бывший майор Федосеенко. — Очень часто упоминается группа в двести боевиков, готовых к выходу.

— Место?

— Не обозначают, но зная, как они работают, о месте можно будет узнать в самом начале — они будут запрашивать данные со спутников.

— Хорошо. Держите меня в курсе. Как только начнётся движение — сообщите.

— Принято, — отозвался Федосеенко и отключился.

На кухню заглянул Хмель.

— Чего там?

— Утром направь Шмеля на сбор и разнос информации. Обойдёмся без прикрытия.

— Как скажешь, — с наигранным безразличием сказал агент и отхлебнул чай из кружки Ткачёва. Андрей Викторович заметил, что Хмель немного нервничает.

— Что-то случилось? — участливо спросил у агента Ткачёв.

— Нет, — коротко ответил тот и ушёл в комнату.

Утром они стояли неподалёку от отделения милиции и рассматривали спящих взад вперёд милиционеров.

— Как думаешь, наш фигурант в каком звании? — Хмель неторопливо кусал пирожок с капустой, купленный в булочной.

— Не думаю, что выше старшего лейтенанта. Я бы на его месте служил бы в патрульных, не привлекая особого внимания. А ещё, думаю, он следит за своей физической формой.

— Возможно и так, — согласился Хмель. — Но что-то подсказывает мне, что он не служит в патрульных. Там мало тренировок и для тела, и для ума. Они же готовились, как оперативные агенты, значит, должен быть опером. Незаметным, не выдающимся, но опером. И вся группа должна быть рядом, для тренировки совместных действий.

— То есть, мы ищем опергруппу милиции? И приблизительно одного возраста?

— Да. Не думаю, что старики, типа нас, у них в группе.

Они постояли ещё с полчаса, и когда уже собирались уходить, к отделению подъехал джип «Паджеро», из которого вылезли четыре бравых молодца. Трое бодро взбежали по лесенке у входа в отделение, приветствуя собравшихся покурить коллег, а последний остановился и резко оглянулся, будто почувствовал, что за ним кто-то наблюдает.

— Везёт тебе, Викторыч! — восхитился Хмель. — Это они.

— Почему ты так думаешь?

— У последнего походка очень приметная. Как у снежного барса в период охоты.

— Я слышал, что ирбисы не охотятся на людей, — тихо сказал Ткачёв. — Они их боятся. А этот явно никого не боится.

— Ладно, — Хмель вынул сигарету. — Пойду к ментам на разведку.

Нетвёрдой походкой Хмель подошёл к курившим у входа в отделение милиционером, что-то спросил. Те отвечали явно с подозрением и неохотой. Хмель ещё немного постоял с ними, потом пошёл прочь, незаметно махнув Ткачёву.

Андрей Викторович догнал его в переулке.

— Что?

— Похоже, что «наши» ребята кого-то здесь крышуют. Менты, конечно, неразговорчивы, но по их отношению к этой четвёрке, я догадался.

— И что делать?

— Изобразим бандюганов и наедем на их точку. Они тут же из норы вылезут, — со знанием дела объяснил Хмель.

— И как мы вычислим эту точку? — удивился Ткачёв.

— Просто, Андрей. Ищем в округе слегка пафосное, но хорошее кафе. Кстати, «Барс» по званию капитан, и фамилия его Снегов. Пойдём переодеться, и вечером двинем. Может быть, нарвемся на их джип — номера я срисовал. И Шмеля подключим для прикрытия.

Всяких кафе в центре Москвы предприимчивые люди поставили достаточно. Ткачёв и Хмель зашли в одно, потом в другое, и после недолгих поисков упёрлись в уютное заведение почти у Садового кольца.

Внутри играла тихая музыка, симпатичные официантки дружелюбно улыбались любому посетителю.

— Это здесь, Викторыч, — твердо сказал Хмель. — Я не вижу в зале бандитских рож, и персонал улыбочив до омерзения. Заведение явно под ментовской крышей. Может быть, не под «нашей» четвёркой, но проверить стоит. Может, отобедаем?

— Давай, — согласился Ткачёв, занимая свободный столик.

Хмель стал заигрывать с официанткой, но без особого успеха. Девушка улыбалась, будто робот и на вопросы отвечала односложно. Они заказали еду, и стали дожидаться. Вскоре, вместо заказа к ним подошёл мужчина в строгом костюме.

— Господа, у вас всё хорошо?

— А с какой целью интересуетесь? — Хмель недоуменно посмотрел на него.

— С целью узнать, всё ли вас устраивает в нашем заведении.

— Всё ништяк, — махнул рукой агент, и мужчина отошёл.

Принесли еду.

— Здесь точно ментовская крыша, — тихо сказал Хмель. — Удачно мы зашли.

Ткачёв не стал расспрашивать про признаки той или иной «крыши» и предпочёл спокойно отобедать. Выходя из кафе, Андрей Викторович заметил «Паджеро» того же цвета, что стоял у отделения милиции. Машина была припаркована несколько вдалеке от входа. Ткачёв удовлетворённо улыбнулся — они нашли того, кого искали. И очень быстро, что радовало.

Работы было много. Ещё и Гришаев позвонил и передал просьбу куратора выяснить причастность Березовского к бандформированиям на Кавказе и найти этому подтверждение.

— А что, новообразованное ФСБ не может этим заняться? — недовольно спросил Ткачёв.

— Директор ФСБ, похоже, предпочитает не замечать влияние Березовского на Кавказе.

— Допустим. Какие материалы будут являться доказательством?

— По некоторым данным, Березовский открыто разговаривает с полевыми командирами. Запись такой беседы была бы очень полезна.

— Хорошо. Я подумаю, что можно сделать.

На самом деле, Ткачёв не понимал, где можно взять такую запись. Если только не ходить за Березовским по пятам с микрофоном или диктофоном.

— Что-нибудь придумаем, — как всегда, пространственно-неопределённо, выразился Хмель.

Вечером в кафе народу было немного. Это не было странным — в Москве было довольно спокойно от разборок всяких группировок, и предприимчивые жители предпочитали сидеть дома, нежели попасть под очередную перестрелку или взрыв автомобиля.

Ткачёв изображал этакого авторитета с нарисованными на пальцах перстнями, а Хмель быковато взирал на обстановку в образе охранника. Неподалёку от кафе в старенькой машине сидел Шмель на подстраховке.

Официантки, уже другие, так же натянуто улыбались, а мужик в строгом костюме слегка напрягся, увидев в зале импозантную парочку. Ткачёв щёлкнул пальцами, подзывая его.

— Уважаемый, сделай нам мясо, — Андрей Викторович шепелявя, указал перстом на столик в глубине зала. — И не забудь там... зелень-шмелень. Спиртное не надо.

— Проходите, — чуть склонился мужик в костюме. — Только надо будет немного подождать.

— Подождём, — кивнул Ткачёв и, хромя, направился к указанному столику. Хмель грубо плечом отстранил мужика.

Начало было положено. Сейчас метр в костюме «цынканёт крыше» и капитан Снегов примчится со своими людьми. Не мог не приехать. По всем законам «оперативного искусства». Ткачёв и Хмель смотрелись весьма достоверно, а таким, как они, вход в данное заведение был запрещён. Это, наверняка, знали местные бандиты.

Расчёт оправдался. Им ещё не принесли заказ, как ко входу подрулил «Паджеро», и четыре оперативника скромно присели у стойки, поглядывая на Ткачёва и Хмеля. Андрей Викторович усмехнулся — у одного из них под курткой обнажилась кобура с пистолетом.

— Серьёзные ребята, — сказал Ткачёв.

— Да уж, — поддакнул Хмель. — Дерзкие. Мы ещё и наехать не успели, как они всей толпой примчались.

Тот, кто по предположению Хмеля был капитаном Снеговым, подошёл к их столику. Присел, не спрашивая разрешения.

— Вам тут уютно, господа? — стального цвета глаза «капитана» смотрели, будто хотели просверлить в Ткачёве дырку. — Что за клоунату вы тут устроили? Кто вы?

— А чё за наезд? — поднялся было Хмель, но тут же сел обратно под дулом приставленного к затылку пистолета.

«Коллеги» капитана двигались изумительно быстро и чётко: один держал пистолет у головы, остальные встали по бокам столика, загородив видимость с улицы.

— Ничего, — ответил сероглазый. — Пройдёмте на улицу, тут незачем разговаривать. Я отменил ваш заказ, так что не беспокойтесь.

«Очень дерзко, и очень глупо», — подумал Ткачёв, выходя на улицу через другой вход — служебный на заднем дворе. Они встали под навесом, окружённые с двух сторон кирпичными пристройками. В темноте двора компанию было видно с трудом — фонарь под навесом светил тусклым прямым светом.

— Вы явно не блатные, — усмехнулся сероглазый. — Кто вы? И что вам нужно? А тебя, — он ткнул Ткачёву пальцем в грудь, — я заметил ещё у отделения. Правда, ты был в другом одеянии.

— Мы пришли предложить вам службу... Барс, — тихо сказал Ткачёв.

Сероглазый едва заметно дернул головой, будто отшатнулся.

— Вот как... И кому предлагаете служить?

— Родине...

Барс чуть не расхохотался в голос, остальные трое лишь улыбнулись, но такой быстрой улыбкой — механической.

— Вы, папаша, что-то перепутали, — сказал сероглазый. — Та родина уже закончилась, а ты... не мой куратор, — и снисходительно кивнул своим парням. — Кончайте их. Только быстро.

Ткачёв не увидел, а скорее почувствовал, как Хмель качнулся в сторону, выкидывая локоть в лицо противника справа, но... удар ушёл в пустоту. А Андрей Викторович в тот же миг получил очень болезненный и направленный тычок сбоку, под печень. Непроизвольно выпрямился, стараясь унять боль, и тут же удар в челюсть, несильный, но точный, свалил его с ног. Ткачёв упал, поймав сильное головокружение. И только потом, почувствовал жуткую

боль во всей голове. Скорчившись, схватился за неё, будто не давая черепной коробке разлететься мелкими кусками. Потом послышались быстрые шаги, глухие удары, охи и выдохи.

— Стойте! — прохрипел Андрей Викторович, держась за голову, и попытался подняться на ноги.

— Андрей, не вставай! — крикнул Хмель.

Ткачёв послушался, тем более ему на спину приземлилось чьё-то тело, и он от неожиданности даже забыл про боль. Вылез из-под упавшего, повернувшись, и увидел залитое кровью молодое лицо. Безжизненное, с кровоточащей раной вместо глаза.

— Это что же такое делается?! — прошептал Андрей Викторович с болью в голосе. — Мы зачем убиваем друг друга?!

Он обшарил убитого, и вынул из его кобуры пистолет, под звуки быстрых и непрекращающихся ударов. Осмотрел поле «битвы».

Хмель и Барс обменивались стремительными ударами, ставя блок и уклоняясь. Хмель был явно в ярости — искаженное и ледяное лицо со струйкой крови с виска, сжатые губы, легкие движения. Барс так же холодно отбивался, будто нехотя. Под светом фонаря лежали тела и не шевелились. Среди них Ткачёв заметил рыже-чёрную бородку, и оскаленный открытый рот.

Хмель пропустил удар и, вскрикнув, прыгнул назад. Барс сделал было движение, чтобы добить его, но увидел чёрный зрачок пистолетного ствола. Громко щелкнул взводимый курок.

Барс остановился, будто вышел из какого-то транса. Медленно взглянул на лежащие трупы.

— Вот нахрена вы притащились? — спросил он Ткачёва. — Что же вам нужно?

— Уже ничего, сынок, — ответил Андрей Викторович, не отводя пистолет. — Они могли ещё жить и принести пользу. Но ты даже не стал с нами разговаривать. Ты кем себя возомнил-то, парень? За две минуты друг друга убили лучшие агенты, которых готовили, чтобы защищать страну...

— Папаша, иди на фиг со своей моралью, — зашипел Барс. — Той страны уже нет, а в этой каждый сам за себя. Открой глаза, папаша! Рулят баксы, а не твоя говёная идеология. Ты понял?!

— Не тебе решать, кто и что рулит, — ответил Ткачёв. — Ты мог просто с нами поговорить, но не стал. А стал убивать. Почему?

— Да пошёл ты!..

Пистолетный выстрел раздался глухо, будто и не было кирпичных кладок по бокам, и железного навеса. Барс дернул простреленной головой и медленно склонился на асфальт.

— Ты чего антимионию развёл? — Хмель выдернул из ладони Ткачёва пистолет, быстро осмотрел. — Классная машинка. Бьёт без звука. Вставай, Викторыч. Надо убираться отсюда.

Ткачёв, всё ещё сидя на земле, тупо наблюдал, как суетится Хмель, пытаясь придать прошедшей резне вид перестрелки. Агент немного задержался у тела Шмеля, что-то прошептал и прикрыл ему глаза. Потом поднял охнувшего от боли Ткачёва, и повёл его дворами прочь.

На квартире Андрей Викторович неподдельно удивлялся. Хмель, вымывшись под душем, обработал раны и повалился на диван, включив телевизор. Будто и не было ничего. Только руки чуть дрожали, нажимая на кнопки пульта.

Ткачёв прошёл на кухню и схватился за голову. Она болела, но не так сильно — помогли таблетки. Тошно было на душе. Ещё сильнее, как тогда, в восемьдесят втором... Тогда тоже было невыносимо больно, но рядом был и Хмель, и Шмель, и девчонки-агенты. Было с кем продолжать работу, а сейчас... Их осталось всего двое, если не считать Вику. Больше оперативников не было, да и Ткачёв не мог действовать как полноценный агент.

На кухню зашёл Хмель — мрачный, как грозовая туча. Молча налил себе кофе и уселся за стол.

— Собираемся на юга. Викторыч. Это будет наш последний выход. Всё!

— То есть?! — не понял Ткачёв.

— Будем набирать новых оперативников и обучать. Лет на пять затихаримся, да и деньгами обростём. Так и передай посреднику — пусть куратор хоть об стенку бьётся, но пять лет это минимум.

— Ладно, — согласился Андрей Викторович. — А зачем нам на юга?

— Поймаем какого-нибудь моджахеда в горах, постреляем его банду, и заставим сказать, что он лично целовал Березовского в попу, чтобы тот прислал им денег. Сдаётся мне, что там чуть ли не каждый полевой командир на зарплате у БАБа. Вон, даже по телику об этом вещают.

— Хорошо, не кипятись, — остановил агента Ткачёв. — Завтра будем собираться. Только по точкам проеду и информацию соберу. Кстати, во время нашего отъезда кто будет этим заниматься?

— Хулю предложи. Он старик ушлый, да и жаловался, что для него нет настоящего дела. А так, глядишь, духом воспрянет.

Хмель вылил недопитый кофе в раковину, и ушёл в комнату.

Хуль очень обрадовался, что ему предстоит, пусть и недолго, выполнять ответственное поручение.

— Иван Иванович, милейший! — восторгался гримёр. — Вы дали мне новую жизнь!

Ткачёв подумал, что вёрткий старик будет отличным исполнителем, в общем, несложного задания. И внимание к себе Хуль не привлекал — гуляет себе пожилой человек по городу, да и ладно.

На рабочем месте аналитика, Андрея Викторовича ждал сюрприз. Неким непостижимым образом, Сергей сумел вычислить место, куда с большой вероятностью будут выдвигаться боевики. Мало того, он чётко указал имя полевого командира — Шамиль Басаев.

— У-у-у, — протянул заглянувший в аналитическую записку Хуль. — Этот камрад может принести немало бед.

— Вы его знаете?! — удивился Ткачёв.

— Лично не знаком, но наслышан. Очень опасен и непредсказуем.

Самолёт приземлился в Минводах, и Хмель с Ткачёвым отправились на стоянку такси, чтобы найти машину. Правда, Андрей Викторович ждал звонка от «прослушки», дабы сориентироваться в направлении. Хмель, тем временем, осмотрел местность перед аэропортом.

— Всё забито людьми, — недовольно сказал агент, посматривая на постройки перед зданием аэропорта. — Хорошая цель для терракта. А охранять периметр можно одним взводом — местность позволяет. Дороги заминировать и в паре мест поставить пулемёты. В аэропорту вода и жрачка, осаду выдержать без проблем.

— Думаешь, они сюда пойдут? — обеспокоенно спросил Ткачёв.

— Не знаю, Андрей, — отмахнулся Хмель. — Что там наши «уши»?

— Молчат пока, — приуныл Андрей Викторович.

Они купили кофе и расположились на лавочке в тени. Ткачёв раскрыл карту, стал тупо всматриваться в название городов и направления дорог.

Зазвенел сигнал телефона.

— Это я... мой генерал.

— Вика?! — вскрикнул Ткачёв, и Хмель выплюнул кофе от удивления.

— Послушай и не перебивай, — говорила она быстро. — Они пойдут необычным маршрутом, затейливо. Будут выходить из Ойхары на восток, огибая Чечню с севера. Так что смотрите от Минвод на северо-восток.

Она отключилась, а Хмель отобрал у Ткачёва карту и стал водить по ней пальцем.

— Просёлками пойдут, — сказал он и ткнул в название " Будённовск«. — Нам туда.

— Почему, ты, так решил?

— У нас, приблизительно, одна школа. Я бы пошёл так же. Ищи такси до Будённовска.

Таксист оказался словоохотливым лихачём. Ткачёв сидел на заднем сидении, вцепившись в дверную ручку, а Хмель непринуждённо болтал с водителем. По дороге они миновали довольно много постов ГАИ и блокпостов, но по удалению от Минвод таковых становилось всё меньше. Только у самого Будённовска — в селе Прасковья был оборудован капитальный пост вместе с подразделением военных.

— Недавно солдат прислали на усиление, — объяснил водитель. — Сегодня утром их не было. А вы надолго в эти места? Есть, где остановиться?

— Дня на три, может, чуть больше, — ответил, покачиваясь на резких обгонах, Хмель. — У вас тут есть знакомые?

— Да! Двоюродная сестра с тремя детишками. У неё хороший дом прямо около местного РОВД. И деньги ей не помешают.

— Вези, — скомандовал уставший Ткачёв. — А муж-то сестрин где?

— На войне сгинул в прошлом году.

Двоюродная сестра водителя такси — усталая и исхудавшая женщина лет сорока с радостью приняла постояльцев. Выделила им комнату, светлую и просторную, принесла чистое бельё. Хмель отдал ей пятьсот долларов за три дня и ещё двести на еду. Хозяйка возрадовалась и стала наводить суету, подгоняя старших дочерей. Самый младший — паренёк лет пяти, светловолосый и голубоглазый, с интересом посматривал на постояльцев. Старшая дочь — статная и длинноногая Надя, переделалась и частенько поглядывала на Хмеля.

— Надя! — заметила любопытство дочери хозяйка. — А, ну, марш на кухню.

Вечером, поужинав, Ткачёв и Хмель уселись в саду и стали разрабатывать маршрут выхода.

— Машину бы нам, — сморщился агент. — Хоть какую. Ногами мы немного натопаем.

Неожиданно к хозяйке наведалься местный милиционер. Поздоровался с постояльцами, попросил документы. Долго рассматривал паспорт Хмеля.

— И что вас занесло в наши края?

— Видите ли, — встрял Ткачёв. — Мы — геологи...

— Прямо, как в анекдоте, — усмехнулся милиционер. — А спутниковый аппарат геологам тоже выдают?

Ткачёв хлопнул ресницами — на столе лежал телефон в ожидании звонка от прослушки, и выглядел инопланетным предметом в садовом обиходе.

— Ладно, — Андрей Викторович полез в сумку и достал удостоверение сотрудника СБП, сделанное ему Гришаевым пару месяцев назад. Как раз на такой случай.

Милиционер ознакомился, удовлетворительно кивнул.

— А можно телефон вашего начальства?

— Вы можете поговорить с ним прямо сейчас, — ткнул пальцем в спутниковый телефон Ткачёв.

— Ладно. А вещи ваши можно осмотреть?

— Пожалуйста, — Хмель подвинул к милиционеру сумки, раскрыл.

Тот палочкой поворошил содержимое сумок.

— И последнее, — не унимался бдительный страж порядка. — Вы здесь с какой целью?

— Вы удостоверение предъявите, — попросил Ткачёв.

Милиционер послушался.

— Капитан Тимур Аксагов, — прочитал вслух Андрей Викторович. — Чеченец?

— Мой отец дагестанец, — ответил капитан, убирая удостоверение.

— Так вот, капитан Аксагов, нам бы не хотелось говорить о цели нашего визита сюда...

— Дядя Тимур может помочь! — раздался из кустов девичий крик.

— Это залёт, Хмель, — прошептал, сморщившись, Ткачёв. — Ты как умудрился её не заметить?

— Хмель? — переспросил капитан, не обращая внимания на вышедшую из кустов Надю. — Это позывной такой?!

— Псевдоним, — отвернулся агент.

— И где служил? — по-доброму улыбнулся капитан, но Хмель только тряхнул головой, мол, лучше и не спрашивай.

Девушка стояла рядом со столом, и недоумённо смотрела то на Хмеля, то на Аксагова, не понимая разговора.

— Не хорошо, Надя, подслушивать разговор старших, — заметил Ткачёв. — Это ты сказала капитану, что в доме поселились странные люди с кучей денег?

— Да, — виновато призналась она.

— Правильно поступила, — одобрил Андрей Викторович. — Но мы просто увидели, что вы нуждаетесь в деньгах. Матери то надо троих кормить. Не бандиты мы.

— Я вижу, — она надула губы.

— Ты, Надя, иди, — мягко приказал капитан. — Мне с товарищами поговорить нужно. Не для твоих ушей разговор.

Девушка ушла, и Аксагов согнал с лица улыбку.

— Чечены из села уходят по тихому, — сказал он Ткачёву. — Это не к добру.

— Откуда такие сведения?

— Сам видел. Дворами уходят, не по улице. Добро забирают.

— Это не может быть доказательством, — сказал Хмель.

— Что ты понимаешь?! Я тут живу и знаю, о чём говорю.

Ткачёв положил ладонь на плечо капитана.

— Остынь. Ты же видишь, что мы без оружия. У нас другая задача. Начальству доложи своему, пусть примут меры.

Аксагов только скрипнул зубами.

— Если боевики зайдут сюда, то будет много крови.

— А если не зайдут? — тихо сказал Хмель. — Если они другой дорогой пойдут?

— Так зачем тогда вы приехали?! — вскипел капитан.

— Угомонись. Мы здесь по другому делу, но знать путь боевиков для нас тоже важно. Помоги, вместо того, чтобы кричать.

— Ладно. Чем?

— Утром машина нужна, — ответил Ткачёв. — Есть предположение, что путь их пройдёт неподалёку.

— Будет у вас машина, — поднялся Аксагов. — Только я с вами поеду.

— Договорились, — Хмель протянул ему руку, и капитан крепко сжал ладонь агента. — Оружие для вас будет.

Он ушёл, и где-то вдалеке застрекотали цикады, сообщая, что опускаются сумерки. Ткачёв вздохнул.

— Похоже, что боевики идут сюда.

— Ты веришь этому капитану? — недоверчиво спросил Хмель.

— Он местный, значит, знает, о чём говорит.

— Если так случится, то будет самый плохой сценарий. Правда, я не понимаю, что нужно здесь боевикам. Город, как город — ничего особенного.

Ткачёв зашуршал картой.

— Из города уходят пять крупных дорог. На Ставрополь, через Элисту на Волгоград, на

Пятигорск, к аэропорту Минводы... Здесь бензин, продовольствие. Это районный центр, а не деревня в глуши.

— Допустим. Непонятна цель боевиков. Взять под контроль город?

— А почему бы и нет, — Ткачёв взял из миски горсть черешни.

— Тут что-то другое, Андрей, — Хмель тоже потянулся к миске. — Не будем гадать.

Возьмём боевика и спросим.

Утром Ткачёва разбудил Хмель. Глядя на встревоженное лицо друга и соратника, Андрей Викторович понял, что случилось что-то плохое.

— Викторыч, телефон надрывается...

Ткачёв схватился за трубку, протирая кулаком глаза.

— Спутники засекли колонну машин в направлении на Стародубское, Прасковья в Ставропольском крае, — сквозь легкий треск раздался голос командира «прослушки». — Идут просёлками. Хорошо, что названия трудно выговариваются.

— Принято, — Андрей Викторович убрал телефон. — Хмель, собираемся. Они двигаются в нашу сторону.

Они оделись и вышли во двор. Хозяйка с дочерьми уже хлопотала на летней кухне. Хмель жестом подозвал Надю. Та смутилась, и, косясь на мать, подошла. Вытерла руки о передник.

— Сходи к дяде Тимуру, пожалуйста, — негромко попросил агент. — Скажи, что мы его срочно ждём.

Девушка кивнула, сняла передник.

— Мам, я сбегая к дяде Тимуру.

— Это зачем? — встрепенулась хозяйка.

— Простите, это мы попросили, — объяснил Ткачёв. — Мы с капитаном вчера вечером познакомились, но его адрес не спросили. А он обещал нас сопроводить... по работе.

— Только быстро, — отвернулась хозяйка и продолжила свою работу. — Завтракать будете?

— Спасибо, нам бы лепёшек в дорогу и воды.

Хозяйка быстро сложила в пакет еду, и они вышли на крыльцо ждать капитана. Тот подъехал на милицейской машине минут через пять. С переднего сидения гордо вышла Надя, и махнула ресницами, проходя в дом мимо Хмеля.

Капитан подошёл к ним, поздоровался.

— Что в такую рань?

— Есть данные, что боевики на подходе, — объяснил Ткачёв. — Где ближайший пост?

— В Прасковья. Там пост ГАИ и телефон.

— Поехали.

Они уселись в машину, и капитан рванул её с места.

— Я не успел взять вам оружие, — признался он по дороге.

— У тебя-то оно есть?

— Только табельное.

— Хоть что-то, — сказал Хмель, разглядывая через окно местный пейзаж. — А переносные рации есть?

— Найдём, — не очень уверенно ответил Аксагов.

На посту ГАИ у Прасковья дежурило трое постовых. Оборудованный блокпост неподалёку пустовал.

— Солдаты ночью ушли. Было-то всего отделение во главе с сержантом, — объяснил один из милиционеров пустоту на блокпосте.

— А куда ушли? — спросил Хмель.

— На Архангельское, — поставой махнул рукой, показывая направление на юг. — Сказали, что у них там часть собирается.

— А это дорога откуда, — агенткивнул на асфальтовую ленту, приходящую к посту с востока.

— От поселка Терский.

Хмель немного постоял на дороге, потом попросил бинокль.

— Давай проедем вон на ту высотку, — он показал рукой на точащую неподалёку сопку. — Взглянем в сторону Терского.

Аксагов согласился, и вскоре они втроем стояли на холме, с которого Хмель осматривал местность.

— Есть ещё дороги на Прасковья?

— Нет. С востока выезд только один. Есть ещё дорога от Нефтекумска, но она севернее, и упирается в Буденновск.

— А просёлками, тропами?

— Есть, но машинами там не проехать. Везде каналы с водой и мостки хлипкие. Нормальная дорога только от Терского.

Хмель немного подумал и сказал:

— Если они идут с хорошим оружием, то тащат боеприпасы. А то и взрывчатку. На себе такой груз нести утомительно. Значит, будут заезжать на грузовиках.

— Грузовиках?! — удивился капитан. — А сколько их тогда?

— До двухсот человек, — после короткой паузы ответил Ткачёв. — По непроверенной информации. Мы не знаем точно.

— Двести боевиков?! — устранился Аксагов. — Да вы что, парни! В Будённовске наберётся едва три десятка милиционеров! Надо звонить! Надо бить в колокола! Они же мирняк кошмарить будут.

— Капитан, успокойся! — прикрикнул Ткачёв. — Мы пока не видим колонны. Может быть, она пойдёт другой дорогой.

— Когда пойдёт здесь, то будет поздно, — не унимался Аксагов. — А неподалёку только вертолётный полк.

— Ну, вызовем вертушки, и они покрошат боевиков в капусту в открытом поле, — высказал уверенное предположение Хмель.

На что Ткачёв цокнул языком.

— Если вызывать вертушки, то сейчас. По городу они работать не будут.

— Тогда звони посреднику. Пусть говорит с министром обороны...

Ткачёв так и сделал. Гришаев выслушал его и сказал, что попытается убедить куратора в необходимости таких действий.

— В полку должна быть рота охраны, батальон аэродромного обслуживания, — Хмель водил биноклем по сторонам. — Это сто бойцов, как минимум. Если доведётся вести бой в городе. Ладно, давай проедем южнее. Оттуда посмотрим.

Они катались ещё часа два, и потом вернулись к посту ГАИ. Поели фруктов с лепёшками, и решили дожидаться звонка от Гришаева и «прослушки». Опасения Аксагова никто не разделил, даже милиционеры, останавливающие редкий транспорт, и спрашивая

водителей о подозрительной колонне. Капитан решил поехать в РОВД и там узнать хоть что-то. Ткачёв и Хмель остались на посту ГАИ.

— А этот полевой командир... Басаев, кажется, довольно хитёр, — сказал Хмель, спрятавшись в тень на блокпосте. Он всё равно посматривал на трассу в бинокль и морщился. — Так ведёт колонну, что её до сих пор не заметили.

— Если эта колонна существует, — недовольно заметил Ткачёв.

— Это да, — согласился Хмель. — Тогда как мы будем искать того, кто нам нужен?

— Пока не знаю, — вздохнул Андрей Викторович. — Фигня какая-то... Информации по рейду Басаева много, но никто не воспринимает её должным образом. А у него, как ни крути, полная рота боевиков. И никаких-то крестьян с автоматами, а обученных бойцов. И, наверняка, с опытом. То есть, поставлена разведка, охранение, и оружия полно.

— Это да, — повторил Хмель. — Фигня полная. Что делаем?

— Ждём, — ответил Ткачёв. — Что ещё остаётся? Вот подняли бы хоть три звена вертушек, да на разведку отправили. Что-то тут не так...

— Да всё не так! — сплюнул Хмель. — Всё через жопу! Лет десять назад, если бы такое произошло, Басаев был бы уже, если не трупом, то арестантом в Лефортово. Чёрти! Берите суверенитета столько, сколько можете, — он спародировал голос президента. — Баран!

Андрей Викторович выпучил глаза. Такого разъярённого Хмеля он наблюдал редко.

— Мирных жителей жалко, Андрей, — немного успокоился агент. — Ведь боевики не котята, и оружие у них не для того, чтобы сосать ствол, как чупа-чупс. Они идут убивать...

Послышался звук мотора и на посту притормозил милицейский «Жигуль» Аксагова. Капитан вышел из машины и со злостью пнул камень под ногами.

— Я ездил к командиру вертолётного полка. Полковник отмахнулся и сказал, что у него нет ни керосина, ни боеприпасов для машин. Солдат он дать не может, ибо от роты охраны осталось отделение, и бойцов всего по одному магазину с патронами. А в оружейке автоматов нет. Патронов, кстати, тоже. Обещал, в случае чего, снарядить летный состав пистолетами и отправить на помощь...

— Чего?! — подскочил Хмель. — Летуны с пестиками пойдут в бой против боевиков с пулемётами? Он чего там, керосину обожрался?

— Да нет, — смутился капитан. — Трезвый был. Вполне серьёзно сказал.

— О-о-о! — прохрипел громко Хмель. — Полный пиз...

Он хотел матерно выругаться, но не стал. Покачал головой, растянув губы в идиотской улыбке.

— Викторыч, ущипни меня! Я сплю, или это реальность?!

— Так делать-то что? — недоумённо вопрошал капитан.

Хмель задумался. Он крутил головой, понимая, что они с Ткачёвым, если боевики здесь пойдут, уже ничего сделать не смогут.

— Поехали в Будённовск, капитан. Надо попробовать на въезде в город поставить ограждение и прошерстить все дома ушедших из города чеченов. Наметить размещение огневых точек и оборудовать их. Тут ГАИшники пусть уберут машину и сами тоже спрячутся, но наблюдают за дорогой. В случае появления колонны, сообщат куда она потом пойдёт — на север, или на юг.

На часах был полдень...

Они подъехали к зданию Будённовского РОВД. Капитан устало вышел из машины и повёл Ткачёва и Хмеля в буфет на первом этаже. Озабоченность и нервозность была из Аксагова так, что заметили даже его коллеги.

— Тимур, ты чего такой?

Он только отмахнулся и усадил Хмеля за стол в буфете, а сам, вместе с Ткачёвым, направился к начальнику РОВД. Того не было на месте, и секретарь предложила им подождать.

Андрей Викторович уселся на стул у окна и смотрел во двор. Прохожих было мало и только детишки вдалеке пинали мячик. Он не слушал разговор капитана с секретарём, тупо уставившись в окно. Хотелось пить и есть — лепёшка, что давала хозяйка, уже давно растворилась в организме, и Ткачёв, предупредив Аксагова, направился в буфет к напарнику.

В буфете было шумно и пахло свежей выпечкой. Хмель уминал пирожки и запивал чаем, шумно хлебая из стакана.

— Мог бы и на мою долю взять, — сказал Андрей Викторович, присаживаясь рядом.

Хмель без слов выложил перед ним пакет с пирожками и подвинул свой стакан с недопитым чаем.

— Я же не знал, сколько вы пробудете у начальства. Кстати, как?

— Никак, — Ткачёв надкусил пирожок. — Начальство где-то в полях. Ждём-с... Аксагов требует от секретаря срочно связаться с начальником, с ООН, министерством обороны и с чёртом лысым. Ответил только чёрт.

— И что сказал?

— Сказал, что хрен вам, а не связь. Начальник в бане, в ООН выходной, а министр на охоте.

Телевизор на полке вещал, что президент России собирается на саммит в Канаду, где будут рассматриваться экономические и политические вопросы очень важные для нашей страны.

— «Уши» молчат, Гришаев — тоже, — добавил тихо Ткачёв, имитируя диктора в телевизоре.

Неожиданно воздух в буфете будто раскалился, превратившись в марево. В наступившей тишине Ткачёв услышал звуки работающих двигателей, быстро приближающихся. Он вскочил со стула и взглянул во двор. К зданию РОВД подъезжала колонна грузовиков с двумя милицейскими машинами сопровождения. Три военных КАМАЗа пытели дымом и звенели болтающимися на ходу подвесками брезента. Машина ГАИ остановилась первая, и из открывшихся дверей стали выходить знакомые Ткачёву постовые из Прасковья. Из-под брезента над кабиной ближнего КАМАЗа вылезли дула автоматов...

Хмель тоже это увидел и среагировал первым. Он прыгнул на Ткачёва, опрокидывая стол, и тут же в буфете осыпались стёкла, выбитые пулями. Со двора донёсся грохот выстрелов.

Внутри, в буфете, падали убитые и раненные. Пули крошили дерево, посуду и стены. Дородная буфетчица медленно сползала по стене — белый кокетливый фартук был покрыт большими кровавыми пятнами.

— Андрей, не тормози! Ищи оружие! — крикнул Хмель, подползая к убитому

милиционеру. Вынул из его кобуры «Макаров» и запасную обойму. — Отползай за стойку!

Ткачёв прополз ужом к стойке буфета, оттолкнув тело буфетчицы. Оглянулся в поисках Хмеля и оружия. Увидел, как агент взял у раненного в грудь милиционера пистолет, зарядил, нашёл взглядом Ткачёва и бросил ему оружие. Брошенный пистолет приземлился рядом, и Андрей Викторович судорожно схватил его. Выдохнул воздух и кивнул смотревшему на него Хмелю.

Тут выстрелы стихли и послышались тяжелые шаги, под которыми хрустело разбитое стекло. Хмель чуть приподнялся и выстрелил несколько раз в сторону двери. Раздался крик, будто кого-то ранили. Потом Хмель стремительно прыгнул к Ткачёву за стойку, потянул за ноги буфетчицу, оголив ей массивные бёдра, и прикрыл ей себя и Ткачёва. Грохнул взрыв. Осколки с визгом разлетелись, едкий дым пополз по полу.

— Встаём на счёт два, — скомандовал Хмель. — Стреляй в сторону двери. Раз, два...

Они резко поднялись над стойкой и одновременно спустили курки. Пистолеты задрожали, выпуская пули в двух боевиков, уже вошедших внутрь после разрыва гранаты. Один схватился за голову и упал на колени, а второй только хрипло дёрнулся и отскочил на улицу.

— В окно! — Хмель шагнул в сторону от буфета, и через шаг рыбкой метнулся в разбитый проём. Ткачёв, разинув рот, не отстал. Грузно приземлившись и ударившись локтем о камень, Андрей Викторович пополз на карачках, но Хмель поймал его, и, подхватив под руки, кинулся в густые кусты неподалёку от здания. Внутри буфета раздалось ещё два взрыва.

Они затаились в кустах, слушая, как с улиц города доносится стрельба и крики.

— Подготовились, черти, — прошептал Хмель, проверяя обойму. — Броники, гранаты, все дела... Звони Гришаеву.

Он высунул голову из кустов, чтобы посмотреть, но тут же вернулся в прежнее положение.

— Много их, Андрей. Не спи, звони!

Ткачёв трясущимися пальцами достал телефон. Корпус был разбит, и антенна отвалилась в сторону.

— Чёрт! — прошипел Хмель.

— А твой-то где? — Андрей Викторович начинал приходить в себя.

— В хозяйском доме оставил, — наморщил лоб агент. — Надо туда двигать. Вон садик на заднем дворе виден. Только быстро, Андрей.

Хмель побежал через кусты к дому, Ткачёв за ним. Они быстро и незаметно преодолели низкую ограду и встали по обе стороны от входа в дом с заднего двора. Дверь была открыта, и изнутри доносились крики и шорохи.

— Андрей, следи за нашей спиной. Стреляй в любого, кто там окажется, — тихо сказал Хмель. — Я захожу первым. В проходе не стой, старайся прятаться за любым выступом.

Ткачёв удобней перехватил рукоять пистолета.

— Да понял я, пошли, — уверенно сказал он.

Хмель юркнул в проём, перед этим заглянув внутрь. Секунду спустя Ткачёв последовал за ним, поглядывая назад.

В коридоре было пусто. Голоса и крики доносились из комнаты на первом этаже, и топот на втором. Хмель, быстро и мягко переступая, быстро пошёл к комнате, ведя пистолетом. Ткачёв делал то же самое, по крайней мере, старался, но иногда оборачивался,

контролируя вход с заднего двора.

Внезапно в коридор спиной вперед вышел боевик в разгрузке. Он тащил за волосы упирающуюся Надю и держал автомат, направив дуло в комнату. Девушка истошно закричала, и ей вторил голос хозяйки, которая была в комнате. Хмель быстро поднял пистолет и выстрелил боевику в голову, почти в упор. Тот упал, и потянул за собой девушку. Крики смолкли, только на втором этаже слышался грохот падающей мебели и плач младшего сына хозяйки.

Хмель быстро взял у боевика автомат и гранату.

— Тихо! — он приложил палец к губам, глядя в глаза упавшей девушки. — Бери мать, и бегите отсюда. Уходите через задний двор, мы прикроем.

Она с ужасом взглянула на мертвого боевика, все ещё сжимавшего её волосы. Медленно выдернула их и заползла в комнату. Хмель показал Ткачёву дулом автомата на второй этаж. Андрей Викторович кивнул, и стал тихо подниматься по ступенькам, направив пистолет вверх. Ему было уже не страшно, и он не нервничал и не боялся. Всё-таки, когда-то он ловил преступников, и рефлекс проснулись, ощутив рукоять оружия. Тело вспомнило необходимые движения, и разум отключил страх.

Мальчишка кричать перестал, и Андрей Викторович вжался в стену, направляя дуло пистолета на проём второго этажа, но тут снизу раздалась автоматная очередь и истошный мужской крик. Кричал явно не Хмель, уж его голос Ткачёв бы узнал. Боевик наверху, видимо, посчитал, что надо выглянуть на крик, и высунул голову в проём. Андрей Викторович хладнокровно разрядил в неё чуть ли не всю обойму, но тут на лестницу вбежал Хмель, непрерывно стреляя вниз. Ткачёв понял, что боевики ворвались в дом и надо бежать наверх, на второй этаж.

Он в два прыжка одолел пролёт и спрятался за углом, направив пистолет вниз, чтобы прикрыть отход Хмеля. Агент не отстал, и тоже юркнул за угол, на ходу меняя магазин. Увидел забившегося в угол мальчугана и распластавшийся труп боевика. Сорвал с его разгрузки гранату и швырнул вниз. Под грохот взрыва высадил окно.

— Андрей, забирай пацана и прыгай вниз. Тут не так высоко. Быстрее!

Ткачёв послушался. Отбросил пистолет и схватил мальчишку. Тот испуганно таращился невидящим взглядом.

Над входом с заднего двора был небольшой навес и Андрей Викторович опустил на него сначала мальчугана, а потом перевалился сам, но малыш не удержался, и криком сорвался на землю. Ткачёв прыгнул следом.

В комнате, где они только что были, раздался взрыв, и вниз посыпались осколки стёкол и какие-то тряпки. Андрей Викторович сжал челюсти и на миг взглянул вверх. Ему не хотелось думать, что Хмель погиб во время взрыва, и вот-вот спрыгнет из окна. Но агент не появлялся. Ткачёв обернулся на мальчишку, но тот, хромая, скрылся в кустах.

— Эй, русский! — раздался за спиной Андрея Викторовича гортанный выкрик, и Ткачёв замер. Потом почувствовал сильный удар в затылок и от боли потерял сознание.

Андрей Викторович приходил в сознание долго и мучительно. Голова болела так сильно, что было больно открыть глаза. Саднило затылок, покрывшийся чем-то мокрым и липким. Голоса, доносящиеся будто вдалеке, резко звучали непонятым наречием.

Ткачёв пошевелился и голоса смолкли. Потом чья-то грубая рука схватила его за волосы и приподняла голову. Шершавая ладонь надавила на щёки и подбородок, крутя в стороны. Кто-то что-то сказал, и по интонации было понятно какое-то отрицание.

— Эй, русский, — раздался над ухом гортанный голос. — Где тот мужик, что был с тобой в доме?

— Н... не знаю, — с трудом выговорил Ткачёв, не открывая глаз. — Я не видел.

Кто-то выругался, и рука бросила голову Андрея Викторовича лицом в землю. Потом Ткачёва подхватили под руки и куда-то поволокли. Волокли недолго и Андрей Викторович, преодолев боль, открыл глаза. Увидел перед собой пыльный асфальт в трещинах и разбросанные по нему стреляные гильзы.

— Эй, держите своего.

Показался борт грузовика, а над ним испуганные и грязные лица мужчин и женщин. Ткачёва затащили в кузов, и чья-то заботливая рука дала ему маленькую бутылку воды. Он сделал пару глотков и, наконец, разглядел людей, набитых в кузове грузовика. Хмелья не увидел, и не понял — обрадовался он этому, или испугался.

— Хмель! — прохрипел он глухо, и боль пронзила голову с новой силой. Андрей Викторович протяжно застонал.

Грузовик взревел двигателем и покатился. Люди в кузове затряслись — сидели кое-как, кто на сидении, кто на полу, а кто лежал на боку, смотря перед собой потухшими глазами. Ехали медленно, за брезентом снаружи слышались одинокие выстрелы, автоматные очереди и редкие взрывы. Сквозь эту какофонию пробивались крики, стоны и громкие команды на чужом языке.

— Похоже, что в больницу везут, — сказал кто-то в кузове.

Андрей Викторович заставил себя подняться с пола и неловко устроился на скамейке у борта. Сидящая рядом женщина помогла ему.

— У вас сзади голова в крови, — сказала она.

— Ничего, до свадьбы заживёт, — попытался шутить Ткачёв, но никто не улыбался.

Ещё где-то с час их куда-то везли, изредка сотрясая воздух выстрелами, и, вообще, стрельбы стало меньше. Андрей Викторович продолжал мучиться головной болью, к которой ещё прибавилась тошнота.

Наконец, грузовик остановился, боевики откинули задний борт и стали выгонять людей наружу.

— Точно, в больницу привезли, — сказала женщина, помогая Ткачёву спуститься на землю.

Андрей Викторович увидел несколько кирпичных зданий окружающий широкий двор. Подталкиваемые автоматами люди поплелись, видимо, к главному корпусу больницы. У входа стояло много боевиков, выслушивая наставления своих командиров. Потом разбегались по территории больницы и в корпуса. Опять слышались выстрелы, и крики от боли.

Ткачёв обернулся на звук заезжающего во двор ещё одного грузовика. Из него тоже стали выталкивать людей.

— Иди живей! — подтолкнул Андрея Викторовича прикладом в спину бородатый боевик. — Нечего глазеть.

В фойе больницы людей «просеивали». Женщин и мужчин, на взгляд боевиков, не вызывающих опасности, толкали по палатам на этажах, а если кто-то показался опасным, выталкивали из вереницы и куда-то уводили.

Боевик, стоящий у лестницы на этажи, пристально взглянул на Ткачёва и кивнул рядом стоящим. Двое боевиков сорвались с места и, схватив Андрея Викторовича, выдернули из

потока понуро идущих людей. Подвели.

— Кто такой? — грозно спросил, по всей видимости, один из полевых командиров отряда напавших на город боевиков.

— Геолог я, — тихо ответил Ткачѐв, стараясь не смотреть в глаза боевику.

— И что ты здесь искал, геолог? — полевой командир говорил с жутким акцентом.

— Фосфоритную руду, — наугад придумал ответ Андрей Викторович.

— Нашёл?

— Пока нет, — Ткачѐв поморщился от наступившей боли.

Боевик оценивающе оглядел сгорбившегося Андрея Викторовича и толкнул в сторону лестницы.

— Иди, геолог...

Еле передвигая ноги Ткачѐв, было, поплелся к лестнице, но тут в толпе у входа заметил знакомое лицо. Вернее, знакомую фигуру. Это был Хмель! Агента, хромящего и с перебинтованной головой, вела под руку хозяйка дома. С другого боку его поддерживала Надя — дочь хозяйки.

Андрей Викторович не смог сдержать радости, но выразил её не бурно. Только широко улыбнулся, пряча лицо от взглядов боевиков.

Ткачѐва и ещё человек двадцать затолкнули в палату на втором этаже. Он заметил, что женщин усадили у стены под окном, а пятерых мужчин, в том числе и Андрея Викторовича, у стены рядом со входом. Ткачѐв занял место у проёма без двери и поглядывал в коридор, надеясь увидеть своего агента. Хмель, поддерживаемый женщинами, появился в коридоре не скоро, но шагая, заметил Андрея Викторовича, правда, не подал виду. Только несколько раз прикрыл глаза, обозначая, что заметил. Ткачѐв вздохнул с облегчением — коридор короткий и палат было немного, так что добраться до Хмеля, в случае чего, труда не составляло. Самое главное — агент жив.

Вечер и ночь выдались мучительными. К заложникам постоянно шли родственники, но боевики отгоняли их выстрелами. Несколько человек остались лежать во дворе больницы. В темноте раздавался визгливый лай собак и громкие крики людей, ищущих своих потерявшихся родных, стоны раненных и одиночные выстрелы, от которых все в палате вздрагивали. Еды и воды не давали. Хорошо ещё медперсонал больницы ходил по палатам с осмотрами, и Андрей Викторович выпросил у врача таблетки от головной боли.

Ткачѐв сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и думал. То, что сейчас происходило, да и уже произошло днём, было недоступно его пониманию. В былые времена подобная агрессия пресекалась на корню. Тут же, какие-то бородатые люди с автоматами спокойно разгуливают по российскому городу, убивают и берут в заложники жителей, а правительство и администрация края ничего не предпринимают. А ведь прошло уже более 12 часов! Символично, что этим краем когда-то руководил бывший президент СССР.

Нет, думал Ткачѐв, у такой страны нет будущего. Этак любой, кто захочет зайти на её территорию, сможет это сделать беспрепятственно. А потом требовать то, что вздумается в большой голове.

— Андрей, ты как? — неожиданно рядом раздался голос Хмеля, и Ткачѐв открыл глаза.

— Ты чего? — испугался за него Андрей Викторович. — Ты как сюда дошёл?

— А, — отмахнулся агент. — Бородач в коридоре заснул. Я тихо. Давай к нам.

— Как?!

— Ногами, Викторьч. Тут пройти всего десяток метров. Моя палата угловая — в конце

коридора, рядом с туалетом.

— А если он проснётся?

— Не проснётся, если шуметь не будем. Ты идти можешь?

— С трудом. Мне по затылку так треснули, что приклад изо рта вылез. Еле мозги в кучу собрал.

Хмель в темноте улыбнулся.

— Ценю твой юмор, Андрей, но нам надо выбиратья.

Ткачёв отрицательно покачал головой.

— Без меня, Хмель. Я уже не боец, не бегун, не ходок, и не ползун... Уходи один.

— Не трынди, — слегка обозлился агент. — Поднимайся и иди за мной. Живо!

Они хоть и разговаривали шёпотом, но сидящий рядом с Ткачёвым мужик услышал.

— Куда иди?! — зашипел он. — Если в палате недосчитаются кого, то всех перестреляют.

В ответ Хмель коротко ударил мужика ладонью в лоб, и тот без шума повалился на бок.

— Теперь пошли, — сказал агент Ткачёву. — Кто тут кого будет считать и запоминать?

Распихали всех абы как.

— А с этим как быть? — кивнул Андрей Викторович на мужика. — Сдаст ведь, нехороший человек.

— Он уже ничего не вспомнит. Если проснётся.

Они тихо прошли по коридору до крайней палаты и быстро нырнули в проём, когда задремавший боевик очнулся, вздрогнув. Он сидел в начале коридора и не заметил «перебежчиков».

В этом помещении народу в заложниках было больше. Человек тридцать кое-как разместились у стен и на полу. Кто-то тихо похрапывал, но большинство не смыкало глаз, прислушиваясь к ночным шорохам. Хмель опустился на пол и усадил рядом Андрея Викторовича.

— Что будем делать? — Ткачёв увидел задремавшую на плече матери Надю. Хозяйка дома, где они останавливались, смотрела в окно и мелко трясла головой.

— Надо уходить из больницы, — сказал Хмель.

— Ты-то как тут оказался?

Хмель смущенно улыбнулся.

— Не мог тебя оставить в одиночестве. Вот и залез в грузовик, в который зачихнули нашу хозяйку с дочкой.

— Зачем?! — не оценил его геройства Ткачёв. — Тебе надо было, как и договаривались, взять боевика, снять на плёнку допрос, и уходить.

— Я подумал, что простой боевик не будет внушать доверия, а полевого командира можно взять только здесь.

— Теперь мы тут никого не возьмём, — Андрей Викторович приложил ладонь к занывшему затылку. — Боевиков слишком много. Даже для тебя...

— Я и не собираюсь в одиночку отдуваться за МВД, ФСБ и прочих, — агент почесал ладонью лоб. — Боевики вечно тут сидеть не будут. При отходе и возьмём одного, что по «жирнее».

Ткачёв не разделял оптимизма Хмеля. Боевиков было много, и заложников тоже. Как будут развиваться события, предугадать было невозможно.

— А где сын и средняя дочь хозяйки?

Хмель мотнул головой.

— Я их отправил на аэродром вертолётного полка. Надеюсь, что они дошли.

Ночь прошла относительно спокойно, но с рассветом боевики зашевелились. Хмель осторожно глядел в окно, наблюдая, как полевые командиры отдают приказы, и запоминал расположение огневых точек во дворе и в здании.

В палату кинули бутылку воды, и приказали сидеть тихо, если хотят остаться в живых. Воду поделили на всех, но Ткачёв заметил, что боевики не настроены долго содержать заложников.

— Подвал минируют, — шёпотом сообщил ему Хмель, подсев рядом. — И откуда у них столько взрывчатки?

— Значит, заранее была приготовлена. Не зря Аксагов говорил про уход местных чеченов из города. Прав он был. Что там боевики?

— Организуют всё по правилам, — недовольно ответил Хмель. — Пулемётные точки, снайпера, гранатомёты... Всё, как надо. Если начнётся штурм, то мирняк на окна поставят. И начнётся, Андрей, мясорубка...

— И что бы ты сделал? — Ткачёв облизал пересохшие губы.

— Не знаю, но подготовился бы. Дымы, атака под броней с разных сторон, снайперская группа. Это для разведки боем. Пулемёты подавить точными ударами...

— Так они взорвут больницу.

— Они не смертники, Викторыч, — убеждённо сказал Хмель. — Им надо обязательно уйти отсюда, иначе вся эта возня будет пшиком. Гибнуть им во имя чего-то, конечно, можно, но не в данном случае. Это, Андрей, спланированная операция, с планируемым отходом.

Между тем, к больнице стали приходить люди, но не приближались. Собирались вдали группами, махали руками и ждали.

В палату зашли два боевика. Люди притихли и настороженно глядели на бородатых мужиков с автоматами и в разгрузке. По бокам каждого болталось по противогазной сумке, явно набитой патронами.

— Эй, ты! — один из боевиков призывно махнул рукой молодому мужику, сидевшему у окна. — Иди сюда.

Мужик медленно встал и подошёл неуверенным шагом.

— Иди за нами.

— Куда вы его уводите?! — крикнула молодая женщина из угла палаты, но в ответ боевик выстрелил короткой очередью в стену над головами заложников. Тут же все люди в палате закричали и попадали на пол, прикрывая головы.

— Всю мебель из помещения выбросить в окно, — грозно сказал боевик. — Не сделаете — взорву всех.

И они ушли, уведя молодого мужика, который не переставал оглядываться, пока шёл по коридору.

— Плохо дело, — сказал Хмель, вставая. — Давай выбрасывать мебель, а то гранатами закидают.

Они с Ткачёвым выбрасывали койки из окна. То же самое делали в соседних палатах.

— Вот что, Андрей, — сказал тихо Хмель. — Если начнётся штурм, то ныряем в туалет напротив, а оттуда дергаём со всех ног к забору. Бежим быстро и крутым зигзагом, чтобы снайпер не смог прицелиться...

— Ладно, — прошептал Ткачёв.

Они задержались у окна и увидели, как во двор выводят шестерых мужчин из заложников с завязанными глазами.

— Это уже похоже на казнь, — сказал Хмель. — Игры закончились, Викторыч...

Раздались автоматные очереди, но Ткачёв не стал смотреть на это. Он присел под окном, стараясь не думать о том, что происходит. Ему стало страшно, по-настоящему. А ещё он почувствовал холод в груди, будто кто-то сжимает сердце ледяными ладонями. Кольнуло под лопаткой слева и стало трудно дышать.

— Андрей?!

Озабоченно вскрикнул Хмель, усаживаясь рядом. Ткачёв только устало закрыл глаза, жестом показывая агенту, что всё нормально.

День прошёл напряженно. Никто не знал, что будут делать боевики, и только заглянувшая в палату девушка принесла воды и батон хлеба. Её привели под конвоем, и после стали выпускать людей из палаты в туалет. По одному, под дулом автомата, давая по три минуты на посещение.

Половина людей в палате не хотели, но Хмель сходил.

— Погано, Викторыч, — сказал он, когда боевики отошли. — Похоже, что в сортире

оборудуют огневую точку. И окнами туалет нена задний двор, а на торец. Очень удобная позиция.

Со двора раздался шум. Люди осторожно выглядывали в окна, чтобы оставаться незамеченными.

— Кашпировский приехал! — воскликнула женщина, глядевшая в окно.

Ткачёв нервно захихикал, сжал голову ладонями.

— Это что творится-то? — сквозь смех говорил он. — К боевикам на переговоры прислали депутата-колдуна! Хмель, ущипни меня. Это просто безумие какое-то...

— Да-а-а-а! — агент таращился в стену, будто хотел сделать в ней дыру. — Интересно, Басаев его пристрелит или отпустит?

— Скорее, опустит, — сказал кто-то из мужчин в палате. — Это я образно выражаюсь.

Ткачёв потерял счёт времени. Это было ни к чему. Обречённые люди сидели на полу, понутив головы и молчали, терпеливо что-то ожидая. Даже Хмель перестал скакать по палате, и только сидел глядя в потолок. Кто-то изредка приносил бутылки с водой, да раз в день желающих водили в туалет. У многих уже не было сил, чтобы подняться.

Как-то под утро вдалеке загрели двигатели.

Хмель открыл глаза, прислушался и толкнул в бок Ткачёва.

— Кажется, собираются идти на штурм.

— На штурм чего? — сонно спросил Андрей Викторович, с трудом соображая, что хочет от него агент.

— Больницы, Андрей. Просыпайся!

Внутри здания, в коридорах затопали боевики, засуетились, заглядывая в помещения. К ним в палату забежали трое, взглянули на заспанных заложников.

— Вставайте на окна, — приказал один из них.

Никто не пошевелился. Тогда двое бородачей стали насильно и грубо поднимать женщин, и толкать к оконным проёмам.

— На окна вставайте!

Женщины зароптали, но боевик ударил одну прикладом в плечо. Хмель зло дёрнулся, но Ткачёв остановил его. Он бы ничего не добился, только схлопотал бы пулю.

Стоящий в проёме молодой бородач смотрел на действия своих товарищей явно неодобрительно. Андрей Викторович это заметил, и запомнил боевика.

У боевиков были рации, но, видимо, включили глушилку, и они переговаривались между собой криками. Два боевика стали активнее подталкивать женщин к окнам, а в коридоре зашумели, и в туалет поволокли пулемёт и два гранатомёта «Муха». Прибежали ещё четверо боевиков и двое из них стали сгонять людей к окну в коридоре — на торце здания.

— Пошли, — толкнул Хмель Ткачёва, и они влились в толпу. Агент обернулся, но боевика в начале коридора не увидел. — Андрей, только спокойно, — зашептал горячечно, — выждем часок, а потом начнём.

Хмель не выглядел уставшим. Его глаза горели, и он явно жаждал схватки. Несомненно, агент имел преимущество перед боевиками — пусть и немолод, но опытен и обучен именно боестолкновению в небольшом и замкнутом пространстве. А уж обращению с оружием Хмель мог позавидовать любой подготовленный вояка. Да и суматоха агенту была, что говорить, на руку — поди разбери в метущейся по коридору толпе человека умеющего маскироваться, быть «невидимым».

Снаружи больницы послышался шум двигателей, будто медленно ехали бронетранспортёры. Потом выстрел гранатомёта, взрыв...

И тут началось. Гортанными выкриками боевики загнали на окна людей. Отовсюду слышались жалобные стоны, просьбы: «Не стреляйте!», бесконечный грохот выстрелов. Пули долбили стены как снаружи, так и внутри. Залетали, высекали искры, рикошетили. Отработанные гильзы звенели, едкий дым валил внутрь помещения, заставляя людей задыхаться. Боевики бешено отстреливались, вынимая из подсумков новые рожки, сбрасывая на пол пустые. Они просунули стволы автоматов между ног стоящих на окнах людей и стреляли, стреляли, стреляли... Если человек слетал с окна внутрь или наружу, то быстро загоняли нового. Хмель выжидал, зорко следя за обстановкой. Ткачёв не мешал ему, сидя у стены в коридоре. Он знал, что агент выбирает самый удачный момент.

После часа интенсивного противостояния, Ткачёв понял, что такого момента Хмелю не предоставят. Боевики умело провели ротацию. Причём сделали это быстро — новые бойцы заняли места у окон, и стрельба не утихала. Пригнали двух человек в грязно-белых халатах — они под крики боевиков утащили из палат раненных людей. Никто из боевиков даже не получил царапины.

Накал боя возрастал. Штурмующие подключили орудия танков и бронемашин. Снаряд грохнул в перекрытие отделяющее коридор с туалетом так, что, казалось, коридор целиком сдвинулся назад. Внутрь полетела кирпичная щебёнка, осыпая людей, а те, кто стоял на окнах, повалились кто куда. На Ткачёва упала молодая женщина. На её окровавленном лице лихорадочно горели глаза страхом и удивлением.

Боевики отпрянули от окна, и тут, один упал, сражённый выстрелом снайпера. Другой присел в растерянности, но тут из окна туалета загрохотал пулемёт, выскивая стрелка.

Хмель резво подскочил к растерянному присевшему боевику, стремительно ударил локтём в лицо, отбирая автомат. В кружащейся кирпичной пыли и дыме это было почти незаметно. Как и то, что агент отстегнул от разгрузки боевика две гранаты, отщелкнул скобы и метнул смертоносные снаряды в открытый проём туалета.

— Андрей, забирай оружие! — крикнул Хмель сквозь оглушительные звуки взрывов, и в коридор прилетел сорванный с креплений унитаз.

Ткачёв отобрал у убитого боевика автомат, вынул из кармана разгрузки пистолет и успел прихватить ещё две обоймы к нему. Хмель же, юркнул в туалет, в клубящийся дым. Оттуда послышался одинокий выстрел и крик:

— Андрей, догоняй!

Ткачёв ринулся в туалет и споткнулся о тело изрешеченного осколками боевика. Хмель не дал ему наслаждаться зрелищем и потянул за собой — к большой дыре в стене.

— Тут всего второй этаж, — кричал агент. — Прыгаем вниз! Иначе нам крышка!

Он толкнул в дыру пулемёт, дождался выстрела и сиганул вниз.

Ткачёву захотелось закрыть глаза, но это было невозможно. Страх не дал это сделать. Там, снаружи, была какая-то другая реальность, и надо было шагнуть туда, не раздумывая.

Андрей Викторович отбросил автомат, чуть разбежался, пригнулся перед дырой и прыгнул...

Сидя в овраге, Ткачёв вспоминал бешеный забег зигзагами среди летящих пуль, боль в лодыжке от неудачного приземления и жестокую жажду после. Сердце стучало так, что будто рвалось наружу из его тела. Будто говорило — хватит, я не хочу торчать в тебе!

Неугомонный Хмель уже успел куда-то сбегать и принёс горбушку хлеба и полбутылки

воды.

— Задачу, Викторич, никто не отменял, — сказал он, отрывая полгорбушки и протягивая Ткачёву.

— Без меня, Хмель. Достаточно, — Андрей Викторович надкусил хлеб и медленно жевал. — Силы кончились. И всё остальное тоже.

— Не будь таким пессимистом, — хмыкнул агент. — Ты посиди и отдохни, а я сбегаю за оптикой.

— Иди куда хочешь, — махнул рукой Ткачёв.

Хмель внимательно взглянул на него и сел рядом.

— Я не узнаю тебя, Андрей. Ты чего так раскис?

— Я думаю о том, какого людям сейчас в больнице, — с горечью ответил Ткачёв. — Я не представлял себе, что такое, вообще, возможно. Боевики пришли в город, расстреляли милиционеров, загнали людей, как стадо, в больницу и успешно отражают штурм! Ты слышишь звуки выстрелов?! Они прекратились, Хмель! А прошёл-то всего час, как мы выбрались оттуда, и, замечу, с огромным риском и трудом. Не думаю, что за час всё поменялось.

— Ты прав, Андрей. Боевики отразили штурм. В этом наша вина?

— Да, нет. Я не об этом, — Ткачёв изобразил гримасу, мол, какой ты непонятливый. — А о том, что такое случилось, и мы оказались бессильны. Где вертолёты? Где слаженные действия штурмовых групп? Где профессиональные переговорщики? Таких «где» наберётся под сотню. Получается, что всего за четыре года капитализма в России страна растеряла весь оборонный потенциал! И как такое возможно?!

— Значит, возможно, Андрей, — хмуро заметил Хмель. — Но мы же решили бороться!

— Это провал, Хмель. Если боевики отбили штурм, значит, они добьются того, чего хотели. Ты же знаешь правила? Кто сильнее, тот и диктует условия.

— Так давай сорвём это, — спокойно сказал агент.

— Как? Подойдём и набьём морды тем, кто командует штурмом? Там, наверняка, куча генералов, мало смыслящих в том, что они делают. Ещё больше советников и проходимцев, типа Кашировского, пытающихся сделать себе пиар на трагедии.

Хмель вздохнул.

— И что? Теперь опустить руки? Наша задача какая? Найти связь боевиков с Березовским. Мы за этим сюда прилетели?

— Да, но, — попытался возразить Андрей Викторович, но Хмель не дал ему договорить.

— Андрей, никаких «но». Мы выполним задачу, а над этим, — он указал рукой на больницу, — пусть разбираются наверху. Прекрати, наконец, мыслить масштабно. Это сейчас вредно.

Ткачёв обиженно отвернулся. Он понимал, что Хмель прав в данном конкретном случае. Нельзя одним собой заткнуть все «дыры» в руководстве, да и не даст никто так разгуляться. Не те времена. А поставленную задачу никто не отменял.

— Всё, Хмель, я успокоился. Иди за оптикой. Будем наблюдать, и искать возможности.

Агент тихо ушёл по склону оврага.

Ткачёв задумался. У них не осталось связи и денег. Нет оружия. И как продолжать работу, он не понимал. Оставалось надеяться на опыт и смекалку Хмеля.

Гришаев нервничал. Ткачёв не выходил на связь, а куратор требовал объяснений. По телевизору крутили новости из Будённовска, и они не были хорошими — боевики требовали

вывести федеральные войска из Чечни, и дать народу Ичкерии свободу и независимость. Премьер Черномырдин обещал и то, и другое.

Это было поражением. Теперь Россию могли склонять, как угодно, и кто угодно. Если двести человек смогли зайти с оружием на территорию страны, взять полторы тысячи заложников, и их требования удовлетворят, значит, Россия — это половая тряпка, об которую можно вытереть ноги. И под этим предлогом разместить на сопредельных территориях некий контингент войск, как защиту от посягательств террористов.

То, что Басаева объявят террористом, Гришаев не сомневался. Он захватил в заложники женщин и детей, расстрелял публично несколько человек, и его условия заканчивались только одной фразой — иначе мы всех убьём.

А президент в Канаде занимался только тем, что выпрашивал денег на очередной транш, да пил водку, слушая новости из своей страны. Вместо того, чтобы не лететь на саммит, а остаться, чтобы следить за событиями и в нужный момент потребовать от подчинённых решительных действий.

Неожиданно затрезвонил спутниковый аппарат. Евгений Арсеньевич схватился за трубку, забыв включить «глушилку». Он подумал, что звонит Ткачёв...

— Привет от Хмеля, — раздался в трубке женский голос. — Руководитель и агент не выходят на связь. Какие меры приняты посредником?

— Н-никаких, — проговорил Гришаев. — У структуры нет в наличие оперативных агентов, чтобы отправить им в помощь.

Женщина молчала. Через некоторое время спросила:

— Откуда они выходили на связь в последний раз?

— Они были в Прасковее. Это совсем близко от Будённовска.

— Принято, — сказала она и отключилась.

Гришаев положил трубку на стол с удивлением. Медленно сложил антенну аппарата.

— Ничего не понимаю!

— И что будем делать? — встревоженно спросил Ткачёв, наблюдая, как к больнице подгоняют «Икарусы».

— Не знаю я, Андрей! — раздраженно ответил Хмель. Он был недоволен тем, что выполняют условия боевиков. — Надо было сделать, как в 79-ом... Найти родственников бандитов и пригнать их сюда. Поставить условие — они в обмен на всех заложников в больнице. И тело того полевого командира, которого я зарезал около дома нашей хозяйки, принести и подбросить к входу. Идиоты!

— Ты чпокнул полевого командира? — удивился Ткачёв.

— Да, так получилось, — нервно махнул рукой агент. — Хотел взять его живым, а он упирался. Чушь какую-то болтал, мол, маму мою того... и прочие гадости. Я и психанул!

— Слушай, — вдруг задумался Андрей Викторович. — А, ты, где свой телефон потерял? Хмель напрягся, потом радостно воскликнул:

— Точно! Я аппарат в кусты бросил, чтобы не разбить в схватке. Это около дома, когда я детишек на аэродром посылал. Там этот бородатый чёрт и выскочил на меня... И как я раньше не сообразил?!

Они побежали окраинами к РОВД. Подбежав к заднему двору дома, Хмель бросился шарить по кустам, стараясь найти свой спутниковый телефон. Ткачёв присел на скамеечку в саду, чтобы перевести дух после бега и смотрел на поиски агента.

— Викторыч, давай помогай! — крикнул тот из кустов, но Ткачёв не успел подняться.

— А вы не это ищите?

Вопрос прозвучал из уст крепкого мужчины в легком бронике и тактическом разгрузочном жилете. В руках он держал спутниковый аппарат.

Ткачёв поднялся, а из кустов вышел Хмель. Мужчина не проявлял агрессии, к тому же, из дома на задний двор вышел ещё один, в таком же необычном одеянии.

— Кто вы? — резко спросил Ткачёв.

— Мы пришли за вами, Иван Иванович, и за вашим агентом. Прошу с нами — в машину.

— А пароль? — ехидно попросил Ткачёв, и мужчина смущенно улыбнулся:

— Ах, да, забыл... Привет от Хмеля.

Два чёрных джипа неслись по пустынной дороге, сохраняя скорость и дистанцию.

— Своих ребят я представлять не буду, а меня зовут Гром, — объяснял с переднего сидения мужчина приблизительно тех же лет, что и Андрей Викторович. — Нас попросил вывезти вас отсюда Илья Абрамович. Мы не смогли отказать старику — он выручил мою группу, и мы все ему обязаны. Поэтому мы здесь.

— Вы где-то служите? — поинтересовался Ткачёв.

— Нет. Раньше служили в ГРУ. Когда Союз развалился, мою группу просто забыли в одной далёкой стране. Выходили сами в течение трёх лет. Хуль помог нам с деньгами и документами. Мы не просили, а он помог. Отдал последнее. Сейчас работаем в охране у одного предпринимателя. Платит прилично, но мы не забываем о старике.

Хмель дремал, прислонив голову к стеклу двери и, казалось, что разговор не слушал.

— Вот, — Гром протянул Ткачёву паспорта. — Это Илья Абрамович передал. Ваши документы на дорогу. Потом сами с ним разберётесь.

— Безусловно, — кивнул Андрей Викторович, забирая паспорта. — Только есть

небольшая хм... трудность. Мы с агентом должны завершить здесь одно дело...

— Притормози, — тут же попросил водителя Гром. — Иван Иванович, выйдем покурить.

Машины остановились, и Ткачёв с Громом вышли на обочину.

— Иван Иванович, я не знаю, что за дело, но Хуль попросил доставить вас обоих в Москву. Если я вас сейчас отпущу, то как я это объясню старику?

— Может быть, я ему всё объясню?

— Пожалуйста, — Гром вынул из разгрузки телефон и набрал номер. — Говорите.

Ткачёву Илья Абрамович радовался, как младенец.

— Иван Иванович, милейший! Немедленно домой! И без возражений! Ваш мальчик, Серёжа, очень умный и воспитанный, объяснил мне, что вам там делать нечего.

— Но мы не выполнили задачу, — протестовал Ткачёв.

— Задачу можно выполнить и здесь. И не надо со мной дискутировать! Гром доставит вас без шума и пыли. И ещё... Тут одна милейшая особа рвёт и мечет. Я её боюсь!

— Эта особа снарядила группу Грома?

— Да! Она грозилась оторвать вам всё, до чего дотянутся её руки. А если вы не вернётесь, то обещала проделать это со мной! Хуль очень дорожит своими частями тела.

— Принято, — ухмыльнулся Ткачёв. — Едем.

Гром довёз Хмеля и Андрея Викторовича до Элисты. Пару раз их останавливали на посту ГАИ, но, увидев документы Грома, козыряли и пропускали кортеж.

— Ну, Иван Иванович, до свидания, — Гром пожал руку Ткачёва и Хмеля, усаживая их на поезд до Москвы. — Я сообщу Илье Абрамовичу, и вас встретят. А аппарат, с вашего разрешения, и обмундирование, я оставляю себе.

— Конечно, — кивнул Ткачёв.

Хмель за всё это время, что они ехали от Будённовска не проронил ни слова.

— Ты чего молчишь? — спросил Хмеля Андрей Викторович, когда они расположились в двухместном купе вагона.

Поезд медленно отходил от перрона.

— Мне нечего сказать, Андрей, — насупился агент и уставился в окно. — Думаю я.

Миловидная проводница заглянула к ним и предложила чай. Ткачёв немного полюбезничал с ней, отказавшись. Хмель лег на полку и повернулся спиной, и Андрей Викторович не стал его тревожить.

Спустя сутки на Павелецком вокзале их встретила Вика — недовольная и рассерженная.

— Вы куда поёрлись? — шипела она. — Без страховки, без оружия, без разведки. Вдвоём на двести рыл боевиков! Ладно, Хмель, он имеет опыт, но ты-то куда?

Вика стукнула Ткачёва кулаком в грудь. Несильно, но больно. Хмель смотрел на экзекуцию отрешенным взглядом.

— Больше некому, Вика, — сказал он. — Шмеля мы потеряли, и твою опергруппу — тоже.

— А подумать можно было? — не унималась она. — Посоветоваться.

— С кем?! — вдруг крикнул агент. — Ты далеко, аналитики ещё не набрались опыта. Вот мы и рискнули.

Она усадила их в машину и отвезла на квартиру в спальный район. Перекусив с дороги, уселись за столом — получилось что-то в виде совещания.

— Итак, — Ткачёв начал первым, — мы проиграли по всем фронтам. Единственное, что

мы сумели — это сорвать визит Клинтона, но наш президент улетел в Канаду, и неизвестно, что он там на подписывал.

— Фигню всякую, — предположил Хмель. — Если бы что-то дельное, то газеты бы уже трубили вовсю.

— Вы, мальчики, — сказала Вика, — слишком прямолинейны. Постоянно ломитесь в закрытые двери, и не ищете обходных путей. А между тем объект, на которого надо собрать компромат, находится здесь — под боком.

— Так к нему не подступиться, — возразил Хмель.

Ткачёв был на стороне Вики.

— Она права. Мы ломанулись туда, где наши шансы были ничтожными. Ведь БАБ ведёт разговоры здесь — в Москве.

— Вот именно, — поддакнула Вика. — У него есть офис, он ездит на машине и паталогически жаден. Вы не в том направлении работали. Вместо того чтобы определить психологический портрет и поставить за ним «уши».

Хмель передразнил её, состроив гримасу.

— И не надо гримасничать, — улыбнулась она беззлобно. — Они же, живут как пауки в банке. Почему бы вам не найти человека, который смог бы БАБа, ну, не скомпрометировать, а составить ему здоровую конкуренцию.

— Например? — заинтересовался Ткачёв, лишний раз убеждаясь, что Вика гораздо изворотливее умом, чем Хмель и он сам.

— Например, Абрамович. Они с БАБом компаньоны, но это пока. Подбросить Роману информацию, что БАБ хочет отжать у него активы, а его самого использовать, как прикрытие в своих «грязных» делах. Не думаю, что Рома благочестиво примет такую информацию.

— Хм, — Хмель налил себе стакан воды. — И как такую информацию подтвердить?

— Её для начала надо добыть, — ответила Вика. — Или вынудить БАБа действовать так, как нам нужно.

— И как?

— А надавить на его жадность. И его чувство неприкосновенности. Это займёт время. Андрей, так и скажи посреднику. Если нужно быстро, то понадобится физическое устранение, и мы будем к нему готовиться.

В июне 1995 года в отставку ушли вице-премьер, министр по делам национальностей Николай Егоров; директор ФСБ Сергей Степашин; министр внутренних дел Виктор Ерин губернатор Ставропольского края Евгений Кузнецов. Конечно же, на эти отставки повлияли события в Будённовске.

— Что скажешь, Андрей?

Хмель рассматривал замысловатую схему, по обыкновению вычерченную Ткачёвым на листе ватмана. Кружочки, стрелки, знаки вопросов и восклицательные знаки густо усеяли белый лист, отображая причудливую картину размышлений. Андрей Викторович с довольным видом потягивал крепкий чай с лимоном и не выглядел усталым, хотя целую неделю крутился, как белка в колесе. И спал прерывисто, то и дело, вставая по ночам и склоняясь над схемой.

Зачем он её чертил, пожалуй, и сам особо не понимал, просто считал, что её нужно сделать. И совсем не был уверен в том, что она кому-то понадобится, кроме него самого.

— А что сказать? — Ткачёв поставил чашку на подоконник. — Мы в жопе, Хмель! И

выбраться из неё у нас нет возможности.

— Думаешь? — агент растерянно почесал затылок.

— Знаю! — Андрей Викторович хотел сплюнуть на пол, но вовремя одумался. — Мы всем скопом зашли в жуткий олигархический капитализм, как овцы в пасть огромного волка. При этом думая, что он нам вылизет всяческие места. А он нас просто кушает.

— Выходит, что всё, что мы делаем — зря?

— Выходит, что так, Хмель...

Ткачёв развернулся к окну, взглянул на мостовую. Сморщился, будто от нестерпимой боли.

— Нас будут использовать корысти ради, — сказал он. — Это, как дважды два. Устранять нашими руками конкурентов и политических оппонентов. И всё, что мы будем делать, будет не для народа и страны, а для продвижения к власти какого-нибудь элитного «клана». Причём такого, который не лучше и не хуже предыдущего.

Хмель задумался, потом предложил:

— Андрей, хватит ныть. Давай мыслить конструктивно. Может быть, бросить всё, и смотаться к Вике? Деньги у нас есть, будем жить спокойно и не отсвечивать. Твоим «слушачам» и Хулю откроем банковские счета...

Ткачёв раздражённо махнул рукой.

— Я сам часто подумываю над этим, но... не могу принять, понимаешь?! Не позволяет... воспитание.

— Другим-то позволяет, — неуверенно возразил Хмель.

— Другие не на моём месте, а своим я пользоваться не привык.

— Хорошо, Андрей, — Хмель присел в кресло и показал пальцем на ватман. — Зачем ты вот это всё делал? Ради чего?

— Я искал выход, — тихо признался Ткачёв. — Но как ни старался — не нашёл. И пришёл к выводу, что рано или поздно, нас просто уничтожат.

— Это будет очень непросто, — Хмель стиснул челюсти так, что скрипнули зубы.

— На самом деле проще, чем ты думаешь.

— Допустим. И что ты предлагаешь?

Хмель посмотрел на своего друга с жалостью. Было видно, что Ткачёв устал и не может найти решение того, что его мучает и грызёт изнутри.

— Андрей, а что если принять всё так, как оно есть?..

— Так я же тебе объясняю, что не могу, — вздохнул Андрей Викторович. — И физически устранять каждого, кто вредит государству — тоже не могу. Вот ты объясни... Это каким надо быть, чтобы не спрашивая никого, привести себя к власти, а потом грабить свою же страну?! Это как мозги человека должны быть устроены? Ведь он не там — за границей, вредит. А именно здесь! Живёт в этой стране и вредит ей изо всех сил, Хмель! Пользуется ей по своему усмотрению.

— Ну чего завёлся-то, Викторыч?! — агент тряхнул головой, раздражаясь.

— А то, что я сделать ничего не могу. Мало того, что мы прячемся абсолютно от всех, так ещё и действовать не можем. Ты же сам всё видел и в Крыму, и в Будённовске. Мы... на своей земле... ничего не можем сделать! Это, вообще, как?! Бандит и мошенник становится олигархом и получает не только деньги, но и реальную власть. Разбойник, преступник, на которого куча документального компромата становится депутатом Государственной думы!

Ткачёв развёл руками, показывая, что у него нет больше слов.

— Раньше таких сажали, или расстреливали, а сейчас они «народные избранники». Скажи, мы, случайно, не попали в какую-то другую, параллельную реальность?! И с кем в этой реальности сражаться? Со всеми?! Так у меня и пяти жизней не хватит.

Андрей Викторович резко встал, стал метаться по кухне под удивлённым взглядом Хмеля, будто что-то искал. Потом сдернул с вешалки куртку, ключи от квартиры, и распахнул дверь, намереваясь выйти на улицу...

Он застыл буквально на мгновение, интуитивно уловив быстрое движение сверху и снизу по лестнице. И почувствовал, что дверь закрыть не успеет.

— Хмель, беги! — только и успел крикнуть Ткачёв, оглушённый ударом, и, повалившись на спину, потерял сознание.

Дежурный следователь районного отделения милиции с опаской заходил в квартиру. На лестнице он встретил оперов убойного отдела, суетившихся экспертов и ещё кого-то, видимо опрашиваемых свидетелей. Одна старушка стояла на лестничной площадке, открыв рот, и не двигалась с места, будто статуя.

Внутри квартиры пахло дымом и кровью, повсюду валялись гильзы и мертвые тела. Под подошвами скрипели стекла от выбитых от взрывов гранат окон.

— Жуть! — сказал, вышедший из кухни опер. — Мясорубка! Двенадцать трупов! Квартиру будто штурмом брали.

— И кто? — поинтересовался следователь.

Опер понял его короткий вопрос.

— Чечены, ингуши, дагестанцы... Даже один араб.

— И кто же оборонялся?

— Тело мужика буквально напичкано свинцом. Там на кухне. Если бы не ранение в шею... Кровью истёк. Смотреть не советую...

— Это почему?

— У него на пальцах чеченец глазами повис. Эксперта аж замутило. Там кровящи по щиколотку... А мужик молодец! Вокруг себя четыре трупа собрал.

Следователь отстранил опера и на кухню заглянул, чуть не поскользнувшись на луже. Но тут же, зажав нос, выскочил оттуда.

— Да уж! — только и смог произнести.

Расталкивая плечом экспертов, вышел на лестничную площадку. Вдохнул воздуха открытым ртом.

— Милок, а ты здесь главный? — спросила его старушка, заглядывая в глаза.

— Я, бабушка.

— Тутоть одного мужчину-то из квартиры унесли. Да в машину загрузили. Я из окна то увидела. Жилец это был. Из этой квартиры. Иван Иванычем кличут. Я частенько его видела. И другой мужчина к нему часто приходил. Крепкий такой, на военного дюже похож.

Следователь посмотрел по сторонам, потом отвел старушку в сторону.

— Бабушка, ты про то, что видела, никому не говори. Дольше проживёшь. Так и говори всем — ничего не знаю, ничего не видела.

— Так я только тебе, как главному!

— Вот и хорошо...

Старушка шустро скрылась по лестнице вверх, а следователь обернулся на открытую дверь квартиры. Достал платок и промокнул вспотевший лоб.

Снизу неожиданно раздались громкие шаги. На лестничную площадку шагнул человек в

костюме и при галстуке. Оглядев всех, видимо, сообразил, что следователь здесь.

— Все документы по этому происшествию отдайте мне. Теперь этим занимается ФСБ...

И протянул следователю раскрытое удостоверение.

Следователь и опер стояли невдалеке от подъезда дома и молча наблюдали, как в две машины грузят тела в черных пакетах.

— Жаль мужика на кухне, — сказал опер, открывая банку с пивом. — Крепкий был боец. Бородатых завалил немало. Побольше бы таких в Грозном, не возились бы с ними так долго.

— Как думаешь, что тут было? — следователь достал сигареты.

— Скорее всего, прятался тут. Смотри, какой отряд подогнали, знали, с кем дело имеют. Наследил наш мужик где-то знатно. И умело...

— С чего бы, умело?

— Ты много знаешь тех, кто пальцами в глаза убивает? И кто одиннадцать трупов в замкнутом пространстве делает? И оружие у него, не ТТ и ПМ, а Стечкин. Не хухры мухры!

Следователь мысленно поблагодарил господу за то, что дело ушло в ФСБ. А то бы он повесил себе очередной висяк.

— Ладно, я за пивом, — развернулся к магазину опер и не спеша зашагал, поглядывая на спецмашины.

Следователь же остался на месте, и заметил на третьем этаже глядевшую из окна старушку, которая подходила к нему на площадке. Хотел, было, махнуть ей рукой, но не стал, чтобы не привлекать внимание ФСБэшников. А те «нарисовались» довольно быстро на месте происшествия. Что было странным.

— Мужчина, — кто-то тронул следователя за плечо.

Он обернулся и увидел перед собой очень милую девушку.

— Я корреспондент газеты, — проворковала она. — Веду колонку криминальных новостей. Не подскажите что здесь случилось?

— Э-э...

Следователь хотел её мягко прогнать, но в его карман легко опустилась стодолларовая купюра.

— Пожалуйста — она мило улыбнулась.

— Ладно, — следователь взглянул на магазин, но, видимо, опер купил пива и ушёл. Ему делать-то было нечего. — Надеюсь, что вы не будете упоминать моё имя?

— Я его даже спрашивать не буду, — подтвердила девушка.

— Человек пятнадцать, скорее всего, боевики из Чечни, штурмовали квартиру на втором этаже. По непроверенным данным...

Следователь замолчал, но в его карман легла ещё одна купюра.

— ... в квартире было двое. Один погиб, убив одиннадцать штурмовиков.

— А второй? — третья купюра легла в карман следователя, как родная.

— Второго, по словам свидетелей, увезли на машине в неизвестном направлении.

— А свидетели — эта не та старушенция, что смотрит из окна третьего этажа?

Следователь удивился преображению милого и щедрого корреспондента, в хищника, готового к прыжку. И совсем забыл об этом преображении, когда четвёртая купюра последовала за своими «сёстрами». Кивнул утвердительно.

Анна Петровна, несмотря на свой преклонный возраст, отличалась не только умом и сообразительностью, но ещё и хорошо видела и запоминала. Её этому когда-то обучали...

Она не любила рассказывать об этом, чаще притворяясь полуглухой и полуслепой старухой. Так было удобно и очень часто — выгодно. Да и говорила она складно, но порой притворялась такой плохо образованной деревенщиной. И совсем не удивилась, когда в её дверь позвонила девушка.

— Заходи, — кивнула ей Анна Петровна, без труда вычислив в девушке то, кем та является на самом деле. — Пришла узнать про мужика, которого увезли на машине бородатые? Я видела, как ты со следователем говорила, и доллары в карман ему совала... Кто этот мужик тебе?

— Это так важно? — девушка показала Анне Петровне пачку денег. — Скажете марку и номер машины — будет ваше.

Старушка достала из кармана халата бумажку.

— Здесь номер записала. Но это не той машины, на которой увезли мужика. На внедорожнике номера краденные. А вот другая машина стояла неподалёку — «Форд Мондео» синий металлик. Так там два мужика сидели и наблюдали за стрельбой. Один по телефону разговаривал. А потом они вслед за внедорожником и поехали. Внедорожник американский, чёрный. Да номера грязью измазаны.

Получив деньги, Анна Петровна пошла в комнату их прятать, но услышала, как девушка говорила по телефону:

— Милан, спутник есть над Москвой? Найди мне координаты «Форда Мондео», номер...

Ткачёв очнулся, когда на него плеснули холодной водой. Голова болела так сильно, что, казалось, череп не выдержит и расколется под ней. Да ещё чёрный мешок, противно пахнувший бензином, прилип ко лбу.

— Очухался, тварь!

Голос звучал с акцентом и звенел злостью. Говорившего Андрей Викторович не видел, но понял, что тот с Кавказа. Затем последовал сильный удар в живот, от которого перехватило дух, и сердце толкнулось с такой силой, будто хотело выскочить наружу.

— Эй! Не трогай его! Дождёмся шефа. У него есть вопросы...

Это сказал уже другой, и, судя по голосу, явно иностранец — европеец.

Ткачёв кашлял, брызгая слюной на ткань, и попытался дышать глубже, но резкая боль в груди не давала ему это сделать. Последующий удар по почкам был таким, что Андрей Викторович не удержался — закричал от резкой боли и рези внизу живота. Повалился, чувствуя, что привязан к какому-то стулу. Руки заведены за спину, и ноги не убрать, и не сомкнуть.

— Я тебе что сказал?! Не трогай его! Пока...

Кто-то резко поднял Ткачёва и поставил вертикально земле. Глухой всплеск, и ещё порция воды холодом окатила голову и грудь.

Ждать «шефа» пришлось долго. Где-то вдали заурчали двигатели автомобилей, и Андрей Викторович сообразил, что держат его на каком-то складе. Слишком явственно звучало эхо от разговоров.

Раздалися шаги, и кто-то быстро спросил:

— Он ещё живой?

— Да, — недовольно ответил кавказец. — Я ему башку отрежу!

— Потом, не сейчас, — у говорившего была быстрая, резкая и отрывистая речь, но говор характерный. — Снимите мешок. Я в глаза ему посмотрю.

С головы Ткачёва сдёрнули ткань, и он увидел приехавшего «шефа». Тот немного склонился и издали рассматривал Андрей Викторовича. Не пристально, а по-хозяйски. Как у лошадей рассматривают зубы. Череп «шефа», прикрытый тремя зачёсанными волосинами, блеснул в свете от единственной лампы под потолком.

— Ты что думал? — «шеф» не кривлялся. — Что можешь под меня спокойно копать, и я об этом не узнаю? Ты что, идиот?!

— Вопросы идиотские, — выговорил сквозь боль Ткачёв, и стоявший близко к нему худой и бородатый мужик занёс руку для удара, но...

— погоди! — прикрикнул «шеф». — А, ну, отойди.

Потом «шеф» ближе подошёл к сидевшему на стуле Андрею Викторовичу.

— Нет, ты, точно идиот. Ещё скажи, что делал это по собственному желанию. Тебе кто приказал-то?

— Папа Римский, — усмехнулся Ткачёв.

— Нет, ну, так невозможно, — «шеф» выпрямился. — Ты чего хочешь-то?

— От вас ничего не хочу. В первый раз вижу.

— Э, дай я отрублю ему голову! — дернулся кавказец, но притормозил, остановленный жестом ладони «шефа».

— Последний раз спрашиваю — кто приказал собирать на меня информацию?

— Да откуда я знаю?! — вспыхнул Ткачёв. — Чего пристал? Нужен ты мне, как собаке пятая нога.

— Нет, ну, посмотрите на него, — «шеф» всплеснул руками. — Раз говорить не хочешь, то и ты мне не нужен. Ты пойми: важно не то, кто первым сказал, а то, кого первым услышали. Я тебя не слышу.

Он развернулся и пошёл прочь от сидевшего Ткачёва. На ходу махнул рукой кавказцу, и тот вынул кинжал.

Воспользоваться, правда, не успел. Раздался едва слышный хлопок, и кавказец недоумённо замер, закатив глаза, будто пытался рассмотреть возникшую во лбу аккуратную дырку. Упав, кинжал звякнул о бетонный пол.

Андрей Викторович забыл о боли, хищно улыбнулся и повалился на бок, стараясь упасть рядом с лежащим кинжалом. Уже лёжа повернул голову...

Трое охранников «шефа» пригнули его, и, прикрывая собой, побежали к выходу. Хлопки участились. Один из охранников упал ничком, второй вскрикнул, но не встал, а хромя, продолжал прикрывать, пока третий уводил «шефа».

Тут, сзади Ткачёва, загрохотали автоматы. Он повернул голову на грохот, и увидел двух бородачей, палящих очередями. Андрей Викторович крутил головой, пытаясь определить смельчака, пришедшего сюда, и был до конца уверен, что это Хмель.

Охранники «шефа» тоже отстреливались, направив пистолеты в сторону двух толстых квадратных колонн неподалёку. Пули высекали в них искры и каменную щебёнку.

Один из автоматов заглох, раненный охранник тоже стал менять обойму и плотность огня существенно уменьшилась. Из-за колонн показались два глушителя. Несколько хлопков,

и охранник повалился на бок, выронив оружие. Автоматы загрохотали вновь, и Хмель укрылся за колонной, пережидая. Снаружи послышался визг покрышек и шум уезжающего автомобиля.

Бородачи, продолжая стрелять короткими очередями, быстро, и с разных сторон стали приближаться к колонне. Ответных хлопков не было, и Ткачѐв скрипнул зубами — у Хмеля, видимо, закончились боеприпасы. Вот бородачи, чуть опустив стволы, сделали друг другу пальцами какие-то знаки и дружно зашли за колонну. Ткачѐв зажмурился.

Раздался единственный выстрел...

Андрей Викторович открыл глаза. И выпучил от удивления.

Один из бородачей лежал на полу, зажав горло, из которого хлестала кровь. А второй стоял в стойке, обнажив нож. Его было видно наполовину, поскольку вторую половину скрывал угол колонны. Но вот он попятился, и вышел на вид целиком. Тут из-за колонны вышел и его противник...

Склонив голову к груди и зажимая бок ладонью, Вика медленно переступала, выбирая момент для атаки. Волосы растрѐпаны, глаза горят дьявольским огнём. Бородач пятился тоже медленно, видимо, не веря, что видит симпатичную хрупкую женщину вместо здорового мужика. И не понимает, что можно от неё ожидать.

Ткачѐв сообразил, как может ей помочь. Он изловчился, и тронул лежащий под ним кинжал, стараясь скрипнуть лезвием по бетону. Ему это удалось. Бородач отвлекся только на мгновение, но отвлѐкся. Вика резко сократила дистанцию, схватила его руку с ножом, а другой рукой с силой вонзила что-то бородачу под подбородок. Бородач обмяк, захрипел и упал на колени. Из его рта вылетел сгусток крови.

Пока Вика ходила и отбрасывала от трупов оружие, Ткачѐв всё понял. Лицо его сморщилось, а из глаз непроизвольно потекли ручьѐм слѐзы.

— Ушѐл, гад! — Вика сильно ударила руками по рулю машины. — Ушѐл! Сволочь! Гад! Я достану его, Андрей! Из под земли выну и придушу!

Ткачѐву было больно. Больно, как никогда. Болело всё, а сердце рвалось наружу, не в силах сдержать горячий ком, засевший в глубине. Он часто дышал открытым ртом, стараясь унять остриѐ, сверлившее тело под правой лопаткой. Остриѐ рылось в его внутренностях, обжигая, не давая дышать полной грудью. Ему срочно понадобилось выйти из машины, поскольку уже не было сил сдерживаться — боль давила к земле, в холодные объятия глубины.

— Андрей! — раздался истошный крик Вики, и в его голове лопнула жизнь.

Темень охватила Ткачѐва, в его сознании проносились светлые полосы, а в них ещё бурлили воспоминания.

Она подошла к нему, разрешила путы и Ткачѐв сел на бетон, размазывая по щекам слѐзы.

— Мой генерал, — с придыханием выговорила Вика. — Поднимайся, и пойдѐм отсюда. Скоро менты понаедут.

Ему было стыдно за то, что она видит его в таком состоянии — избитого, униженного и плохо пахнущего. Она прижала ладонь к своему бедру, и она тут же окрасилась бурым.

— Ты ранена, — заметил Ткачѐв.

— Ерунда, царапина, — сморщилась она. — Но перевязать надо. Поможешь, а то мне неудобно?

Сев в машину, они отъехали немного и встали в лесополосе. Вика сноровисто достала аптечку из бардачка.

— Найди там перекись и пластырь побольше, — сказала она Ткачёву и стала снимать кожаное пальто.

Потом расстегнула джинсы и стянула через голову тонкий свитер. Фыркнула, сдувая налипшие на лицо волосы.

Ткачёв смотрел на её тело, не отрываясь. Никакой живописный шедевр мира, никакая гениальная скульптура не могла сравниться с этим молодым, налитым зрелостью, телом.

— Андрей, не спи, — усмехнулась она и потянула джинсы вниз, обнажая сочащуюся кровью рану.

Он отдал ей пузырёк с перекисью, а сам стал искать пластырь. Рана зашипела под струёй раствора, и Ткачёв сильно вздрогнул. Вика заметила, отобрала у него аптечку и нашла в ней бинт и широкий пластырь.

— Помоги мне...

Он держал бинт, стараясь не прикасаться к коже. Она неторопливо накладывала пластырь, и всё же он дотронулся до неё. Одёрнул пальцы, будто обжёгся.

— Андрей, ты чего? — тихо спросила она, беря его ладонь. — Мой генерал, очнитесь, всё закончилось.

Он молчал, глядя только на её бедро. Больше ничего не существовало.

— Андрей, сейчас заедем в одно место. Там мне зашьют рану, и тебя переоденут. Дадут лекарства, и ты поспишь. Потом мы сделаем тебе документы и уедем.

— Куда? — он спросил автоматически.

— К нам с Миланом. Ты будешь жить у нас. Тебе нельзя сюда возвращаться.

— А Хмель?

Вика нахмурилась и вздохнула.

— Нет больше Хмеля...

Ткачёв сжал челюсти, чтобы не разрыдаться, и взглянул в окно на лесной пейзаж.

— Ведь ушёл зверёныш! — прошипела Вика. — Этот гад от меня ушёл, Андрей. Хмелья ; ему никогда не прощу.

Из воспоминаний Юрия Фельштинского...

«... Но заставить себя быть услышанным, «попасть в фокус» Березовского было сложно. К тому же он не имел никакого влияния на российскую политику. Это миф, автором которого был сам Березовский. Полезен после 1996 года Борис оказался лишь один раз — когда создал партию «Единство» и блистательно победил Юрия Лужкова на парламентских выборах в октябре 1999 года. После этого самоуверенный и высокомерный Березовский, уверовавший в свою гениальность и незаменимость, стал помехой.

Отличие Березовского от всех остальных людей (по крайней мере, от тех, кого знал я) заключалось в том, что его интересовал только он сам. Он был доведенным до теоретического максимума эгоистом. Думал только о себе, делал только то, что считал для себя выгодным и приятным. Иногда это совпадало с интересами других людей, групп или целых коллективов (могло совпадать даже с интересами стран и народов). Иногда не совпадало.

Сказать, что Березовский был беспринципным — ничего не сказать. Он слова такого не знал. Список отсутствующих для Березовского слов и понятий был, думаю, бесконечным. По той же причине он был абсолютно аморален.

С присущим ему цинизмом он считал, что политика — это форма зарабатывания денег, очень больших денег. Поэтому до тех пор, пока вектор энергии Березовского и вектор

движения Кремля совпадали, все у Бориса в жизни было великолепно, и он был достаточно успешен, так как власть в нем нуждалась — власть всегда в таких людях нуждается. А он нуждался во власти как инструменте зарабатывания больших денег.

Его очевидной слабостью была неадекватность, вызванная уверенностью в безграничности своих возможностей. Разумеется, эта уверенность придавала ему силу — до определенного момента, потому что остальные его не понимали, приписывали ему качества чуть ли не сверхъестественные, а потому боялись. На самом деле ничего у Бориса никогда не было, кроме денег и самоуверенности. Он считал, что у него есть еще и интеллект. К сожалению, в основе его интеллекта тоже лежали деньги. Как только (после скоропостижной смерти Бадри в 2008 году) он потерял все деньги, куда-то делся и весь его интеллект.

Сила Березовского была в деньгах. Слабость — в их отсутствии...«

Тело Бориса Березовского было обнаружено 23 марта 2013 года лежащим навзничь на полу в запертой изнутри ванной комнате в доме, принадлежащем его бывшей жене Галине. Самоубийство через повешение на шарфе стало основной версией смерти.

В марте 2014 года британский коронер Питер Бедфорд официально объявил, что причину смерти окончательно установить невозможно:

«Я могу либо вынести вердикт, что Борис Березовский покончил с собой, либо что его убили. Любая из этих версий должна однозначно подкрепляться доказательствами. Я не располагаю достаточными доказательствами для подтверждения ни одной из этих версий. Поэтому я оставляю вердикт открытым».

Такси доставило симпатичную даму в аэропорт Хитроу. Незаметным движением она поправила под пальто сбившийся чулок, натиравший шрам на правой ноге, и не спеша прошла в зону регистрации вылетов. Оформив билет, достала элегантный телефон и встала так, чтобы не попасть в объектив камеры слежения.

— Милан, я буду в Москве через четыре часа, — проворковала она в трубку. — Пробуду там недолго, и сегодня же вернусь домой.

Белая сумочка от «Гуччи» беспечно висела на сгибе локтя дамы и привлекла внимание местного воришки. Он приблизился к ней, но вдруг дама неожиданно развернулась, и воришка почувствовал, что его держат за горло.

Он не мог дышать, кричать и двигаться. Пальцы милой дамы сдавили его гортань так, словно два стальных стержня вошли через горло в мозг. Но со стороны это выглядело, будто она поправляет ему сбившийся на шее шарф.

— Пошёл вон, урод, — с улыбкой сказала дама на незнакомом воришке языке. Потом отпустила, и пока тот восстанавливал дыхание, достала из сумочки пять фунтов.

— Купи себе пива...

Это было сказано по-английски. Естественно, он убежал и никому об этом случае не рассказывал.

К даме подошёл пожилой мужчина.

— Стоило так рисковать, Вика?

Она печально улыбнулась.

— Это было то, чего я ждала восемнадцать лет.

Мужчина понимающе кивнул, потом тихо спросил:

— Я догадываюсь, что вы узнали, какое настоящее имя было у Хмеля?

— Да... Его звали Андрей.

